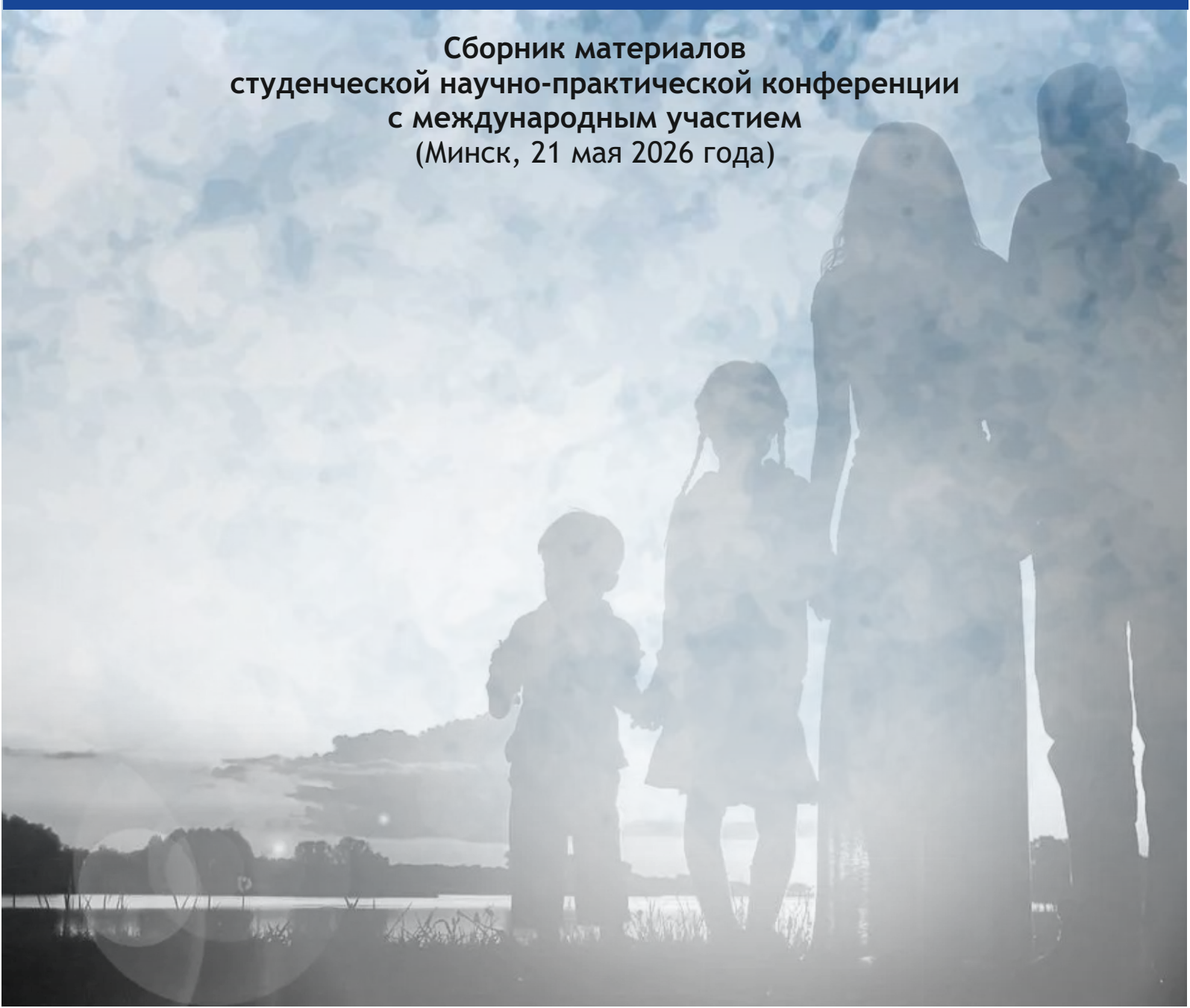

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

**Сборник материалов
студенческой научно-практической конференции
с международным участием
(Минск, 21 мая 2026 года)**

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Сборник материалов
студенческой научно-практической конференции
с международным участием

(Минск, 21 мая 2026 года)

Научное электронное издание

Минск
Международный университет «МИТСО»
2026

ISBN 978-985-497-455-2

© Международный университет
«МИТСО», 2026

Редакционная коллегия:
кандидат технических наук, доцент ректор
Международного университета «МИТСО» *В. М. Поздняков*;
кандидат юридических наук профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *О. М. Старовойтов*;
старший преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *М. Ю. Макарова*;
старший преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *Н. А. Кодак*;
преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *А. А. Вильтовская*

Под общей редакцией ректора Международного университета «МИТСО» *В. М. Позднякова*

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор профессор кафедры государственного управления
Белорусского государственного университета *О. Н. Толочко*;
кандидат юридических наук, доцент профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *В. Н. Вежновец*

Международно-правовая защита гражданского населения и гражданских объектов в условиях вооруженных конфликтов : сб. материалов студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 21 мая 2026 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. М. Поздняков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Позднякова. – Мн. : Междунар. ун-т «МИТСО», 2026. – 257 с.
ISBN 978-985-497-455-2.

В настоящий сборник вошли работы студентов, выполненные в рамках комплекса мероприятий по международно-правовой тематике, проведенных кафедрой международного права Международного университета «МИТСО» в 2026 году при поддержке Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Это работы победителей конкурсов на лучшее эссе среди студентов вузов, а также доклады студентов-участников научно-практической конференции с международным участием «Международно-правовая защита гражданского населения и гражданских объектов в условиях вооруженных конфликтов». Предназначен для студентов и магистрантов, а также всех интересующихся международно-правовой тематикой.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

Минимальные системные требования:
актуальная версия одного из интернет-браузеров: Google Chrome, Mozilla Firefox, Safari, Яндекс.Браузер или Microsoft Edge; скорость подключения к информ.-коммуникат. сетям 1 Мбит/с; подключаемые модули/настройки: в браузере должны быть включены JavaScript, cookies и поддержка отображения HTML5.

© Международный университет
«МИТСО», 2026

Программное обеспечение: Microsoft Word, ABBYY FineReader

Ответственный за выпуск *М. Ю. Макарова*
Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович, А. И. Стебуля*

Дата размещения на сайте: 31.08.2026. Mb.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск. <https://www.mitso.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алешкевич В. С., научный руководитель Чайкина А. В.</i> ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	7
<i>Антипова А. В., Макаревич К. В., научный руководитель Тозулева А. С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ И ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ	14
<i>Афанасьев С. А., научный руководитель Чуксина В. В.</i> КИБЕРОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	20
<i>Бабчук М. В., научный руководитель Дорина В. В.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС РАНЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА	26
<i>Бахтиярова К. Б., научный руководитель Кодак Н. А.</i> ТОКСИЧНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ	34
<i>Бондарчук Я. Д., научный руководитель Дорина В. В.</i> ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ	41
<i>Бортник М. Н., научный руководитель Сливко О. Я.</i> ПРАВО НА ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	48
<i>Габец К. А., научный руководитель Бруяко А. Н.</i> ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БЕЛОРУССКОЙ АЭС В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	54
<i>Заикина А. Ю., научный руководитель Левицкая Е. А.</i> КОСМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТЫ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА	60
<i>Заркевич В. Д., научный руководитель Савчик Е. В.</i> ЗАЩИТА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)	68
<i>Иванова К. В., научный руководитель Ховратова С. Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБЪЕКТОВ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	74

<i>Ивашкевич Г. И., научный руководитель Лапутько К. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ.....	80
<i>Ковалевская А. С., научный руководитель Лапутько К. В.</i> ПРАВО ДЕТЕЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА.....	87
<i>Корольчук И. С., научный руководитель Бородич А. И.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПЕРСОНАЛА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	95
<i>Корсак В. А., научный руководитель Коваль И. И.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	102
<i>Крицын Е. С., научный руководитель Лемешевский О. О.</i> ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ.....	108
<i>Кузнецова А. А., Нахалов Н. И., научный руководитель Ширева И. В.</i> ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (СТ. 54 ДП I): ЗАПРЕТ ГОЛОДА КАК МЕТОДА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.....	114
<i>Курганова М. И., научный руководитель Лапутько К. В.</i> ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	123
<i>Лисовская Д. С., научный руководитель Чайкина А. В.</i> КОММЕРЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИЗНАСИЛОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	131
<i>Малиновская Д. В., научный руководитель Ховратова С. Н.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: РОЛЬ МККК В ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕДИЦИНСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ	136
<i>Маринина М. Ю., научный руководитель Кодак Н. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	142
<i>Маслёная А. Д., Степаненко А. В., научный руководитель Ховратова С. Н.</i> РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В РАЗВИТИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	147
<i>Неборская С. В., научный руководитель Коваль В. В.</i> ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	152

<i>Островская А. А., научный руководитель Андриенко В. М.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБЪЕКТОВ.....	158
<i>Половинкина М. А., научный руководитель Киселева О. А.</i> ЭНЕРГОСИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ДИХОТОМИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА.....	166
<i>Савінава К. В., науковий керівник Емяльянович В. В.</i> СТАНАЇЛЕННЕ МІЖНАРОДНА-ПРАВОВИХ НОРМ У СФЕРИ ЗАБОРОНИ БІЛАГІЧНАЙ ЗБРОЇ І АБОРОНИ ГРАМАДЯНСЬКАГО НАСЕЛЬНІЦТВА Ї ПЕРЯД УЗБРОЕНИХ КОНФЛІКТАЇ	172
<i>Середа О. Е., научный руководитель Сливко О. Я.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ КАК ОСОБОЙ КАТЕГОРИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	182
<i>Соу М., научный руководитель Хохлышева О. О.</i> СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ	188
<i>Старовойтова М. Ю., научный руководитель Дорина В. В.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЗАЩИТА ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	198
<i>Шевцова В. И., научный руководитель Дорина В. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	207
<i>Ярёменко М. А., научный руководитель Чайкина А. В.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСОБАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ КАК КАТЕГОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ.....	215
<i>Ярмольчик А. А., научный руководитель Сливко О. Я.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	221
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)	229
ДИПЛОМ І СТЕПЕНИ <i>Коновков Н. В., научный руководитель Копыткова Н. В.</i> ЖЕНЩИНЫ В ВОЕННОМ ПЛЕНУ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В ПЛЕНУ	229

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Крицын Е. С., научный руководитель Лемешевский О. О.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....234

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Ядова А. А., научный руководитель Шадский О. Г.

МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ И УЯЗВИМОСТЬЮ:
ЖЕНЩИНА-КОМБАТАНТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ238

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Шилов А. А., научный руководитель Пасенов А. Н.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН ПРИ ОПАСНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ243

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Ваврентович З. А., научный руководитель Ворошкевич С. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН
И МАТЕРЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....248

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Югай М. Е., научный руководитель Сейтаева Ж. С.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ГАРАНТИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ: РОЛЬ ЖЕНЩИН
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....253

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

THE PROBLEM OF OBJECT QUALIFICATION IN MODERN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Алешкевич В. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Чайкина А. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры международного права

Аннотация. В статье рассматривается проблема разграничения военных целей и гражданских объектов в международном гуманитарном праве. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения критериев разграничения и усиления механизмов защиты гражданского населения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, гражданские объекты, военные объекты, объекты двойного назначения, принцип различия, принцип пропорциональности, защита гражданского населения.

Annotation. The article examines the problem of distinguishing between military objectives and civilian objects in international humanitarian law. The author concludes that clearer distinction criteria and stronger mechanisms for civilian protection are necessary.

Keywords: international humanitarian law, civilian objects, military objectives, dual-use objects, principle of distinction, principle of proportionality, protection of the civilian population.

Размышляя о специфике ведения вооруженных конфликтов, представляется невозможным игнорировать одну из наиболее сложных и одновременно принципиальных проблем международного гуманитарного права – размытие границ между военными целями и гражданскими объектами. В условиях боевых действий, где реальность зачастую утрачивает четкие очертания, сама возможность проведения такого разграничения оказывается под вопросом.

Несмотря на это, международное гуманитарное право устанавливает однозначное требование: нападения на гражданские объекты категорически запрещены. Данное положение закрепляется в ст. 8 Дополни-

тельного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и конкретизируется через два базовых принципа: принцип различия и принцип пропорциональности. Первый обязывает стороны конфликта четко разграничивать гражданское население и военные цели, направляя атаки исключительно на законные объекты военного назначения. Второй, в свою очередь, требует соразмерности: причиненный вред не должен быть чрезмерным по сравнению с ожидаемым военным преимуществом.

При этом следует учитывать, что сами по себе данные принципы, будучи сформулированными достаточно абстрактно, требуют сложной интерпретации при их практическом применении. В условиях ограниченности информации и динамики боевых действий их реализация во многом зависит от субъективной оценки стороны конфликта, что неизбежно увеличивает риск ошибок.

В этой связи особое значение приобретает само определение гражданского и военного объекта. Примечательно, что в международном гуманитарном праве гражданские объекты определяются по остаточному принципу как все те объекты, которые не являются военными. В то же время ст. 52 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов закрепляет: «Военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество».

Однако именно в этом, на первый взгляд четком определении и кроется проблема. Представляется, что его широкая формулировка неизбежно открывает пространство для различных интерпретаций как со стороны государств, так и со стороны специалистов. В частности, к военным объектам традиционно относят места дислокации комбатантов, военную технику, склады вооружения и средства связи. Вместе с тем объекты, изначально имеющие гражданское назначение, при определенных условиях также могут приобретать статус военных. Так, данный подход, с одной стороны, обеспечивает определенную гибкость правового регулирования, однако, с другой стороны, он создает предпосылки для чрезмерно широкого толкования категории военных объектов.

Так, Маликов Д. С. отмечает: «Обязательство проводить различие между гражданскими и военными объектами и запрещение нападения на гражданские объекты содержатся в военных уставах и наставлениях Германии, Хорватии, Италии и ЮАР, которые применимы или применялись во время немеждународных вооруженных конфликтов. Многие государства (Австралия, Великобритания, Грузия, Испания, Канада, Норвегия и др.) приняли законодательные акты, объявляющие преступлением нападение на гражданские объекты во время вооруженного конфликта» [1, с. 164].

В то же время, как отмечается в научной литературе: «Вопрос правового статуса гражданского объекта, особенно при его двойном назначении, остается предметом рассмотрения и анализа российских и зарубежных ученых» [2, с. 101].

Данное положение наглядно демонстрирует отсутствие единообразного подхода к квалификации объектов, что, в свою очередь, создает риск произвольного толкования норм.

Показательным в этом контексте является подход, согласно которому «военными объектами могут являться как объекты, специально созданные для использования в военных целях (боевая техника, заводы по изготовлению боеприпасов, склады военного снаряжения и т. п.), так и гражданские объекты (жилой дом или мост становятся военными объектами в силу их тактического использования обороняющейся стороной)» [3, с. 71]. Таким образом, ключевым критерием становится не первоначальное назначение объекта, а его фактическое использование.

Подобная логика фактически приводит к выводу о допустимости признания любого гражданского объекта легитимной военной целью при наличии даже минимального военного использования. Представляется, что подобный подход ведет к чрезмерному расширению категории военных объектов и, как следствие, подрывает саму идею защиты гражданского населения.

Практика вооруженных конфликтов лишь подтверждает данную тенденцию. Так, во время операции в Персидском заливе в 1990–1991 гг. значительная часть объектов, включенных в список целей для бомбардировок, относилась к инфраструктуре гражданского назначения системам электроснабжения, коммуникациям, мостам и водохранилищам [4]. Формально они могли рассматриваться как объекты, способствующие военным действиям, однако их уничтожение неизбежно затрагивало гражданское население.

Как справедливо отмечает А. А. Караванов: «История человечества наглядно демонстрирует тот факт, что гражданское население всегда вносило определенный вклад в развитие событий любого военного конфликта, оказывая помощь его непосредственно воюющим участникам, например, производя и поставляя оружие, продукты питания, демонстрируя солидарность с целями и способами противоборства путем выражения морального одобрения их действий и т. п. Однако, как правило, эти виды деятельности традиционно осуществлялись вдали от мест сражений, что обуславливало вовлечение в пространство боевых операций весьма незначительной части нонкомбатантов. Тенденцией настоящего времени, напротив, становится ситуация, когда вероятность того, что гражданские лица могут стать жертвами ошибочного или произвольного определения в качестве целей для нападения, возрастает, а вооруженные силы, будучи неспособными к точной идентификации противника, подвергаются риску быть атакованными субъектами, первоначально не воспринимаемыми как источник угрозы» [5, с. 146].

Развивая данное положение, представляется необходимым отметить, что современные трансформации пространственной организации общества оказывают существенное влияние на характер ведения вооруженных конфликтов. Одной из ключевых тенденций выступает урбанизация, в рамках которой происходит постепенное сокращение доли изолированных сельских территорий и одновременное расширение городских территорий. Малые населенные пункты утрачивают свою обособленность, интегрируясь в более крупные структуры, вследствие чего практически любое пространство приобретает признаки территории с постоянным присутствием гражданского населения.

В этих условиях происходит объективное размывание границ между военными и гражданскими объектами. Среда, ранее позволявшая относительно четко отделять территорию военных действий от зон проживания мирного населения, трансформируется в сложную систему пересечения различных типов инфраструктуры. Гражданские объекты оказываются включенными в потенциальные зоны ведения боевых действий, что, в свою очередь, существенно усложняет соблюдение принципа различения и ведение правомерных вооруженных операций.

Особое значение в данном контексте приобретает роль города как центра политического, административного и экономического управления. Контроль над столицей или крупным мегаполисом нередко ассоциируется с достижением стратегического преимущества, способного предопределить исход противостояния. Концентрация управленческих ресурсов, коммуникаций и символического значения государственной власти формирует представление о городе как о ключевой цели, обладающей повышенной военной и политической значимостью.

Однако подобное восприятие не может игнорировать ограничения, закрепленные нормами международного гуманитарного права. Несмотря на стратегическую привлекательность городских пространств, их правовой статус не позволяет рассматривать город как единый объект нападения. Это обусловлено тем, что город представляет собой сложную совокупность разнородных элементов, включающую жилые районы, объекты социальной инфраструктуры, культурные учреждения и иные структуры, не обладающие военным назначением.

Данное положение находит подтверждение в международном опыте, согласно которому: «В практике государств примерами военных объектов часто служат учреждения, здания и места, где находятся неприятельские комбатанты, их боевая техника и вооружение, а также военные транспортные средства и средства связи» [6]. Тем самым в качестве военных целей могут выступать исключительно конкретные объекты, обладающие определенной функциональной связью с ведением военных действий, но не городская среда в целом.

Следовательно, квалификация города как военной цели противоречит самой логике международного гуманитарного права, основанной

на необходимости индивидуализации объектов нападения и минимизации ущерба гражданскому населению. Игнорирование данного подхода неизбежно приводит к несоразмерному воздействию на мирных жителей и разрушению инфраструктуры, не имеющей отношения к военным операциям.

Дополнительную сложность создает специфика ведения боевых действий в условиях плотной городской застройки. Городская среда во многом снижает технологическое превосходство вооруженных сил, ограничивая эффективность применения авиации, бронетехники и средств разведки. Разделенность пространства, большое наличие укрытий и высокая плотность объектов создают условия, при которых различие между регулярными формированиями и нерегулярными группами становится менее очевидным.

Так, современная урбанизация не только трансформирует физическое пространство вооруженных конфликтов, но и ставит под сомнение возможность строгого соблюдения базовых принципов международного гуманитарного права без их дополнительной интерпретации и адаптации.

В этой связи особую актуальность приобретает принцип пропорциональности. Представляется, что его применение должно учитывать не только непосредственный военный эффект, но и так называемые вторичные последствия. Иными словами, оценке подлежит не только сам объект, но и цепочка последствий его уничтожения.

Так, атака на объект энергетической инфраструктуры, направленная на ослабление военных коммуникаций противника, может привести к отключению водоснабжения, прекращению функционирования медицинских учреждений и, как следствие, к массовым жертвам среди гражданского населения. В подобных условиях становится очевидным, что краткосрочное военное преимущество не способно оправдать долгосрочные гуманитарные последствия подобного рода действий.

Не менее сложной представляется ситуация с объектами информационно-коммуникационных технологий. Их двойственный характер проявляется особенно ярко: с одной стороны, они обеспечивают функционирование гражданской инфраструктуры, с другой активно используются сторонами вооруженного конфликта в военных целях.

В этой связи закономерно ставится вопрос: «Можно ли поражать комплекс инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий гражданского назначения, размещенный в жилых домах или в жилых кварталах, если обороняющаяся сторона не переместила их из этих мест и одновременно использует их в военных целях, получая при этом явное военное преимущество» [3, с. 72].

Действующие нормы международного гуманитарного права исходят из презумпции гражданского характера объекта в случае сомнений. Так, ст. 52 (3) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов закрепляет, что в случае сомнения в том, не используется ли объект, который обычно предназначен для гражданских целей,

например место отправления культа, жилой дом или другие жилые постройки или школа, для эффективной поддержки военных действий, предполагается, что такой объект используется в гражданских целях.

Однако применение данной нормы на практике сталкивается с серьезными трудностями. В условиях боевых действий, где информация ограничена, а решения принимаются в кратчайшие сроки, проведение полноценной правовой оценки объекта становится крайне затруднительным. Более того, психологическое состояние участников конфликта, находящихся под постоянным воздействием угрозы и стресса, лишь усугубляет данную проблему.

Таким образом, квалификация объектов двойного назначения представляет собой не только юридическую, но и фактическую, а в определенной степени и психологическую проблему. С одной стороны, международное гуманитарное право устанавливает четкие принципы и нормы, с другой их реализация в условиях реального конфликта оказывается значительно более сложной.

Подводя итог, следует отметить, что перед международным гуманитарным правом в данной сфере по-прежнему стоит ряд нерешенных задач. Речь идет не только о необходимости уточнения критериев отнесения объектов к военным или гражданским, но и о выработке эффективных механизмов обеспечения соблюдения существующих норм. В противном случае сохраняется риск того, что право будет интерпретироваться исходя из интересов сторон конфликта, а не в целях защиты гражданского населения. В таких условиях представляется сомнительной сама способность права выполнять свою гуманитарную функцию при сохранении размытости границ между дозволенным и запрещенным.

Список цитированных источников

1. Маликов, Д. С. К вопросу об определении понятий военных и гражданских объектов в районах вооруженного конфликта и о правовой оценке различий между ними / Д. С. Маликов // Власть. – 2014. – № 8. – С. 163–168. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiy-voennyh-i-grazhdanskih-obektov-v-rayonah-vooruzhennogo-konflikta-i-o-pravovoy-otsenke-razlichiy-mezhdu> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Тиунов, О. И. Международное гуманитарное право : учебник / О. И. Тиунов. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009. – 334 с.
3. Аду, Я. Н. Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов / Я. Н. Аду, М. С. Рамич // Вестник РУДН: Международные отношения. – 2025. – № 167–77. – С. 67–76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-grazhdanskih-i-voennyh-obektov-v-usloviyah-razvitiya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-hode-vooruzhennyh> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Буря в пустыне // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». – URL:

[https://tass.ru/spec/desert-storm?utm_referrer=https % 3a %2f %2fwww.bing.com %2f](https://tass.ru/spec/desert-storm?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.bing.com%2f)
(дата обращения: 14.04.2026).

5. Караванов, А. А. Современный взгляд на проблему реализации принципа проведения различия в международном гуманитарном праве / А. А. Караванов, И. Ю. Устинов // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 144–149. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-problemu-realizatsii-printsi-pa-provede-niya-razlichiya-v-mezhdunarodnom-gumanitarnom-prave> (дата обращения: 14.07.2026).

6. Норма 8. Определение гражданских объектов // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule8> (дата обращения: 14.04.2026).

Aliashkevich V. S., Minsk, International University «MITSO», Law Faculty.

Academic advisor: Chaikina A. V., Minsk, International University «MITSO», Senior Lecturer.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ И ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

ACTUAL PROBLEMS OF DEMARCATION OF CIVILIAN AND MILITARY FACILITIES IN THE CONTEXT OF CYBERNETIC OPERATIONS

Антипова А. В., Макаревич К. В.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Белорусский государственный экономический университет»,

студенты факультета права

Научный руководитель

Тогулева А. С.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Белорусский государственный экономический университет»,

ассистент кафедры международного экономического права

Аннотация. В статье анализируется принцип проведения различия в международном гуманитарном праве. Исследуются проблемы квалификации объектов двойного назначения при кибероперациях, обосновывается необходимость четких стандартов баланса военной необходимости и защиты гражданского населения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, объекты двойного назначения, военный объект, гражданские объекты, кибероперации, принцип соразмерности.

Annotation. The article analyzes the principle of distinction in international humanitarian law. The problems of dual-use objects classification during cyber operations are examined, the necessity of clear standards for balancing military necessity and protection of the civilian population is substantiated.

Keywords: international humanitarian law, dual-use objects, military object, civilian objects, cyber operations, principle of proportionality.

Принцип проведения различия между гражданскими и военными объектами остается одним из наиболее дискуссионных вопросов современного международного гуманитарного права (далее – МГП), кодифицированным в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г. [1]. В соответствии с п. 1 ст. 52 указанного Протокола, гражданские объекты не должны быть объектом нападения или репрессалий. Однако стремительное развитие технологий и трансформация характера вооруженных конфликтов в XXI веке размыли четкие границы между сугубо гражданской

инфраструктурой и использованием объектов в военных нуждах. Наибольшую сложность представляет квалификация объектов «двойного» назначения, которые одновременно обслуживают как гражданское население, так и вооруженные силы. Данная проблема приобретает особую остроту в контексте проведения кибернетических и информационных операций, где одна и та же сеть может передавать как команды на запуск ракет, так и данные для поддержания работоспособности больницы.

Правовое определение военного объекта содержится в п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I (далее – ДП I) это объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество. Следовательно, для квалификации объекта двойного назначения как законной военной цели требуется одновременное соблюдение двух кумулятивных критериев: 1) эффективный вклад в военные действия (критерий природы или использования) и 2) явное военное преимущество от его уничтожения (критерий целесообразности).

Сложность заключается в том, что в отношении объектов двойного назначения, например, электросетей, мостов, телекоммуникационных узлов, интернет-магистралей, «эффективный вклад» может носить непостоянный или второстепенный характер. Как справедливо отмечает М. Н. Шмитт, в случае сомнений относительно того, используется ли объект, обычно предназначенный для гражданских целей, для эффективной поддержки военных операций, действует презумпция его гражданского характера [2]. При этом бремя доказывания военной природы цели лежит на атакующей стороне, которая обязана предпринять все практически возможные меры предосторожности для верификации цели. Важно отметить, что международная судебная практика выработала дополнительные ориентиры для толкования понятия «явное военное преимущество». Так, Международный Суд ООН в своем Консультативном заключении о законности угрозы или применения ядерного оружия 1996 г. подчеркнул, что принцип проведения различия является одной из «незыблемых норм» МГП, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах. Это означает, что государства не вправе ссылаться на военную необходимость для оправдания превращения целых категорий гражданских объектов в военные цели. Применительно к объектам двойного назначения данный вывод предполагает обязанность проводить индивидуализированную, а не родовую оценку каждой конкретной цели [3].

В практике международных трибуналов и обычном праве сложился подход, согласно которому сама по себе возможность двойного использования не лишает объект иммунитета от нападения до тех пор, пока не будет

установлен факт его текущего военного использования. Например, в докладе Комитета по рассмотрению бомбардировок НАТО в Югославии рассматривался случай авиаудара по электросетям в Белграде. Хотя электроэнергия использовалась военными объектами ПВО, ее отключение одновременно лишало воды и света гражданские больницы. Комитет пришел к выводу, что электросеть является объектом двойного назначения, и ее атака допустима только при условии строгого соблюдения принципа соразмерности (пропорциональности), то есть если ожидаемое военное преимущество перевешивает случайные потери среди гражданского населения [4].

Принцип соразмерности, закрепленный в ст. 51 и ст. 57 ДП I требует от командиров взвешивать гуманитарные последствия каждой атаки. В контексте объектов двойного назначения это означает, что даже при доказанном военном использовании инфраструктуры нападение может быть признано неправомерным, если сопутствующий ущерб гражданскому населению будет чрезмерным. Правомерность атаки на объект двойного назначения всегда носит контекстуальный характер и зависит от совокупности факторов: времени суток, плотности гражданского населения вблизи объекта, наличия альтернативных средств достижения военного преимущества.

Особого внимания заслуживает квалификация кибернетической инфраструктуры в информационную эпоху. При проведении киберопераций проблема разграничения усугубляется виртуализацией пространства и взаимозависимостью сетей. Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойнам, уточняет, что данные, являясь нематериальным объектом, могут рассматриваться как «объект» в смысле ст. 52 ДП I только в том случае, если кибератака на них приводит к физическому повреждению материальных носителей или к нарушению функционирования инфраструктуры с последствиями, аналогичными кинетическому воздействию.

Специфика киберпространства порождает уникальные правовые дилеммы. В отличие от физического мира, где мост или электростанция имеют четкое географическое местоположение и поддаются визуальной идентификации, киберинфраструктура часто является распределенной и анонимной. Облачные серверы, узлы связи и центры обработки данных могут одновременно обрабатывать запросы Министерства обороны и гражданской системы здравоохранения. В связи с этим в доктрине МГП активно обсуждается необходимость внедрения принципа «цифровой избирательности», предполагающего, что атакующий должен не просто идентифицировать физический сервер, но и по возможности селективно воздействовать исключительно на военный сегмент данных, не затрагивая гражданский трафик [5].

Примером может служить кибератака с использованием вредоносного ПО Stuxnet на ядерные объекты в Иране. Центрифуги по обогащению урана являются классическим объектом двойного назначения, так как могут использоваться для производства как топлива для мирных АЭС, так

и оружейного плутония. Выход из строя данных объектов в результате кибероперации поднимает вопрос: является ли вредоносный код «оружием», а программное обеспечение SCADA военной целью? Ответ в данном случае зависит от конкретного контекста использования объекта на момент атаки. Если разведывательные данные подтверждают военную ядерную программу, объект теряет иммунитет. Однако важно подчеркнуть, что МГП запрещает атаки на объекты, необходимые для выживания гражданского населения (питьевая вода, запасы продовольствия), даже если они обладают признаками двойного назначения. Как отмечает М. Сассоли, принцип соразмерности требует от командира учитывать не только прямое военное преимущество, но и долгосрочные гуманитарные последствия выведения из строя критической инфраструктуры, от которой зависит выживание гражданского населения [6].

Отдельную проблему представляет квалификация подводных интернет-кабелей, через которые проходит более 95 % мирового интернет-трафика. Формально это гражданские объекты, защищенные от нападения. Однако в случае вооруженного конфликта они становятся критически важными для управления войсками и связи с союзниками. В доктрине высказывается мнение, что разрыв кабеля, связывающего исключительно два нейтральных государства, является нарушением принципа нейтралитета. Но если кабель используется преимущественно для военных коммуникаций противника, он может быть квалифицирован как военная цель. Сложность заключается в том, что технически разделить военный и гражданский трафик в оптоволокне в реальном времени крайне затруднительно, что делает практически любую атаку на подводный кабель действием с неопределенными гуманитарными последствиями.

Нельзя обойти вниманием и проблему так называемых «целей двойного назначения в киберпространстве» в контексте принципа нейтралитета. Ряд государств в своих официальных позициях, направленных в Группу правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций, указывали, что транзит военных данных через гражданскую инфраструктуру нейтральных стран не должен автоматически превращать такую инфраструктуру в законную цель. Данный подход находит поддержку и в академических кругах, предлагающих закрепить в *lex ferenda* правило, согласно которому использование гражданского сервера нейтрального государства для передачи военной информации не лишает его иммунитета до тех пор, пока нейтральное государство не откажется от принятия разумных мер по прекращению такого использования после соответствующего уведомления [7].

В контексте законодательства Республики Беларусь вопросы квалификации объектов регулируются Законом Республики Беларусь «О военном положении» и нормами международных договоров, участницей которых является Беларусь, в первую очередь ДП I [8]. Национальное законодательство имплементирует общие принципы МГП, возлагая на командование обязанность по оценке характера цели. Правовые основы

защиты гражданских объектов также находят отражение в уголовном законодательстве Республики Беларусь. В частности, ст. 136 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за нарушение законов и обычаев войны, включая нападение на гражданские объекты, находящиеся под защитой МГП. Кроме того, Военная доктрина Республики Беларусь подчеркивает приверженность государства принципам МГП и недопустимость необоснованного применения силы в вооруженных конфликтах. В условиях нарастающей цифровизации экономики Беларуси, защита критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) от кибератак требует четкого понимания того, что элементы КИИ могут стать легитимной целью лишь в случае их прямой интеграции в военное управление и при условии невозможности селективного отключения только военного сегмента сети.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что квалификация объектов двойного назначения в МГП представляет собой не статичный факт, а динамичную оценку обстоятельств. Основная задача современного правоприменения не допустить использования гражданской инфраструктуры в качестве «живого щита», с одной стороны, и пресечь практику произвольного признания военными целями объектов, критически важных для гражданского населения, с другой. В эпоху кибервойн это требует разработки четких стандартов доказывания относительно того, какой именно «вклад» в военные действия вносит тот или иной маршрутизатор или сервер в момент атаки. Представляется необходимым дальнейшее развитие международно-правовых инструментов «мягкого права» и национальных военных наставлений, уточняющих критерии квалификации виртуальных объектов и порядок оценки каскадного ущерба при проведении киберопераций. Только комплексный подход, сочетающий строгую правовую регламентацию с технологической экспертизой, способен обеспечить эффективную защиту гражданского населения от последствий современных вооруженных конфликтов.

Список цитированных источников

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 15.04.2026).
2. Tallinn Manual 2 on the International Law Applicable to Cyber Operations / ed. by M. N. Schmitt. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 598 p.
3. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons Advisory Opinion of 8 July 1996 // International Court of Justice. – URL: <https://www.icj-cij.org/case/95> (date of access: 17.04.2026).
4. Final Report to the Prosecutor by the Committee Established to Review the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia / International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2000. – URL: <http://www.icty.org/en/press/final-report-prosecutor-committee-established-review-nato-bombing-campaign-against-federal> (date of access: 25.04.2026).

5. Dinstein, Y. The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict / Y. Dinstein. – 4th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 25 p.
6. Sassòli, M. International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare / M. Sassòli. – Cheltenham Edward Elgar Publishing, 2019. – 72 p.
7. Cordey, S. The Law of Neutrality in Cyberspace / S. Cordey, K. Kohler. – Zürich : Zürich Center for Security Studies (CSS), 2021. – 85 p.
8. О военном положении : Закон Респ. Беларусь от 13 янв. 2003 г. № 185-З : в ред. от 9 дек. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.02.2026).

Antipova A. V., Makarevich K. V., Minsk, Belarusian State Economic University, Law Faculty.

Academic advisor: Toguleva A. S., Minsk, Belarusian State Economic University, Assistant of the Department of International Economic Law.

КИБЕРОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

CYBER OPERATIONS AGAINST CIVILIAN INFRASTRUCTURE: TOWARDS THE ISSUE OF INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION

Афанасьев С. А.

Российская Федерация,
г. Иркутск,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
аспирант кафедры конституционного и административного права

Чуксина В. В.

Российская Федерация,
г. Иркутск,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье дан подробный анализ юридической литературы и международных актов в сфере квалификации такой специфической формы деятельности как кибероперации, определены основные научные подходы к пониманию сущности данного явления, а также смежных с ним понятий и терминов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, безопасность, кибератака, кибероперация, кибероружие, киберпространство.

Annotation. This article provides a detailed analysis of legal literature and international regulations on the classification of cyber operations, a specific form of activity. It identifies the main scientific approaches to understanding the nature of this phenomenon, as well as related concepts and terminology.

Key words: international humanitarian law, security, cyberattack, cyberoperation, cyberweapons, cyberspace.

В условиях постоянно меняющейся геополитической и международной обстановки, вопрос обеспечения безопасности гражданского населения является одним из наиболее актуальных. Как отмечается в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №40, на текущий момент активно развивается использование информационных технологий в целях вмешательства во внутренние дела государств, что создает угрозы как национальной, так и международной безопасности.

По данным информационного агентства ТАСС за 2025 год в России было предотвращено около 217 тысяч компьютерных атак [1].

Одним из способов подобного вмешательства является проведение ряда скоординированных и сложно организованных мероприятий в информационной и телекоммуникационной среде киберопераций.

В целях разрешения вопроса о применении к данному явлению норм международного гуманитарного права (далее – МГП), а также подробной и наиболее четкой международно-правовой квалификации, необходимо детально рассмотреть происхождение самого термина и связанных с ним смысловых категорий.

В настоящее время в науке существует множественность трактовки рассматриваемой дефиниции.

Так, например, А. А. Рязанов определяет кибероперацию как «совокупность направленных на дестабилизацию функционирования системы управления и снижение возможностей национального хозяйственного комплекса противоборствующей стороны согласованных и взаимосвязанных кибератак, маскирующихся под анонимные хакерские группы разведывательных служб и кибервойск государств или разведывательных и киберподразделений негосударственных внутристрановых и международных структур и сообществ, являющихся субъектами геополитического противоборства, а также обеспечивающих данные кибератаки действий в киберпространстве» [2, с. 19].

Данный подход представляется достаточно емким и точным по своему содержанию. Автор акцентирует внимание на наличии развитой структуры и субъектах, задействованных в организации данного вида деятельности, однако рассматривает возможность проведения такого рода операций только посредством кибератак.

В то же время, ряд авторов рассматривает данный термин как тождественный по отношению к понятию «кибератака».

А. А. Ходанов, рассматривая вопрос международно-правового статуса кибервойны, допускает возможность восприятия государством-агрессором своей деструктивной деятельности в информационной среде в качестве кибератаки [3, с. 158].

Обозначенный подход представляется слишком узким. Действительно кибератака представляет собой способ негативного воздействия на информационную среду, направленный на дестабилизацию ее функционирования, однако, ее целью всегда является причинении вреда определенному ресурсу в киберпространстве государства-оппонента.

Например, применение компьютерного вируса StuxNet в сентябре 2010 года, вследствие которого была остановлена работа центрифуг иранской атомной станции [4, с. 125].

Сущность кибероперации представляется более комплексной и подразумевает использование широкого спектра сил и средств такого воздействия, а также структурно сложную организационную и координационную деятельность, направленную на достижение стратегических целей в киберпространстве.

Кроме того, в качестве субъекта кибероперации представляется возможным определить государства и развитые крупные информационные компании, в то время как субъектом кибератак, зачастую, являются малые хакерские группы, либо отдельные физические лица.

Тем не менее проведение киберопераций тесно связано с использованием кибератак, как одного из инструментов выполнения их задач и достижения целей.

В науке также выделяют такие виды и способы проведения киберопераций как киберразведка и киберзащита.

Под киберразведкой принято понимать комплекс мероприятий по добыванию, обработке и изучению сведений, осуществляемый посредством анализа информации циркулирующей в киберпространстве [5, с. 4].

Представляется возможным выделить следующие виды киберразведки в зависимости от способа реализации:

- вирусная: получение данных путем внедрения и применения вирусов (вредоносных программ);
- пользовательская: определение сетевых адресов, местоположения, организационной принадлежности пользователей;
- потоковая: мониторинг сетевого трафика (систем связи) с целью перехвата информации.

Как следует из вышеуказанных определений целью киберразведки является сбор и обработка информации об объектах интереса.

Термин «киберзащита» в научной литературе зачастую соотносится с термином «кибербезопасность» как равнозначный. Подобный подход к трактовке содержания указанных дефиниций представляется неверным. Действительно, данные понятия являются взаимосвязанными, но не тождественными.

Так, под «киберзащитой» принято понимать систему (механизм) средств различного характера, посредством которых осуществляется поддержка и обеспечение кибербезопасности, как состояния защищенности киберпространства субъекта [6, с. 322].

Согласно позиции Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), размещенной на официальном сайте организации, под кибероперациями принято понимать «операции, осуществляемые посредством потока данных против компьютера, компьютерной системы или сети либо другого подключенного к интернету устройства, когда такие операции используются в качестве средства или метода ведения войны в ситуации вооруженного конфликта» [7, с. 4].

Основываясь на изложенном выше, представляется возможным сделать вывод о том, что в настоящее время существует множественность трактовки содержания такого явления как «кибероперация», что в свою очередь приводит к разночтениям и различиям в понимании данного термина и, как следствие, к отсутствию единой позиции касательно международно-правовой квалификации.

Изучая вопрос применимости норм международного гуманитарного права к такой форме деятельности как «кибероперация», необходимо рассмотреть возможность ее квалификации как «акта агрессии».

Согласно ст. 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии», под агрессией принято понимать «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН» [8].

Из указанного выше следует, что понятие агрессии неразрывно связано с применением вооруженной силы.

В контексте рассматриваемого явления признаком вооруженности может являться наличие и использование агрессором кибероружия вредоносного программного обеспечения либо оборудования, предназначение которого заключается в нанесении ущерба либо нарушении функционирования информационной критической инфраструктуры оппонента.

Стоит отметить, что при отнесении киберопераций к указанной категории, должна также учитываться оценка масштаба и характера причиненного вреда, критериями которой могут являться разрушения критически важной инфраструктуры, существенный ущерб экономике и потери среди населения [9, с. 184].

Единство квалификации киберопераций как «акта агрессии» в позициях отдельных государств также отсутствует. Например, страны блока НАТО относят рассматриваемую категорию к актам агрессии и обстоятельствам, оправдывающим применение права на самооборону, в то время как Россия и Китай акцентируют внимание на защите суверенитета и выступают против эскалации, в условиях отсутствия доказательств вины конкретного субъекта [10, с. 36].

Таким образом, проведение государствами операций против критической информационной инфраструктуры оппонента может являться актом агрессии и как следствие повлечь за собой предусмотренные нормами международного права последствия.

Как следует из позиции, обозначенной в Консультативном заключении международного суда ООН от 8 июля 1996 г. «О законности угрозы ядерным оружием или его применения», принципы международного гуманитарного права распространяются на все виды, методы и средства ведения войн [11, с. 88].

Основываясь на обозначенном выше, можно сделать вывод о применимости норм МГП к такой смысловой категории как «кибероперация».

Тем не менее существуют определенные сложности, при отнесении объекта в отношении которого применяется вооруженная сила к категории «гражданских» либо «военных». В контексте рассматриваемого понятия подобные проблемы связаны с отсутствием возможности четкого разграничения, предусмотренного МГП, ввиду наличия объектов двойного назначения.

Кроме того, для применения норм МГП по защите гражданского населения необходимо установить наличие самого вооруженного конфликта.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что несмотря на отсутствие четкого определения термина «кибероперация», как в правовой науке, так и в международно-правовой практике, представляется возможным квалифицировать данное явление как «акт агрессии» и «применение силы» и, как следствие, рассматривать его через призму принципов международного гуманитарного права.

Однако отсутствие четких международных норм закрепляющих правовой статус «киберопераций», а также различие подходов к его пониманию со стороны различных государств создают существенные трудности в отнесении тех или иных действий к рассматриваемой категории, а также в определении их субъекта и, как следствие, наличия возможности применения права на самооборону.

В связи с чем, в целях унификации подходов к пониманию сущности рассмотренного в рамках данного исследования явления, представляется возможным всестороннее укрепление международных отношений в сфере регулирования киберпространства в целом и кибербезопасности в частности, в том числе путем проведения переговоров, выработки единого понятийного аппарата и заключения международных договоров о сотрудничестве, учитывающих специфику киберпространства и интересы всех государств.

Список цитированных источников

1. В России за 2025 год предотвратили около 217 тыс. кибератак // ТАСС: информ. агентство. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/27102999> (дата обращения: 07.05.2026).
2. Рязанов, А. А. Кибероперации как инструмент межгосударственной военно-экономической конкуренции / А. А. Рязанов // Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. – 2021. – № 2 (37). – С. 15–21.
3. Ходанов, А. И. Проблемы придания статуса *casus belli* кибератаке на государство – члена НАТО / А. И. Ходанов // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (77). – С. 155–159.
4. Маркова, А. В. Последствия и перспективы применения кибератак как инструмента внешней политики государств на примере вируса «Стакснет» / А. В. Маркова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 2-2. – С. 123–128.
5. Мухортов, В. В. Перспективы развития киберразведки / В. В. Мухортов, И. Д. Королев, Н. Б. Тимофеев, К. А. Летута // Инженерный вестник Дона. – 2022. – № 6. – С. 488–496.
6. Акользин, Е. П. К вопросу понятий кибербезопасности и киберзащиты. Виды объектов охраны / Е. П. Акользин, С. В. Примакова // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 321–324.
7. Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов: изложение позиции МККК // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-kiberoperacii-vo-vremya-vooruzhennykh-konfliktov> (дата обращения: 07.05.2026).

8. Определение агрессии : резолюция 3314 (XXIX) Генер. Ассамблеи ООН от 14 дек. 1974 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 07.05.2026).

9. Лазарь, К. К. Квалификация кибератак как «применения силы» или «акта агрессии» в международном праве: анализ ст. 51 Устава ООН и перспективы самообороны в киберпространстве / К. К. Лазарь // Правосудие. – 2025. – № 3. – С. 179–190.

10. Ивлюшкин, А. С. Применимость норм международного публичного права к обеспечению безопасности в киберпространстве: позиция НАТО / А. С. Ивлюшкин // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2023. – № 4. – С. 32–39.

11. Консультативное заключение Международного суда о законности применения ядерного оружия в свете принципов и норм международного права: размышления о его достоинствах и недостатках // Междунар. журнал Красного Креста. – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/advisory-opinion-international-court-justice-legality-use-nuclear-weapons-under> (дата обращения: 07.05.2026).

Afanasyev S. A., Irkutsk, Baikal State University, Graduate student at the Department of Constitutional and Administrative Law.

Academic advisor: Chuksina V. V., Irkutsk, Baikal State University, Head of the Department of Legal Support for National Security, Doctor of Law, Professor.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАНЕНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

THE LEGAL STATUS OF WOUNDED CIVILIANS AND MECHANISMS FOR THEIR PROTECTION IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Бабчук М. В.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Дорина В. В.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье анализируется правовой статус раненых гражданских лиц и механизмы их защиты в международном гуманитарном праве. Рассматриваются положения Женевских конвенций, национальная имплементация в Республике Беларусь, современные вызовы и перспективы.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право, раненые гражданские лица, Женевские конвенции, защита жертв войны, национальная имплементация.

Annotation. The article analyzes the legal status of injured civilians and mechanisms for their protection in international humanitarian law. The provisions of the Geneva Conventions, national implementation in the Republic of Belarus, current challenges and prospects are discussed.

Key words: International humanitarian law, wounded civilians, Geneva Conventions, protection of victims of war, national implementation.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) представляет собой одну из наиболее гуманных и человеколюбивых отраслей современного международного права, поскольку оно призвано минимизировать человеческие страдания и предотвращать грубые нарушения фундаментальных прав человека в условиях вооруженных конфликтов [1, с. 12]. В современном мире, где вооруженные противостояния приобретают все более сложный, затяжной и асимметричный характер, вовлекая в свою орбиту значительные массы гражданского населения, защита уязвимых

групп мирных жителей, в том числе раненых и больных, приобретает исключительную актуальность. Рост уязвимости гражданских лиц в текущих конфликтах, обусловленный урбанизацией боевых действий, применением высокотехнологичных средств ведения войны и размыванием границ между комбатантами и некомбатантами, диктует острую необходимость не только эффективного применения, но и постоянного внедрения норм МГП в повседневную практику государств и международных организаций. Данное обстоятельство подчеркивает не только юридическую, но и глубоко гуманитарную значимость рассматриваемой проблематики, поскольку от качества защиты раненых и больных напрямую зависит сохранение человеческого достоинства в условиях крайнего напряжения моральных и правовых норм [2, с. 9].

Для Республики Беларусь как государства, присоединившегося к ключевым международным договорам в области МГП, данная проблематика обладает как глубоким теоретическим, так и важным практическим значением. Республика Беларусь последовательно стремится к гармоничному сочетанию международных стандартов с национальным законодательством, что требует постоянного совершенствования внутренних механизмов реализации соответствующих норм, проведения систематической образовательной работы среди должностных лиц и военнослужащих, а также укрепления многостороннего сотрудничества с международными гуманитарными организациями. Такой подход позволяет Республике Беларусь не только выполнять взятые на себя международные обязательства, но и вносить реальный вклад в развитие глобальной системы гуманитарной защиты в условиях современных вызовов [3, с. 5].

Цель настоящей работы состоит в проведении комплексного анализа правового положения раненых гражданских лиц в рамках МГП, а также в изучении механизмов их защиты в соответствии с международными стандартами и законодательством Республики Беларусь.

В работе будут подробно рассмотрены основные источники МГП, раскрыто определение понятия «раненые», проанализирована специфика правового статуса раненых гражданских лиц в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, освещены национальные меры по имплементации соответствующих норм, а также выявлены актуальные вызовы и перспективы дальнейшего развития данной сферы. Такой всесторонний подход позволяет не только систематизировать существующие знания, но и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию механизмов защиты в национальном и международном контексте [4, с. 3].

Основополагающими документами в области международно-правовой защиты раненых и больных выступают четыре Женевские конвенции 1949 г. и два Дополнительных протокола 1977 г. [5, с. 544]. В соответствии с общей ст. 3 всех Женевских конвенций, которая применяется в вооруженных конфликтах немеждународного характера, раненые и больные

должны быть подобраны и получить помощь. Данное фундаментальное положение устанавливает минимальные гуманитарные гарантии независимо от принадлежности лица к стороне конфликта и подчеркивает универсальный характер гуманитарных обязательств государств, закладывая основу для гуманного обращения даже в условиях наиболее жесточенных внутренних противостояний [5, с. 546].

В условиях международных вооруженных конфликтов центральную роль играет IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. [5, с. 560]. На основании ст. 16 данной конвенции раненые, больные, инвалиды и беременные женщины пользуются особой заботой и охраной. Государства-участники обязаны уважать и защищать таких лиц, предоставляя им медицинскую помощь без какой-либо дискриминации. На основании ст. 18 IV Женевской конвенции обеспечивается защита гражданских госпиталей, предназначенных для ухода за ранеными и больными гражданскими лицами. Такие объекты не могут подвергаться нападениям и должны пользоваться уважением и защитой со стороны воюющих сторон, что создает надежный правовой щит для медицинских учреждений в зоне конфликта [5, с. 562].

Дополнительный протокол I 1977 г. существенно расширяет и детализирует эти положения [6, с. 610]. Согласно ст. 8 Дополнительного протокола I дается четкое определение «раненых и больных»: это лица, которые вследствие травмы, болезни или иного физического или психического расстройства или инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе и которые воздерживаются от любых враждебных действий. Данное определение распространяется как на военнослужащих, так и на мирных жителей, обеспечивая тем самым универсальность защиты. В соответствии со ст. 1 Дополнительного протокола I закрепляется фундаментальный принцип уважения и защиты всех раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, независимо от принадлежности к стороне конфликта. Медицинская помощь должна предоставляться им в возможно кратчайшие сроки, а медицинский персонал и учреждения не могут подвергаться нападениям. По мнению О. Н. Толочко, эти нормы образуют целостную систему защиты жертв войны, построенную на принципах гуманности и недискриминации [7, с. 34].

В немеждународных вооруженных конфликтах Дополнительный протокол II 1977 г. на основании ст. 7 полностью повторяет обязанность сторон конфликта собирать раненых и больных и оказывать им помощь без какой-либо дискриминации [6, с. 663]. Таким образом, международные стандарты обеспечивают универсальную и всеобъемлющую защиту раненых гражданских лиц независимо от характера вооруженного конфликта, что является одним из наиболее ярких проявлений гуманитарной сущности международного права [6].

Важными механизмами защиты выступают создание санитарных зон и нейтральных зон, а также использование отличительных эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца. Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) играет ключевую роль в мониторинге соблюдения норм МГП, в распространении знаний о нем и в оказании непосредственной гуманитарной помощи. Согласно материалам МККК, раненых и больных необходимо разыскивать и подбирать, им должна быть оказана помощь, как только это позволят обстоятельства; под специальной защитой находятся медицинский персонал, медицинские учреждения, санитарный транспорт и оборудование [2, с. 18].

Правовой статус раненых гражданских лиц определяется их принадлежностью к категории «покровительствуемых лиц» в соответствии с IV Женевской конвенцией [5, с. 561]. Не являясь комбатантами и не принимая участия в боевых действиях, они пользуются полной защитой от прямых нападений. Раненый гражданский сохраняет свой статус даже на оккупированной территории или в зоне активных боевых действий. Государство, под контролем которого находится такое лицо, обязано обеспечить ему гуманное обращение, медицинскую помощь, уход и, при необходимости, эвакуацию. Ключевым принципом остается недискриминация: защита предоставляется независимо от национальности, расы, религии или политических убеждений. Статус раненого прекращается только после полного выздоровления и восстановления способности к нормальной жизнедеятельности [5]. Нарушение установленного статуса квалифицируется как тяжкое нарушение МГП и влечет индивидуальную уголовную ответственность [8, с. 47].

По мнению Н. С. Грудина и Р. В. Федорова, общая характеристика правового статуса раненых и больных в МГП опирается на принципы их защиты, закрепленные в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах. Авторы акцентируют внимание на том, что регулирование данных вопросов относится исключительно к сфере международного права и распространяется как на международные, так и на немеждународные вооруженные конфликты. Особое место отводится обязательствам государств по соблюдению статуса раненых и больных, а также вопросам международной и национальной ответственности за нарушения [9, с. 45].

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права. Согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь, Республика Беларусь признает верховенство общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им своего законодательства [10, с. 6]. Республика Беларусь является участницей всех четырех Женевских конвенций 1949 г. и обоих Дополнительных протоколов 1977 г. [3, с. 12].

На национальном уровне имплементация норм МГП осуществляется через Комиссию по имплементации международного гуманитарного права при Совете Министров Республики Беларусь (далее – Комиссия

по имплементации МГП), созданную в 1997 году [3, с. 15]. Комиссия координирует деятельность всех государственных органов по приведению национального законодательства в соответствие с нормами МГП, организует образовательные мероприятия и семинары для военнослужащих и должностных лиц, а также обеспечивает тесное сотрудничество с МККК. Ключевым актом национального законодательства выступает Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Статья 136 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за преступные нарушения норм МГП во время вооруженных конфликтов, включая применение запрещенных средств и методов ведения войны, нападения на объекты, обозначенные эмблемами Красного Креста, и иные нарушения, непосредственно затрагивающие защиту раненых. Статья 135 УК Республики Беларусь дополняет эту ответственность за жестокое обращение с ранеными и больными [11]. Кроме того, в Республике Беларусь действует Инструкция Министерства обороны о порядке применения норм МГП в Вооруженных Силах, которая обязывает военнослужащих обеспечивать сбор, эвакуацию и лечение раненых, а также уважать защитные эмблемы [3, с. 25]. Как подчеркивает Н. А. Бабий в своих исследованиях, эффективная национальная имплементация является важнейшим условием реального соблюдения международных стандартов [8, с. 50].

По мнению В. И. Степаненко, вопросы защиты раненых, больных и гражданского населения занимают центральное место в системе МГП. Автор анализирует эволюцию института защиты начиная с Конвенции 1864 г., раскрывает определения ключевых понятий, ключевые положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов, вопросы защиты медицинского персонала и эмблем, а также специфику имплементации норм МГП на национальном уровне в Республике Беларусь через деятельность Комиссии по имплементации МГП и положения УК Республики Беларусь [4, с. 10].

Несмотря на достаточно развитую нормативную базу, практика применения норм МГП сталкивается с серьезными вызовами. Рост числа немеждународных конфликтов, широкое использование новых технологий ведения войны (беспилотные аппараты, взрывные боеприпасы в густонаселенных районах) и сложности в разграничении гражданских и военных объектов существенно затрудняют эффективную защиту раненых гражданских лиц [9, с. 78].

Одной из наиболее острых проблем остается систематическое нарушение защиты медицинских объектов и персонала. В современных конфликтах больницы, автомобили скорой помощи и медицинский персонал регулярно подвергаются атакам. Это лишает раненых своевременной квалифицированной помощи и квалифицируется как военные преступления. Осады населенных пунктов еще более усугубляют ситуацию, блокируя доступ к медицинской помощи, воде и продовольствию [2]. Согласно материалам МККК [2, с. 28], в асимметричных и городских конфликтах значительно возрастает число жертв среди гражданского населения,

а незаконное использование эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца подрывает доверие к всей системе защиты [2].

Новые технологии, такие как дроны, хотя и позволяют осуществлять более точечные удары, одновременно повышают риски ошибочной идентификации целей и причинения непропорционального вреда гражданским лицам. В то же время они открывают определенные возможности для доставки гуманитарной помощи в труднодоступные зоны. Однако отсутствие надежных механизмов распознавания лиц, вышедших из строя, при использовании автономных систем ставит под серьезный вопрос соблюдение фундаментальных принципов МГП [9, с. 92].

Еще одним значительным вызовом является эрозия культуры соблюдения норм в условиях дегуманизации противника. По оценкам экспертов и отчетам МККК, главная проблема заключается не в отсутствии правил, а в их систематическом и массовом игнорировании сторонами конфликтов [2, с. 35].

Для Республики Беларусь особенно актуальной остается задача дальнейшего совершенствования внутреннего законодательства с учетом новых технологий ведения войны, усиления роли Комиссии по имплементации МГП, развития сотрудничества с МККК и расширения образовательных программ для всех категорий должностных лиц и военнослужащих [3, с. 38]. Перспективы развития МГП связаны с укреплением механизмов международной и национальной ответственности, интеграцией инклюзивных подходов (особая защита раненых женщин, детей и лиц с инвалидностью) и использованием современных технологий не для ослабления, а для усиления защиты. По мнению В. Ю. Калугина и соавторов, эффективная система защиты жертв войны требует постоянного совершенствования как на международном, так и на национальном уровнях с учетом накопленного практического опыта [1, с. 149].

Делая общий вывод, необходимо подчеркнуть, что правовой статус раненых гражданских лиц в МГП основан на принципах гуманности, недискриминации и обязательности оказания медицинской помощи [7, с. 45]. Международные стандарты в сочетании с законодательством Республики Беларусь создают достаточно надежную систему защиты. Однако в современных условиях эффективная имплементация этих норм требует не только дальнейшего совершенствования юридических механизмов, но и проявления политической воли, внедрения инноваций в сфере гуманитарной помощи и постоянного укрепления культуры соблюдения права [2, с. 43].

Особое значение приобретает комплексное изучение статуса раненых и больных, включая специальные меры по защите гражданских объектов и создание безопасных зон. Такие меры позволяют существенно минимизировать гуманитарные последствия вооруженных конфликтов [9, с. 111]. Укрепление механизмов защиты раненых гражданских лиц способствует не только выполнению международных обязательств Республики

Беларусь, но и формированию устойчивой правовой культуры в обществе. В условиях глобальных вызовов Республика Беларусь продолжает активно участвовать в развитии и имплементации норм МГП. Это подтверждает приверженность Республики Беларусь принципам гуманизма и международного сотрудничества [3, с. 45].

Обобщая всю изученную информацию, можно сказать то, что дальнейшее совершенствование правового регулирования в данной сфере будет способствовать повышению эффективности защиты наиболее уязвимых категорий населения в любых вооруженных конфликтах. Это является одной из самых приоритетных задач как для международного сообщества в целом, так и для Республики Беларусь в частности [4, с. 25]. Постоянное внимание к вопросам защиты раненых и больных гражданских лиц позволяет сохранять человеческое достоинство даже в самых сложных условиях вооруженных противостояний и служит важным вкладом в обеспечение стабильности и безопасности на международной арене.

Анализ существующих норм и механизмов имплементации показывает, что только при условии тесного взаимодействия международного и национального права, подкрепленного практическими мерами по распространению знаний и контролю за соблюдением норм, можно добиться реального снижения гуманитарных последствий конфликтов. В этой связи Республика Беларусь обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития системы защиты раненых гражданских лиц, что должно стать приоритетом государственной политики в сфере МГП.

Подводя итог вышесказанному, эффективная реализация рассмотренных положений не только укрепит международный правопорядок, но и обеспечит более высокий уровень гуманитарной безопасности для всех участников вооруженных конфликтов. Дальнейшие усилия по совершенствованию нормативной базы и практических механизмов позволят укрепить универсальность защиты, сделать ее более адаптивной к новым вызовам и гарантировать соблюдение гуманитарных принципов в любых обстоятельствах.

Список цитированных источников

1. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко ; под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Мн. : Тесей, 1999. – 308 с.
2. Международное гуманитарное право. Ответы на ваши вопросы // Международ. Комитет Красного Креста. – Женева : МККК, 2020. – 109 с.
3. Об имплементации международного гуманитарного права в Республике Беларусь : материалы Комиссии по имплементации МГП при Совете Министров Республики Беларусь. – Мн., 2022.
4. Степаненко, В. И. Международное гуманитарное право : учеб. программа учреждения высшего образования для специальности переподготовки 1-24 01 74 «Международное право» / В. И. Степаненко / Междунар. университет «МИТСО». – Мн., 2017. – URL: <http://elib.mitso.by/handle/edoc/1034> (дата обращения: 07.05.2026).

5. Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны : 12 авг. 1949 г. // Действующее международное право. – М., 1997. – Т. 2. – С. 544–592.
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Действующее международное право. – М., 1997. – Т. 2. – С. 593–662.
7. Толочко, О. Н. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 88 с.
8. Бабий, Н. А. Уголовная ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права: проблемы квалификации / Н. А. Бабий // Право Беларуси. – 2007. – № 1. – С. 45–52.
9. Грудинин, Н. С. Защита раненых и больных в международном гуманитарном праве : учеб. пособие / Н. С. Грудинин, Р. В. Федоров. – М. : МИРЭА, 2022. – 1 диск.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Мн. : Амалфея, 2019. – 46 с.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 окт. 2025 г. № 101-З : с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2026 г. // Эталон информ.-правовая система Республики Беларусь (дата обращения: 07.05.2026).

Babchuk M. V., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Law Faculty student.

Academic advisor: Dorina V. V., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Criminal Law, Master of Laws.

**ТОКСИЧНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА
В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ:
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН
И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ**

**TOXIC CHEMICAL SUBSTANCES IN ARMED CONFLICTS:
LONG-TERM CONSEQUENCES FOR WOMEN'S REPRODUCTIVE
HEALTH AND LEGAL PROTECTION OF VICTIMS**

Бахтиярова К. Б.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,

студент юридического факультета

Научный руководитель

Кодак Н. А.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,

старший преподаватель кафедры международного права

Аннотация. В статье исследуются долгосрочные последствия воздействия токсичных химических веществ (включая обедненный уран, выбросы при атаках на нефтеперерабатывающие заводы и химическое оружие) на репродуктивное здоровье женщин в вооруженных конфликтах. Предлагается включить категорию «репродуктивного вреда» в компенсационные механизмы и внедрить гендерно-чувствительные подходы в политику разоружения.

Ключевые слова: токсичные химические вещества, репродуктивное здоровье женщин, международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, обедненный уран, репродуктивный вред, компенсационные механизмы.

Annotation. The article examines the long-term consequences of exposure to toxic chemical substances (including depleted uranium, emissions from attacks on oil refineries, and chemical weapons) on women's reproductive health in armed conflicts. It analyzes gaps in international humanitarian law. It proposes to include the category of «reproductive harm» in compensation mechanisms and to introduce gender-sensitive approaches into disarmament policy.

Keywords: toxic chemical substances, women's reproductive health, international humanitarian law, armed conflicts, depleted uranium, reproductive harm, compensation mechanisms.

При ответе на вопрос о существовании категории «репродуктивного вреда» следует ответить утвердительно, однако данная категория находится на стадии формирования и присутствует скорее в доктрине международного

права, политических документах и технических регламентах, нежели в виде устоявшихся договорных норм, и может быть выделена в следующих трех уровнях.

Первый уровень представлен международным уголовным правом, а именно Римским статутом Международного уголовного суда, который признает три конкретных состава преступления, которые могут быть отнесены к репродуктивному вреду: принудительная беременность (ст. 7 (1) (g), 8 (2) (b) (xxii), 8 (2) (e) (vi)), принудительная стерилизация (те же статьи) и геноцид путем предотвращения деторождения (ст. 6 (d)). Однако данные составы не в полной мере охватывают весь спектр репродуктивного вреда и требуют доказывания специального умысла, что существенно ограничивает их применимость к ситуациям, связанным с воздействием токсичных агентов в период вооруженных конфликтов.

Второй уровень связан с политикой и прецедентным правом Международного уголовного суда (далее – МУС). В декабре 2023 года Управление Прокурора МУС приняло новую Политику в отношении гендерных преступлений, которая прямо признает «репродуктивное насилие» аналитически отличным от сексуального насилия и подчеркивает репродуктивную автономию как ключевое измерение гендерного вреда [1]. Кроме того, в деле «Прокурор против Доминика Онгуена» (МУС, 2021 г.) суд впервые квалифицировал принудительную беременность как самостоятельное преступление (военное преступление и преступление против человечности), прямо заявив: «Преступление принудительной беременности основано на праве женщины на личную и репродуктивную автономию и праве на семью» [2]. Тем самым был создан прецедент признания репродуктивной автономии в качестве самостоятельного блага, охраняемого международным уголовным правом.

Третий уровень охватывает техническое регулирование и право прав человека. В технических регламентах, например в Регламенте Европейского союза «Classification, Labelling and Packaging» (далее – ЕС CLP), существует устоявшаяся категория «репродуктивной токсичности», определяемая как негативное воздействие на сексуальную функцию и способность к воспроизводству взрослых мужчин и женщин, а также токсичность, связанная с развитием потомства [3]. Параллельно с этим Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в своих общих рекомендациях [4] признает, что действия, ведущие к бесплодию, выкидышам или врожденным порокам развития, могут составлять нарушение права на здоровье, закрепленного в ст. 12 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [5].

Таким образом, в настоящее время в международном праве отсутствует единый состав «репродуктивного вреда», однако данная категория реально существует на трех уровнях: как «репродуктивная токсичность» в технических регламентах, как «репродуктивное насилие» в политике и прецедентном

праве МУС, а также как признаваемый Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) вид вреда в рамках механизмов защиты прав человека.

Запрет химического оружия является одним из фундаментальных достижений международного гуманитарного права. Женевский протокол 1925 г. [6] и Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. [7] сформировали систему международно-правовых норм, направленных на недопущение применения данных средств ведения войны. Однако вооруженные конфликты последних десятилетий, включая события в Ираке, Сирии, демонстрируют, что установленные запреты нарушаются, а правовые механизмы защиты жертв остаются несовершенными. Особую тревогу вызывает воздействие токсичных агентов на репродуктивное здоровье женщин, поскольку международное гуманитарное право традиционно рассматривает женщин преимущественно сквозь призму защиты от сексуального насилия либо как уязвимую группу (беременные, матери). Гендерно-дифференцированные последствия применения оружия массового поражения, в особенности мутагенные и тератогенные эффекты, остаются недостаточно урегулированными.

Проблема долгосрочных последствий применения обедненного урана в вооруженных конфликтах привлекла особое внимание международного научного сообщества в 2025–2026 гг. В отличие от химического оружия, запрещенного Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., обедненный уран не подпадает под действие данной конвенции, однако его применение в Ираке, на Балканах и в других регионах привело к задокументированным последствиям для здоровья населения. Согласно исследованию иракского ученого, в области радиационной физики и токсикологии, Шата Ф. Альхаус с соавторами, опубликованному в октябре 2025 года в журнале «Isotopes in Environmental and Health Studies»: «Воздействие урана на женский организм имеет прямую корреляцию с нарушением фертильности. В ходе исследования были проанализированы концентрации урана в крови трех групп женщин в Ираке: здоровые ($n = 20$), женщины с первичным бесплодием ($n = 29$) и женщины с вторичным бесплодием ($n = 11$). Результаты показали, что у здоровых женщин концентрация урана составляла 0,712 ppb, что ниже рекомендованного Международной комиссией по радиологической защите и Всемирной организацией здравоохранения предела в 0,81 ppb. У женщин, страдающих первичным и вторичным бесплодием, показатели составили 1,149 ppb и 1,148 ppb соответственно превышение более чем на 40 %» [8].

Авторы исследования выявили значительные нарушения гормонального баланса у женщин с повышенным содержанием урана в крови и зафиксировали: «Отклонения в концентрациях фолликулостимулирующего гормона, лютеинизирующего гормона, β -хорионического гонадотропина человека, эстрадиола и прогестерона, что приводит к невозможности наступления беременности. Особое значение имеет выявленная связь между урановой

токсичностью и синдромом поликистозных яичников: среди женщин с первичным бесплодием данный синдром диагностирован в 16 % случаев, среди женщин с вторичным бесплодием в 21 %». Данные выводы имеют прямое отношение к правовой оценке вреда, поскольку документально подтверждают причинно-следственную связь между воздействием токсичного агента, используемого в военных целях, и тяжелыми репродуктивными нарушениями.

Еще одно значимое исследование, опубликованное в январе 2026 года в журнале «Radiation Physics and Chemistry», посвящено оценке уровня урана в плаценте и его связи с исходами беременности в послевоенном Ираке. Авторы Али Т. Аль-Джанаби, Нада Фадхиль Тавфик и Нурсакина Суарди установили, что «уран способен накапливаться в плацентарной ткани, преодолевать плацентарный барьер и оказывать прямое воздействие на развивающийся плод» [9]. Исследование подтверждает, что воздействие урана во время беременности связано с повышенным риском врожденных пороков развития, включая дефекты нервной трубки. Эти данные согласуются с результатами систематического обзора Шелби Сурдык с соавторами, опубликованного в ведущем международном медицинском журнале «BMJ Global Health» в 2025 году, который подтверждает связь между воздействием обедненного урана и неблагоприятными исходами для здоровья среди иракского населения [10]. Обзор, охвативший 33 статьи по 36 исследованиям, показал, что 83 % исследований сообщают о положительной корреляции между воздействием урана и ухудшением показателей здоровья.

Международное гуманитарное право содержит развернутую систему запретов на применение химического оружия. Женевский протокол 1925 г. и Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. формируют фундамент, на котором строится режим нераспространения и запрета. Статья 35 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям запрещает применять оружие, которое причиняет излишние повреждения или излишние страдания [11]. Однако ключевая проблема заключается в том, что существующие документы ориентированы преимущественно на предотвращение применения, а не на компенсацию долгосрочного вреда, включая репродуктивные последствия. Категория «репродуктивного вреда» (бесплодие, генетические нарушения, потеря возможности здорового деторождения) не выделена в качестве самостоятельной ни в одном из международных договоров. А тот самый обедненный уран не попадает под действия Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., тем самым являясь серой зоной с не менее пагубным действием в долгосрочной перспективе.

Особого внимания заслуживает проблема объектов «двойного назначения». Химические заводы, лаборатории и объекты инфраструктуры при их поражении в период военного конфликта могут высвобождаться опасные соединения в окружающую среду, создавая долгосрочные риски

для репродуктивного здоровья населения. Однако действующее право не рассматривает такие последствия как основания для компенсации. В этом контексте показателен опыт Ирака, где применение обедненного урана и разрушение промышленных объектов привели к многолетнему загрязнению территории и сохраняющимся рискам для здоровья населения, включая репродуктивную функцию.

В октябре 2025 года, в год 25-летия резолюции Совета Безопасности ООН 1325 «Женщины, мир и безопасность», международное сообщество вновь обратило внимание на необходимость интеграции гендерных подходов в политику разоружения [14]. Аналитическая записка Европейского центра передового опыта в области гражданского кризисного управления (март, 2026 г.) подчеркивает, что вопросы взаимосвязи гендера, климата и безопасности выходят на передний план международной повестки [15]. В контексте защиты жертв химического оружия это означает необходимость разработки специализированных правозащитных механизмов, учитывающих гендерно-дифференцированные последствия воздействия токсичных агентов. Женщины обладают иной восприимчивостью к токсичным веществам и испытывают специфические последствия для репродуктивной системы, что требует гендерно-чувствительного подхода при оценке ущерба и назначении компенсации.

Перспективным направлением представляется использование механизмов международного права прав человека для защиты репродуктивных прав женщин, пострадавших от применения химического оружия. Право на здоровье, закрепленное в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, может служить основой для защиты жертв химического воздействия, включая репродуктивные нарушения [16]. Подача индивидуальных жалоб в договорные органы ООН, включая Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, может способствовать формированию прецедентной практики признания репродуктивного вреда как нарушения прав человека. Однако данный механизм требует значительных временных и ресурсных затрат, а также наличия эффективной системы правовой помощи пострадавшим.

Из вышесказанного следует, что международное гуманитарное право и существующие правозащитные механизмы фиксируют лишь «видимый» вред от применения токсичных химических веществ, но упускается «латентный» репродуктивный вред, который характеризуется отсроченным проявлением. Пока категория «репродуктивного вреда» остается за рамками международных договорных норм и компенсационных механизмов, женщины в зонах вооруженных конфликтов фактически лишены права на эффективное средство правовой защиты в отношении долгосрочных последствий для своего здоровья и здоровья будущих поколений.

На основе проведенного анализа представляется необходимым включение категории «репродуктивного вреда» в существующие и будущие международные компенсационные механизмы в качестве самостоятельной категории. Данная категория должна охватывать бесплодие (первичное и вторичное), вызванное воздействием токсичных агентов; гормональные нарушения репродуктивной системы; потерю беременности в результате воздействия; врожденные пороки развития у детей, обусловленные воздействием на родителей; генетические повреждения, влияющие на репродуктивную функцию. При разработке критериев документации такого вреда целесообразно опираться на медицинские протоколы, учитывающие специфику воздействия различных токсичных агентов, включая уран, диоксин, отравляющие вещества. Кроме того, важно предусмотреть возможность коллективных исков для групп пострадавших, что позволит преодолеть сложности индивидуальной документации долгосрочных последствий.

Перспективными направлениями совершенствования правовой защиты являются включение категории «репродуктивного вреда» в международные компенсационные механизмы; интеграция гендерно-чувствительных подходов в политику разоружения; использование механизмов международного права прав человека для защиты репродуктивных прав пострадавших женщин. Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность правовой защиты жертв применения химического оружия и обеспечить учет долгосрочных последствий для репродуктивного здоровья женщин, которые до настоящего времени остаются вне поля зрения международных компенсационных механизмов.

Список цитированных источников

1. Policy on Gender based Crimes ICC // International Criminal Court. – URL: https://www.icc.cpi.int/news/office_prosecutorinternationalcriminalcourtpublishesnewpolicygenderbasedcrimes (date of access: 07.04.2026).
2. The Prosecutor v. Dominic Ongwen (Trial Judgment)] : Case No. ICC 02/04 01/15 // International Criminal Court. – URL: https://www.iccpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2021_01026.PDF (date of access: 07.04.2026).
3. О классификации, маркировке и упаковке веществ и смесей (CLP) : Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 16 дек. 2008 г. № 1272/2008 // Official Journal of the European Union. – 2008. – L. 353. – С. 1–1355.
4. Женщины и здоровье : Общая рекомендация № 24 (1999 г.) : Документ ООН A/54/38/Rev.1. 1999. – P. 11–12 // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://docs.un.org/ru/A/54/38/Rev.1\(Supp\)](https://docs.un.org/ru/A/54/38/Rev.1(Supp)) (дата обращения: 07.04.2026).
5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : подписана в г. Нью-Йорке 18 дек. 1979 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 07.04.2026).
6. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств : подписан в г. Женеве 17 июня 1925 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwear.shtml (дата обращения: 06.04.2026).

7. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении : подписана в г. Париже 13 янв/1993 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 07.04.2026).
8. Alhous, S. F. Health risks to female fertility hormones associated with radiological toxicity from uranium: a study on female infertility outcomes / S. F. Alhous, N. F. Tawfiq, S. A. Al Murshedi, A. T. Aljanabi // *Isotopes in Environmental and Health Studies*. – 2025. – Vol. 61, No. 5. – P. 489–502.
9. Aljanabi, A. T. Assessment of placental uranium levels and their association with birth outcomes in postwar Iraq / A. T. Aljanabi, N. F. Tawfiq, N. Suardi // *Radiation Physics and Chemistry*. – 2026. – Vol. 242.
10. Surdyk, S. Weaponised uranium and adverse health outcomes in Iraq : a systematic review / S. Surdyk [et al.] // *BMJ Global Health*. – 2025. – Vol. 10, No. 1.
11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 07.04.2026).
12. Expert reaction to the impacts of air strikes on oil refineries in the Middle East // Science Media Centre. London. – 2026. – 9 March. – URL: <https://www.sciencemediacentre.org/expert-reaction-to-the-impacts-of-air-strikes-on-oil-refineries-in-the-middle-east/> (date of access: 07.04.2026).
13. 'Black rain alert after oil depot strikes across Middle East // United Nations News. – 2026. – 1 March. – URL: <https://news.un.org/en/audio/2026/03/116711> (date of access: 07.04.2026).
14. Женщины, мир и безопасность : резолюция 1325 (2000) Совета Безопасности ООН // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://peacemaker.un.org/ru/documents/sres1325-rezolyuciya-soveta-bezopasnosti-o-zhenschinakh-mire-i-bezopasnosti> (дата обращения: 07.04.2026).
15. Exploring progress at the intersection of Gender, Climate, Environment and Security // European Centre of Excellence for Civilian Crisis Management. – URL: <https://www.coe-civ.eu/knowledge-hub> (date of access: 07.04.2026).
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : заключен в г. Нью-Йорке 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 07.04.2026).

Bakhtiyarova K. B., Minsk, International University «MITSO», Law Faculty student.

Academic advisor: Kodak N. A., Minsk, International University «MITSO», Senior Lecturer of the Department of International Law.

**ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ
АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

**THE ISSUE OF PROTECTING CIVILIAN POPULATIONS
IN THE CONTEXT OF THE USE OF AUTONOMOUS WEAPON
SYSTEMS IN CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS**

Бондарчук Я. Д.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Дорина В. В.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права

Аннотация. Рассмотрение проблемы использования автономных систем вооружения в современных конфликтах. Анализируется их соответствие нормам международного гуманитарного права. Подчеркивается необходимость установления четких правил применения таких систем.

Ключевые слова: война, международное гуманитарное право, автономные системы вооружения, беспилотные летательные аппараты.

Annotation. Examining the issue of using autonomous weapon systems in modern conflicts. The analysis focuses on their compliance with the norms of international humanitarian law. The need to establish clear rules for the use of such systems is emphasized.

Keywords: War, international humanitarian law, autonomous weapon systems, unmanned aerial vehicles.

Война это древнейшее искусство. Она появилась с первыми палеотропами, тогда они воевали с животными за пищу и территорию. В последующем люди начали воевать сами с собой, за богатства, территории, отстаивали свои интересы, продвигали свою религию. За всю историю человечества войны не прекращались почти никогда. Только за последние 500 лет Земля была в спокойствии только 292 года, об этом говорить в книге «Слово о науке» Е. Лихтенштейна [1]. А по данным International Crisis Group, в текущем году в мире насчитывается более десяти влиятельных военных конфликтов [2].

Современные конфликты вышли на новый уровень. С развитием информационно-коммуникационных технологий развивается и система вооружений. Многие из технологий нашего обихода создавались под военные нужды. В нынешнее время стало популярно использование беспилотников и автоматических систем вооружения. Их использование не регулируется нормами международного права. Так что такое беспилотник и автоматические системы вооружения, чем они опасны и как они появились?

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) являются современными средствами разведки, доставки боеприпасов и гуманитарной помощи, так же они применяются в поисково-спасательных операциях и с недавнего времени начали использоваться как средства по уничтожению живой силы противника, а также техники. Системы БПЛА бывают различных видов: гражданскими, спортивными и военными.

Для начала надо разобраться что запрещено и что разрешено для ведения боевых действий. Чтобы узнать это мы обратимся к Международному гуманитарному праву (далее – МГП), которое является тем самым фильтром, отсеивающим методы и средства ведения войны, являющиеся не гуманными, чрезмерно жестокими и неоправданными для целей конфликтов. Ведь основной целью любого конфликта является вывести из строя противника, при этом нет необходимости причинять ему излишние страдания, а также подвергать опасности гражданское население [3].

МГП запрещает для использования в конфликтах ряд средств, в частности:

- разрывные боеприпасы массой до 40 г. [4];
- пули, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся в теле человека;
- химическое и биологическое оружие;
- оружие, порождающее осколки, невидимые в рентгеновских лучах [5];
- противопехотные мины и мины-ловушки [6] (ряд стран не подписали Оттавскую конвенцию, что позволяет им в той или иной степени использовать их. II протокол к Конвенции о некоторых видах обычных вооружений не запрещает использование противопехотных мин, но накладывает на него ограничения);
- зажигательное оружие и боеприпасы;
- ослепляющее лазерное оружие;
- кассетные боеприпасы [7] (США, Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея, Пакистан, Израиль не подписали Конвенция по кассетным боеприпасам, 3 мая 2008 г., Дублин по разным причинам).

Данные правила и законы имплементируются в законодательство других стран, в том числе и Республики Беларусь. Это позволяет обеспечить безопасность и выполнение норм на международном уровне. Данный подход означает что использование и регулирование тех или иных вещей будет происходить под большим контролем.

Ни в одной из конвенций не запрещено использование БПЛА и автоматизированных систем вооружения. Но соответствуют ли данные средства моральным нормам и нормам МГП?

БПЛА подходит под определение автоматического оружия и автономной системы вооружения. Из слов «автономные системы вооружения» можно сказать, что это совокупность элементов, которые в совместной работе могут совершать ряд действий, заложенных в них. Таким образом, мы можем определить «автономную систему оружия» как любую систему, которая может определить цель и применить силу потенциально смертельного действия без непосредственного участия человека и его контроля при принятии решения [8].

Если в наблюдении за объектами нету ничего опасного, то их использование в качестве вооружения достаточно опасно. Как бы сильно не была развита техника, как бы тщательно она бы не обслуживалась с ней могут случаться сбои. В сети интернет есть большое количество видео, где автоматические турели производства США наводились на гражданскую авиацию. Выстрелов они не производили, но сам факт такого рода проверки самолетов по системе свой-чужой вызывает большое беспокойство. Система безопасности данных аппаратов как правило многоуровневая и очень серьезная, но как мы знаем на любое действие найдется противодействие. Кибератаки и хакеры представляют большую опасность для систем автоматического вооружения. Получив доступ к ним, они могут перепрограммировать их и использовать по своему усмотрению. Таким образом, автономные системы вооружения несут опасность вне зависимости от времени и места их использования.

В современных боевых конфликтах используют всевозможные виды дронов. Это облегчает ведение боевых действий и уменьшает потери среди стороны, которая их используют. Дроны frv пользуются большой популярностью из-за их скорости и маневренности, что позволяет им быстро и точно долетать до целей. Их снаряжают различными боеприпасами, которые могут повредить даже тяжело бронированную технику. С помощью модернизации их конструкции к ним прикрепляют снаряды и взрывчатые вещества. Данные модификации могут использоваться не только в военных целях, их могут использовать в совершении терактов или же покушений. Дистанции увеличились в разы, теперь они могут летать на сотни километров, переносить большой вес, имеют тепловые и инфракрасные приборы видения, что позволяет им видеть не только в дневное время, но и ночью. Некоторые из них уже могут обходить системы РЭБ, так как используют оптоволокно для бесперебойной связи. Также БПЛА помогают в доставке полезных грузов в места, в которые их доставка невозможна по земле по разным причинам. Это спасает жизни солдат, а также гражданского населения.

Эти технологичности и все используемость часто становится опасными для гражданского населения. Множество героических подвигов было

совершено летчиками, а также экипажами боевых машин. В экстренной ситуации они уводили самолеты от жилых зданий, экипажи бронетехники закрывали собой дома с гражданским населением. За счет автоматических систем не все действия можно отменить или успеть скорректировать. В данных случаях оператор не может наблюдать все что происходит, для него это как игра, в которой он может не получить какого-либо вреда. За счет сбоя техники, использования РЭБ, или простой невнимательности многое может пойти не так и оператор просто будет наблюдать за этими действиями без какой-либо возможности вмешаться. БПЛА могут прилетать в жилые дома, в машины с мирными людьми, или же просто сбиваться с курса и падать в города, что уже нарушает нормы МГП ведь гражданские лица не должны приравниваться к солдатам и им нельзя причинять вред. В современном мире участились случаи получения травм и увечий гражданским населением от использования автономных систем вооружения, гражданские объекты также подвергаются уничтожению и разрушению за счет использования и применения автономных систем вооружения. С развитием технологий борьбы с БПЛА, нарастает вопрос о размещении средств РЭБ в объектах гражданского назначения, обеспечить защиту от попадания БПЛА на 100 % невозможно так как самая современная техника может давать сбой. Случайные падения могут повлечь смерти, жертвы среди мирного населения. Большое количество стран старается обеспечить защиту своих граждан за счет размещения и модернизация систем радиоэлектронной борьбы, различными способами ухудшается среда для полетов без пилотных летательных аппаратов, средства РЭБ размещаются на школах, детских садах коммунальных предприятиях, заводах, жилых домах и на стратегически важных объектах. Гражданские лица должны получать достаточное обеспечение безопасности, их жизнь и здоровье должно являться самым значимым аспектом. Наличие средств оказания первой помощи должно модернизироваться и комплектоваться ими каждые помещения и здания, в которых находятся большое количество лиц. Наибольшей опасности подвержены лица находящиеся вблизи зон проведения военных действий.

Противник не представляет прямой угрозы человеку, управлявшему БПЛА, в следствие чего ликвидация и нанесение вреда является противозаконным. Множество нарушений выявляется в ходе использования БПЛА в современных военных конфликтах и безнаказанность их проявления является неуместной на наш взгляд, так как даже ведении боевых действий должно регулироваться и соблюдаться, методы и средства должны быть пересмотрены. Современные технологии позволяют вести бои, даже не находясь в зоне боевых действий, таким образом у операторов БПЛА имеется большое преимущество нежели у обычных военнослужащих. В отношении оператора не может быть применен какой либо вред, либо же опасность его жизни. МГП дает людям чувство безопасности и полного

исполнения его принципов, а под таким воздействием убийство с помощью БПЛА невозможно ведь это подходит под вероломство, человек зная, что он не может причинить вред оператору уверен, что и он не будет его атаковать, но такого не происходит [9].

Таким образом, современные международное гуманитарное право требует дополнений, необходимы новые договоры, регулирующие применение автономных систем вооружений. На данный момент регулировать использование БПЛА и других автономных средств можно исходя из «Оговорки Мартенса». Сформулированная более века назад известнейшим российский ученым Федором Федоровичем Мартенсом оговорка, в наше время не утратила значения и продолжает расширять сферу своего действия, потому что защита, которая регламентируется оговоркой, и юридическое признание, которое она получила, подчеркивают ее ценность.

Появившись впервые в преамбуле Гаагской конвенции 1899 г., оговорка Мартенса обеспечивает базовый уровень защиты гражданских лиц и комбатантов, когда не существует конкретного закона.

В современном мире с молниеносным развитием науки и техники оговорка Мартенса обрела еще большее значение. Развитие компьютерных технологий, создание искусственного интеллекта, робототехники, а вместе с ними и новых систем вооружения, которые зачастую не нуждаются в человеческом управлении поставили под вопрос соответствие их принципам международного гуманитарного права. Согласно ст. 36 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов при использовании новых видов вооружения, сторона должна определить не запрещены ли они международным правом.

Если вспомнить правило «все, что не запрещено разрешено», то вполне вероятно любая автономная система вооружения может быть воспринята, как непротиворечащая международному праву. Однако, следует упомянуть и этический аспект, в связи с чем необходимо рассматривать вопрос с точки зрения «гуманности» и «общественного сознания», когда вопросы жизни или смерти людей, передаются для решения автономным машинам. Стоит учесть, что человек, обладая долей иррациональности мышления, в отличие от машин, может принимать спонтанные решения, способные изменить ход событий, приспособиться к быстроменяющимся факторам. В силу чего, использование автономных систем вооружения противоречит нормам международного права. Не являясь регулирующим положением, оговорка дает важнейшее направление для толкования, применения и внесения изменений в отдельные положения в соответствии с объектом и целями МГП в целом.

Стремясь уменьшить последствия военных действий, многочисленные инструменты международного гуманитарного права и права в области разоружения, такие как: Конвенция ООН о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться

наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, Женевские конвенции и Протоколы к ним, включили данную оговорку, что на наш взгляд является прогрессивным развитием международного права.

Таким образом, «Оговорка Мартенса», сформулировавшая отраслевой принцип права вооруженных конфликтов, служит фундаментом для формирования других его принципов и одновременно определяет тенденции развития международного гуманитарного права

Опираясь на «Оговорку Мартенса» использование БПЛА должно соответствовать принципам гуманности и при использовании не должны страдать мирные граждане. Вследствие этого люди находятся в постоянной опасности и не только солдаты, но еще и волонтеры, медицинские работники, обычные граждане.

Таким образом, применения БПЛА в военных конфликтах нарушает принципы и нормы МГП. Стоит пересмотреть и доработать законодательство в части регулирования использования БПЛА и других автономных систем вооружения для предотвращения потерь среди мирного населения, а также обозначить четкие границы, когда, в каких ситуациях и при каких обстоятельствах будет разрешено их применение. Ведь это только начало развития автоматических систем вооружения, если не закрепить его нормами дальше это будет невозможно остановить, искусственный интеллект будет все больше и больше проникать в военное дело и появятся новые причины дополнять МГП.

Список цитированных источников

1. Со времен неолита: сколько лет идут войны на земле // Sarbaz.kz. – URL: <https://sarbaz.kz/istoriya/1664-292-goda-zemlia-prozhila-bez-voiny> (дата обращения: 08.04.2025).
2. Ten Conflicts to Watch in 2025 // Crisis Group. – URL: <https://crisisgroup.org/visual-explainers/ten-conflicts-2025> (date of access: 08.04.2025).
3. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право. Общий курс МККК / Н. Мельцер. – Женева : Междунар. Комитет Красного Креста, 2017. – 414 с.
4. Санкт-Петербургская декларация 1868 г. об отмене взрывчатых и зажигательных пуль // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnuu> (дата обращения: 05.04.2025).
5. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерное повреждение или имеющими неизбирательное действие (I протокол к Конвенции о некоторых видах обычных вооружений 198 г.) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 05.04.2025).
6. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата обращения: 03.04.2025).

7. Конвенция по кассетным боеприпасам : принята на Дипломатической конференции для принятия конвенции по кассетным боеприпасам в г. Дублине 19–30 мая 2008 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.shtml (дата обращения: 02.04.2025).

8. Асаро, П. О запрете на автономные системы оружия: права человека, автоматизация и дегуманизация принятия смертоносных решений / П. Асаро // Междунар. журнал Красного Креста. – URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC886_extractRUS_On_banning_autonomous_weapons_systems.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

9. Обычное оружие. Правила ведения боевых действий // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/customary.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).

Bondarchuk Y. D., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Law Faculty student.

Academic advisor: Dorina V. V., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Senior Lecturer in the Department of Constitutional and Criminal Law, Master of Laws.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

RIGHT TO LIFE DURING ARMED CONFLICTS

Бортник М. Н.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. В статье на основе анализа норм международного права исследуется регулирование защиты права на жизнь человека в период вооруженных конфликтов. рассматривается соотношение международного гуманитарного права и права на жизнь, реализация права на жизнь в правовом статусе комбатантов и гражданских лиц, принципы проведения различия и пропорциональности. Сделан вывод о ценности права на жизнь как ориентира для гуманизации права войны и обозначены проблемы, связанные с развитием автономных систем вооружений.

Ключевые слова: право на жизнь, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, защита гражданского населения, *lex specialis*.

Annotation. This article examines the regulation of the protection of the right to life during armed conflicts based on an analysis of international law. It examines the relationship between international humanitarian law and the right to life, the implementation of the right to life in the legal status of combatants and civilians, and the principles of distinction and proportionality. It concludes on the value of the right to life as a guide for the humanization of the law of war and identifies the challenges associated with the development of autonomous weapons systems.

Keywords: right to life, international humanitarian law, armed conflict, protection of civilians, *lex specialis*.

Право на жизнь является самым основным и неотъемлемым правом каждого человека и гражданина. В условиях вооруженного конфликта это право подвергается суровому испытанию. Война часто воспринимается людьми как царство беззакония, где единственный точный аргумент сила. В период вооруженных конфликтов кажется, что человеческая жизнь теряет всю свою ценность, превращаясь лишь в цифру в сводках потерь. Вооруженный конфликт это не оправдания игнорирования основного права человека, права на жизнь.

Во Всеобщей декларации прав человека закреплено, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах [1].

Право на жизнь также закреплено и в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Согласно данным, опубликованным Управлением ООН по правам человека (далее – УВКПЧ), в 2024 году число гражданских лиц, погибших в ходе конфликтов в разных странах мира, возросло на 4 процентов. УВКПЧ подтвердило гибель в 2024 году не менее 48 384 человек, большинство из которых составляют гражданские лица. Среди погибших вычислено 502 правозащитника [2].

Международное гуманитарное право (далее – МГП) делит лиц, участвующих в вооруженных конфликтах на комбатантов и гражданских лиц.

Комбатант лицо, принимающее непосредственное участие в боевых действиях. Его привилегией является разрешение убивать комбатантов противника, наносить им ранения или уничтожать другие военные объекты противника. Законные комбатанты не могут преследоваться в судебном порядке за участие в боевых действиях, даже если бы их действия считались бы серьезными в мирное время. Комбатанты преследуются лишь за нарушение норм международного гуманитарного права и за совершение военных преступлений. При взятии в плен они имеют право на статус военнопленного и на защиту. Комбатанты являются законной военной целью.

Гражданские лица не участвуют в боевых действиях и имеют право на защиту от опасностей, связанных с ведением военных действий. Они не должны становиться объектом нападения [3].

Под защитой IV Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны находятся лица, которые в какой-либо момент или каким-либо образом находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются.

Запрет на нападение закреплен ст. 3 этой конвенции: «Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев» [4].

Принцип пропорциональности допускает случайные потери жизни среди гражданского населения в случае нападения, однако нападение не допускается, если существует опасность того, что потери гражданского населения будут чрезмерными по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить [5].

Стоит различать состояния *jus in bello* и *jus ad bellum*. *Jus in bello*, это отрасль права, которая регламентирует порядок ведения военных действий. МГП стремится ограничить причиняемые людям страдания. Целью МГП является уменьшить страдания, причиняемые войной, защитить жертв и оказать им помощь. *Jus ad bellum* (право, касающееся применения силы), или *jus contra bellum* (право, касающееся предотвращения войны), призвано ограничить применение силы в отношениях между государствами. Согласно Уставу ООН государства должны воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости другого государства (ст. 2, п. 4). Исключениями из этого принципа являются действия, предпринимаемые в целях самообороны или в соответствии с решением Совета Безопасности ООН согласно главе VII Устава ООН.

В случае международного вооруженного конфликта часто трудно определить, какое из государств виновно в нарушении Устава ООН. Применение гуманитарного права не связано с осуждением виновных это непременно вызвало бы разногласия и помешало бы выполнению его положений, ведь каждая из противоборствующих сторон утверждала бы, что именно она жертва агрессии. Более того, МГП призвано защищать жертв войны и их основные права, к какой бы из сторон они ни принадлежали. Именно поэтому *jus in bello* должно оставаться независимым от *jus ad bellum* (*jus contra bellum*) [6].

МГП применяется только в ситуациях, отвечающим определенным критериям. Международные вооруженные конфликты (далее – МВК) и являются одним из таких критериев. МВК представляет собой ситуацию, в которой два или более государства применяют друг против друга вооруженную силу. Сторонами во время МВК должны быть непосредственно государства либо группы, действующие от имени или поручению своего государства. Применение силы должно быть враждебным действием, но не результатом ошибки.

После того как упомянутые условия будут выполнены, вступает в силу международное гуманитарное право, которое требует соблюдения норм, регулирующих ведение войны и защиту лиц, не принимающих или прекративших принимать участие в военных действиях (гражданских лиц, раненых, больных или потерпевших кораблекрушение комбатантов, и т. д.) [7].

Международный суд ООН 8 июля 1996 г. вынес Консультативное заключение о законности угрозы ядерным оружием или его применения. В этом деле Суд среди прочих вопросов рассматривал право человека на жизнь. Суд объясняет, что хотя право прав человека применимо даже во время войны и не может быть отменено, тем не менее вопрос о том, что входит в понятие произвольного лишения жизни, определяется только применимым *lex specialis*, а именно, международным гуманитарным правом. Объявив нормы МГП единственным регулятором лишения жизни во время войны, Суд, по сути, создал правовую фикцию. Если соблюдены правила ведения войны (принципы различия и пропорциональности), то даже массовая гибель людей

не квалифицируется как «произвольное лишение жизни». Это приводит к опасному результату, который мы видим в Заключении 1996 г.

С одной стороны, Суд признает, что применение ядерного оружия «в целом» противоречит принципам МГП из-за его неизбирательного действия и причинения излишних страданий. С другой стороны, Суд не может сделать окончательный вывод о незаконности такого оружия при любых обстоятельствах, оставляя «запасной выход» в виде угрозы существованию государства [8].

Таким образом, Консультативное заключение 1996 г. служит не решением проблемы, а ее наиболее ярким проявлением. Оно демонстрирует, что право на жизнь во время войны не может быть просто «поглощено» гуманитарным правом. Его ценность должна сохраняться как самостоятельный ориентир, задающий вектор для толкования норм МГП. В противном случае, как показала практика, мы приходим к правовой конструкции, в которой даже угроза человечеству не находит однозначного и безусловного запрета с точки зрения защиты самой жизни.

Не найдя должной защиты в толковании доктрины *lex specialis*, право на жизнь обрело второе дыхание в практике Европейского суда по правам человека. Суд сместил фокус с вопроса «было ли убийство законным по МГП» на «выполнило ли государство свои позитивные обязательства».

ЕСПЧ установил, что:

1. В период вооруженных конфликтов приоритет отдается нормам МГП. Именно здесь принципы МГП служат основным критерием оценки произвольности лишения жизни.

2. Как только активные боевые действия прекращаются, и территория переходит под контроль вооруженных сил, государство обязано действовать в логике поддержания правопорядка. То есть в силу вступают все обязательства, вытекающие из права на жизнь: обязанность нести эффективное и независимое расследования случая гибели человека, а также обязанность обеспечить защиту населения от насилия.

Вместе с тем существуют и проблемы, создающие риски для защиты права на жизнь. Одной из таковых является стремительное развитие беспилотных летательных аппаратов, управляемых искусственным интеллектом. Возникает вопрос: если удар, повлекший гибель гражданского лица, был нанесен не оператором, а алгоритмом, совершившим ошибку распознавания, кто является субъектом преступления? Оператор, доверившийся машине? Программист, писавший код? А может, государство? Как подчеркивается в докладах Специального докладчика ООН по внесудебным казням, принципиально важно сохранить значимый человеческий контроль над применением летальной силы. Без этого право на жизнь рискует оказаться окончательно размытым в цепочке алгоритмических решений.

Для защиты права на жизнь во время вооруженных конфликтов возникает вопрос: когда гражданское лицо теряет свой иммунитет? Чтобы избежать ошибок, международное право устанавливает: статус гражданского лица должен трактоваться широко. Гражданские лица пользуются защитой,

пока они не принимают прямого участия в вооруженном конфликте. Чтобы применение силы против человека было законным и не считалось произвольным лишением жизни, должно соблюдаться три следующих критерия:

1. Порог ущерба/Threshold of harm. Этот критерий означает, что действие с большой вероятностью должно нанести вред военным операциям или личному составу противника, либо вызвать гибель/ранение гражданских лиц.

2. Прямая причинно-следственная связь/Direct causation. Между конкретным действием и ожидаемым последствием должна быть прямая связь. Косвенная помощь, например, поддержка усилий страны в тылу, защиты не лишает.

3. Военная связь/Belligerent nexus предполагает, что действие должно быть направлено на поддержку одной из сторон конфликта в ущерб второй.

Отсутствие любого из этих элементов означает, что лицо сохраняет статус гражданского и нападение на него во время вооруженного конфликта будет рассчитываться как нарушение права на жизнь этого лица.

Также особое место в защите права на жизнь занимает презумпция гражданского статуса. В ситуациях, когда возникают сомнения можно ли считать человека законной военной целью, международное право требует считать его гражданским лицом.

Руководство МКК содержит стандарт «наименьшей необходимой силы». То есть даже если порог ущерба, причинно-следственная связь и военная связь соблюдены, это не дает право на автоматическое уничтожение лица. Если военная задача может быть решена через захват в плен, арест, лишение жизни признается произвольным [11].

Подводя итог, стоит отметить, что право на жизнь в условиях вооруженного конфликта это сложная, постоянно развивающаяся система защиты граждан.

Современное международное право требует от государства конкретных действий: планирование военных операций, расследование гибели каждого человека. Статистика ООН, упомянутая в начале работы это просьба к международному сообществу на дальнейшее укрепление этих механизмов и исправление разного рода проблем в отношении права на жизнь. Только так право на жизнь может окончательно стать реальной гарантией для каждого человека, даже во время вооруженного конфликта.

Список цитированных источников

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН 1 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.05.2026).

2. Данные ООН свидетельствуют о резком росте жертв среди гражданского населения в ходе конфликтов и широко распространенной дискриминации = UN data

shows surge in civilian deaths in conflict globally, highlights pervasive lack of protection // United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2025/06/un-data-shows-surge-civilian-deaths-conflict-globally-highlights-pervasive> (date of access: 20.04.2026).

3. Дорманн, К. Применимость международного гуманитарного права к терроризму и контртеррористическим операциям / К. Дорманн // Междунар. журнал Красного Креста. – 2003. – № 849. – С. 1–15. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/03_irrc_849_dormann_rus.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

4. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята 12 авг. 1949 г. в г. Женеве // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_4.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

5. Апраксин, М. О. Применение норм международного гуманитарного права к внутренним конфликтам / М. О. Апраксин // Журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 1. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-1/1999-1-apraksin> (дата обращения: 23.05.2026).

6. Право, применимое к войне, и право в ходе войны // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/law-and-policy/jusad-bellum-and-jus-bello> (дата обращения: 24.05.2026).

7. Часто задаваемые вопросы: квалификация конфликтов // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/article/frequently-asked-questions-international-armed-conflict-iac> (дата обращения: 25.04.2026).

8. Мельцер, Н. Руководство по интерпретации понятия «непосредственное участие в военных действиях» / Н. Мельцер // Междунар. журнал Красного Креста. – 2009. – № 872. – URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/187.pdf> (дата обращения: 26.04.2026).

9. Case of Isayeva v. Russia (Application no. 57950/00) / Judgment European Court of Human Rights. – Strasbourg, 2005. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-185679%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-185679%22]}) (date of access: 30.04.2026).

10. Case of Georgia v. Russia (II) (Application no. 38263/08) / Judgment European Court of Human Rights. – Strasbourg, 2021. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-213302%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-213302%22]}) (date of access: 30.04.2026).

11. Руководство по интерпретации понятия прямого участия в военных действиях согласно международному гуманитарному праву // Междунар. Комитет Красного Креста (МККК). – Женева: МККК, 2009. – URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf> (дата обращения: 03.05.2026).

Bortnik M. N., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Law Faculty student.

Academic advisor: Slivko O. Y., Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law.

**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БЕЛОРУССКОЙ АЭС
В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ
И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**LEGAL REGIME OF THE BELARUSIAN NPP
UNDER INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
AND NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Габец К. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
курсант

Научный руководитель

Бруяко А. Н.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
начальник цикла государственно-правовых дисциплин
кафедры юридических дисциплин

Аннотация. В статье исследуется правовой режим БелАЭС в контексте международного гуманитарного права и национального законодательства. Рассматриваются нормы Женевских конвенций, резолюций МАГАТЭ, а также белорусское законодательство в области ядерной безопасности.

Ключевые слова: БелАЭС, защита объектов, содержащих опасные силы, физическая охрана, внутренние войска.

Annotation. The article examines the legal regime of the Belarusian NPP in the context of international humanitarian law and national legislation. It considers the norms the Geneva Conventions, IAEA resolutions, as well as Belarusian legislation on nuclear safety.

Keywords: Belarusian NPP, protection of works containing dangerous forces, physical protection, internal troops.

Стремительное развитие ядерной энергетики в Республике Беларусь, ознаменованное вводом в промышленную эксплуатацию Белорусской атомной электростанции (далее – БелАЭС), вывело на первый план фундаментальную проблему международного гуманитарного права (далее – МГП) обеспечение защиты объектов, содержащих опасные силы. Под такими объектами понимаются установки и сооружения, разрушение которых способно привести к высвобождению сил, не поддающихся контролю,

и, как следствие, к катастрофическим потерям среди гражданского населения и необратимому ущербу окружающей среде.

Уникальность правового положения БелАЭС в том, что она находится под комплексной защитой, объединяющей общепризнанные нормы МГП, специальные резолюции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и развитое национальное законодательство Республики Беларусь, через которое государство реализует взятые на себя международные обязательства. Но указанные механизмы важны не только для нее одной. В республике эксплуатируются и другие объекты ядерного профиля, подпадающие под действие тех же норм. Самый крупный из них Объединенный институт энергетических и ядерных исследований «Сосны» Национальной академии наук Беларуси, где функционируют критические стенды «Гиацинт» и «Кристалл», подкритическая установка «Яліна» и пункт хранения свежего ядерного материала.

Центральным элементом международно-правовой защиты БелАЭС выступает ст. 56 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) [1]. В ней закреплён специальный правовой режим, сущность которого раскрывается в запрете: «установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно: плотины, дамбы и атомные электростанции, не должны становиться объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжёлые потери среди гражданского населения». Важно подчеркнуть, что запрет не абсолютен он снимается только при одновременном наступлении строго определенных условий. Для атомных электростанций, согласно п. 2 (b) ст. 56, нападение допустимо, «только если они вырабатывают электроэнергию для регулярной, существенной и непосредственной поддержки военных операций и если такое нападение является единственным практически возможным способом прекратить такую поддержку» [1].

Даже в этой исключительной ситуации атакующая сторона обязана принять все практические меры предосторожности, чтобы избежать высвобождения опасных сил. Акцент на «регулярности, существенности и непосредственности» задает настолько высокий порог доказывания, что все три признака должны совпасть одновременно, и на практике легитимное нападение на АЭС становится практически нереализуемым. Пункт 5 той же статьи рекомендует сторонам избегать размещения военных объектов вблизи плотин, дамб и АЭС, но прямо разрешает возводить сооружения «с единственной целью обороны пользующихся защитой установок» [1]. Именно это положение и реализовано в белорусской практике.

Действие указанных норм не ограничивается международными вооруженными конфликтами. Статья 15 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных

конфликтов немеждународного характера (Протокол II), воспроизводит запрет нападения на ядерные электростанции без каких-либо исключений [2]. Тем самым БелАЭС пользуется усиленной защитой и в условиях внутренних вооруженных столкновений, что особенно значимо с учетом универсального характера современных угроз.

Договорные нормы МГП усиливаются резолюциями Генеральной конференции МАГАТЭ, которые на протяжении десятилетий квалифицируют вооруженные нападения на мирные ядерные установки как противоречащие международному праву. Уже в резолюции GC(XXVII)/RES/407 1983 г. было зафиксировано, что «любое вооруженное нападение на ядерный объект, функционирующий в мирных целях», представляет собой нарушение международного права, Устава МАГАТЭ и Устава ООН [3].

Такой же подход продублирован в резолюции GC(XXIX)/RES/444 1984 г. и в целом ряде последующих документов [4]. Хотя резолюции Генеральной конференции МАГАТЭ формально не являются юридически обязательными, они обладают высоким морально-политическим авторитетом и, благодаря многократному подтверждению государствами, формируют устойчивое убеждение в правовой обязательности запрета атак на гражданские ядерные объекты. Так как Конституция Республики Беларусь закрепляет приоритет общепризнанных принципов международного права, положения резолюций МАГАТЭ, осуждающих вооруженные нападения на мирные ядерные установки, не могут игнорироваться при формировании национальных подходов к безопасности БелАЭС.

В Республике Беларусь создана развитая национальная правовая база, обеспечивающая выполнение международных обязательств в сфере ядерной безопасности. Ее основу составляют законы от 1 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» (далее – Закон № 208-З) [5], Закон от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности», Указ Президента Республики Беларусь от 16 февраля 2015 г. № 62 «Об обеспечении безопасности при сооружении и эксплуатации Белорусской атомной электростанции», Постановление Совета Министров от 9 октября 2023 г. № 668 «О реализации Закона Республики Беларусь «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии», а также нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Закон № 208-З закрепляет принцип приоритета безопасности над экономическим аспектом использования атомной энергии и определяет БелАЭС как ядерную установку, использующую реактор и комплекс необходимых систем для производства электрической и тепловой энергии [5]. Важнейшее доктринальное значение имеет тот факт, что Беларусь ратифицировала Конвенцию о ядерной безопасности от 17 июня 1994 г., вступившую в силу для Республики Беларусь 27 января 1999 года. В рамках предоставленной Конвенции белорусская сторона на регулярной основе

представляет Национальные доклады о выполнении принятых обязательств: последний доклад охватывает период 2022–2025 гг. и содержит исчерпывающие сведения о мерах, принимаемых для поддержания безопасности станции.

Государственный надзор в области ядерной и радиационной безопасности на площадке БелАЭС возложен на Госатомнадзор структурное подразделение Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. Подходы к осуществлению государственного надзора, разработанные с учетом документов МАГАТЭ, включают, в числе прочего, проведение плановых и внеплановых проверок, проверки в режиме постоянного надзора, а также систематическое наблюдение и анализ соблюдения поднадзорными субъектами законодательства о ядерной и радиационной безопасности. Сочетание превентивных и контрольных механизмов, закрепленное в нормативных правовых актах, свидетельствует о зрелости белорусской системы регулирования ядерной безопасности.

Практическая реализация международно-правовых и национальных норм, направленных на защиту БелАЭС, невозможна без эффективного механизма физической охраны. Именно здесь на первый план выдвигается роль внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Правовой основой данной деятельности выступает Закон Республики Беларусь от 3 июня 1993 г. № 2341-XII «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь», относящий к задачам внутренних войск «охрану особо важных государственных объектов и специальных грузов» [7]. На основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2023 г. № 668 вокруг БелАЭС создана зона с особым правовым режимом [6]. В указанной зоне вводится пропускной режим, и нахождение в ней без специального разрешения не допускается.

Непосредственная охрана данного объекта возложена на войсковую часть 7434 внутренних войск Министерства внутренних дел, которая образована «от исторической родословной» доблестных военнослужащих 132 отдельного батальона войск НКВД БССР, оставивших знаменитую на весь мир надпись на стенах своих казармы «Прощай, Родина. Умираю, но не сдаюсь». Для данной воинской части внутренних войск для охраны и обороны БелАЭС данная надпись не просто музейный экспонат, а прямое указание на уровень ответственности, который закреплен за подразделением. В 2023 году был сформирован отряд специального назначения «Циклон». Его военнослужащие прошли специальную подготовку с лучшими подразделения спецназа внутренних войск и МВД «Алмаз», «СОБР» и с инструкторами, имеющими боевой опыт, имеют на вооружении средства, позволяющие пресекать любые противоправные посягательства. Серьезное внимание уделяется противодействию угрозам, связанным с использованием беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). На вооружении подразделений, охраняющих БелАЭС, имеются системы защиты от БПЛА,

включающие средства радиоэлектронной борьбы (далее – РЭБ) и противовоздушной обороны (далее – ПВО). Эффективность принятых мер подтверждается практической деятельностью: в 2025 году в зоне с особым правовым режимом задержано свыше 17 нарушителей [8].

Уголовно-правовая защита БелАЭС обеспечивается нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающими ответственность за посягательства на объекты атомной энергетики. В частности, ч. 3 ст. 289 Уголовного кодекса устанавливает наказание вплоть до смертной казни за акт терроризма, совершенный «с применением объектов использования атомной энергии либо с использованием радиоактивных веществ или ядерных материалов» [9]. В 2022 году в Уголовный кодекс Республики Беларусь были внесены изменения, распространившие возможность применения «исключительной меры наказания» и за покушение на совершение указанных деяний [9]. Тем самым белорусский законодатель недвусмысленно продемонстрировал, что безопасность объектов ядерной энергетики рассматривается как один из высших приоритетов государственной политики.

Белорусская атомная электростанция, построенная по российскому проекту АЭС-2006 с реакторными установками ВВЭР-1200, представляет собой эволюционный проект поколения «3+», оснащенный уникальной комбинацией активных и пассивных систем безопасности. Высокий уровень безопасности станции неоднократно подтверждался экспертами МАГАТЭ. Указанное обстоятельство имеет принципиальное значение в контексте периодически звучащей политизированной критики: никаких объективных оснований ставить под сомнение правомерность функционирования БелАЭС либо уровень ее защищенности не имеется.

Анализируя изложенное, можно заключить, что международно-правовая защита БелАЭС представляет собой многоуровневую систему, органично сочетающую элементы договорного и обычного международного гуманитарного права, документы «мягкого права» (прежде всего, резолюции МАГАТЭ), ратифицированные Республикой Беларусь международные конвенции и детально проработанное национальное законодательство. Эффективность данной системы подтверждается административно-юрисдикционной деятельностью внутренних войск Министерства внутренних дел, на системной основе реализующих меры государственного принуждения, среди которых можем выделить: создание и функционирование зоны с особым правовым режимом вокруг Белорусской атомной электростанции; формирование специализированного подразделения специального назначения «Циклон»; внедрение эшелонированной системы защиты от БПЛА, объединяющей средства РЭБ, ПВО и современное оборудование, обеспечение строгого пропускного режима, а также взаимодействие с оперативными подразделениями органов внутренних дел по поводу задержания правонарушителей и передаче компетентным органам по пресеченным фактам.

Названные меры носят строго оборонительный характер и полностью соответствуют как букве, так и духу ст. 56 Дополнительного протокола I допускающей возведение сооружений с единственной целью обороны пользующихся защитой установок. Опыт правового регулирования и практической охраны БелАЭС, таким образом, может рассматриваться как образец ответственного подхода государства к обеспечению безопасности гражданского ядерного объекта в условиях сложной геополитической обстановки и исчерпывающего исполнения международных обязательств.

Список цитированных источников

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 27.04.2026).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Защита ядерных установок, предназначенных для мирных целей, от вооруженных нападений : резолюция GC(XXVII)/RES/407 Генер. конф. МАГАТЭ от 23 сент. 1983 г. – URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc27res-407_en.pdf (дата обращения: 27.04.2026).
4. Обновленная информация о событиях в Иране: пресс-релиз МАГАТЭ от 2 июня 2025 г. : резолюция GC(XXIX)/RES/444 Генер. конф. МАГАТЭ от 28 сент. 1984 г. – URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/pressreleases/obnovlennaya-informaciya-o-sobytiyah-v-irane> (дата обращения: 27.04.2026).
5. О регулировании безопасности при использовании атомной энергии : Закон Респ. Беларусь от 1 окт. 2022 г. № 208-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 27.04.2026).
6. О реализации Закона Республики Беларусь «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 окт. 2023 г. № 668 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 27.04.2026).
7. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 3 июня 1993 г. № 2341-XII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 27.04.2026).
8. МВД: в 2025 году в зоне с особым правовым режимом БелАЭС задержали свыше 17 нарушителей // СБ. Беларусь сегодня. – 2026. – 12 марта. – URL: <https://www.sb.by/articles/mvd-v-2025-godu-v-zone-s-osobym-pravovym-rezhimom-belaes-zaderzhali-svyshe-170-narushiteley.html> (дата обращения: 27.04.2026).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 мая 2022 г. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения: 27.04.2026).

Gabets K. A., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, cadet.

Academic advisor: Bruyako A. N., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, Head of the State and Legal Disciplines Section of the Department of Legal Disciplines.

КОСМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТЫ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

SPACE SYSTEMS AS DUAL-USE OBJECTS: THE CHALLENGES OF DETERMINING LEGAL STATUS

Заикина А. Ю.

Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
студентка юридического факультета

Научный руководитель

Левицкая Е. А.

Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
доцент кафедры международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье поднимается проблема определения статуса космических систем двойного назначения, применения к ним критериев военного объекта и последствий для гражданской инфраструктуры.

Ключевые слова: объекты двойного назначения, космические системы, космос, гражданские объекты, военные объекты, критерии разграничения.

Annotation. The article addresses the issue of determining the status of dual-purpose space systems, applying to them the criteria of a military object and implications for civilian infrastructure.

Keywords: dual-use objects, space systems, space, civilian objects, military objects, criteria of distinction.

Цель каждого государства обеспечить собственную безопасность, суверенитет и военное превосходство. С развитием технологий данный вопрос все более актуальный. Космос, открываемый исключительно для мирных целей, становится основной ареной.

Технологии, основанные на космических системах, стали неотъемлемой частью современной жизни. Они используются как для гражданских, так и для военных целей.

Космические системы как наиболее общее понятие, представляют собой «совокупность одного или нескольких космических комплексов и специальных комплексов, предназначенная для решения различных задач в космосе и из космоса» [1].

В состав космической системы входят не только космические аппараты, но и все средства, необходимые для реализации космической миссии: средства выведения, наземные центры приема данных, инфраструктура и т. д. Космические объекты в зависимости от их предназначения могут быть частью космических систем, но могут выступать и самостоятельными космическими элементами.

В международном праве закреплено понятие «космического объекта». Так в Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 1974 г. в ст. I закреплено, что он «включает составные части космического объекта, а также средство его доставки и его части» [2].

Также необходимо провести разграничение с термином «объект космической инфраструктуры», который носит более узкий характер и распространяется только на сооружение и технику, которые используются для поддержания и обеспечения космической деятельности.

Космическое пространство становится все более спорной территорией, поскольку крупные державы рассматривают его как перспективное стратегическое направление, разрабатывают специальные программы для обеспечения обороны и безопасности из космоса, а также предпринимают другие шаги по дальнейшей милитаризации космоса.

Вооруженные силы используют космические системы в самых разных целях, например: спутниковые системы для навигации военных самолетов, высокоточного наведения и систем вооружения; телекоммуникационные спутники для глобального управления и контроля и т. д.

Некоторые космические системы выполняют еще и функции, обеспечивающие жизнедеятельность гражданского населения. Так спутники играют важнейшую роль в функционировании критически важной гражданской инфраструктуры. Они обеспечивают предоставление основных услуг, от которых зависит жизнедеятельность гражданского населения, таких как производство и поставка продуктов питания, водоснабжение, электроснабжение, здравоохранение, санитария, утилизация отходов и многие другие.

Спутниковые сервисы также играют важную роль на всех этапах гуманитарных операций от обнаружения до оказания экстренной помощи, от превентивного снижения риска появления стихийных бедствий до устранения их последствий. Гуманитарные организации, в том числе МККК и Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, полагаются на спутниковые сервисы, чтобы оказывать помощь нуждающимся во время вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Без этих систем оказание жизненно важной помощи становится крайне затруднительным, если вообще возможным [3].

Спутники, обеспечивающие навигацию, связь и дистанционное зондирование, стали неотъемлемой частью гражданской жизни на Земле.

Следовательно, они являются объектами «двойного назначения». В международном гуманитарном праве не закреплены четкие критерии определения данного термина, но Дополнительный Протокол к Женевским

конвенциям от 12 августа 1949 г. (Протокол I) раскрывает понятие гражданского объекта так: «Гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами» [4].

Критерием определения объекта военным выступает п. 2: «в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество» [4].

Таким образом, существует два критерия определения объекта как военного: во-первых, характер, расположение, назначение или использование вносят эффективный вклад в военные действия; во-вторых, разрушение, захват или нейтрализация дают явное военное преимущество.

Сейчас очень редко можно встретить объекты, которые были бы исключительно военными или гражданскими. По мнению профессора международного права Эрика Давида, «все зависит от влияния, оказываемого тем или иным объектом на ход военных действий в плане военной стратегии» [5].

Обратимся подробнее к каждому из критериев:

1. «Характер, расположение, назначение или использование вносят эффективный вклад в военные действия».

В первую очередь необходимо рассмотреть характер объекта, то есть его суть, характеристику, свойства. В условиях космического пространства определить для чего именно используется та или иная космическая система крайне сложно. Характеристики могут быть одинаковыми для всех типов космических аппаратов.

Так, например, спутники связи, навигации (такие как, например, GPS, ГЛОНАСС), дистанционного зондирования Земли используются одновременно и для гражданских, и для военных целей. Один и тот же объект может не иметь военного значения при его создании или запуске, но приобрести его через дальнейшее использование (то есть данная характеристика может быть заложена в потенции).

В основном все космические системы имеют двойное назначение, заложенное еще при его разработке, так как это экономически более выгодно и целесообразно.

Следующим основанием является расположение. Объект может считаться военным в силу своего географического положения, даже если по своей природе он является гражданским.

В основном военные объекты расположены на околоземной орбите, но это не является основанием классифицировать все объекты на ней как военные. Многие объекты могут быть расположены рядом с гражданской инфраструктурой, которую используют космонавты для своей деятельности. В связи с чем данное основание трудно применимо в космическом пространстве.

Далее стоит определить такие основания как назначение или использование. Относятся к будущему, предполагаемому или настоящему, реальному использованию объекта. Космический объект может квалифицироваться как

военный по назначению, если он изначально был предназначен для военных целей, даже если в настоящий момент используется для гражданских задач.

Военная надобность данного объекта могла исчерпаться, например, при окончании военного конфликта. Целесообразности вывода его из космического пространства может и не быть. В связи с чем назначение объекта может меняться. Так же происходит и с изначально используемым для гражданских целей объектом.

Часто эти функции неотделимы, поэтому объект одновременно выполняет и те, и другие задачи. Например, спутниковая связь, используемая для военных операций, обеспечивает и гражданскую связь. В таких случаях военное назначение может «поглотить» гражданские функции.

Все вышеперечисленные основания «должны вносить эффективный вклад в военные действия», иначе значения для разграничения объектов по этим критериям они не будут иметь.

2. Вторым критерием выступает «достижение явного военного преимущества за счет уничтожения, захвата или нейтрализации».

Берется во внимание только конкретное и предсказуемое преимущество, а не просто гипотетическое или вероятное. А само решение о выборе цели не может основываться на не актуальных данных, оценках или предположениях. Любое предполагаемое нападение должно давать определенное военное преимущество «при существующих в данный момент обстоятельствах». Так, военные объекты, будучи определенными в качестве таковых в силу их использования, возвращают себе гражданский статус, как только становятся невостребованными, теряют свое значение в конфликте с противником, а также если их уничтожение более не дает «явного военного преимущества».

Если военная операция состоит из нескольких отдельных актов, стоит оценивать привносимое военное преимущество в целом от нападения.

В то время как точное значение терминов «эффективный вклад» и «явное преимущество» зависит от факторов, обусловленных сложившейся ситуацией, субъективной оценки, совершенно очевидно, что они имеют основной целью исключить излишнюю свободу при выборе целей на практике.

Соответственно, в случае с космическими системами, уничтожение, например, одного спутника из всей множественности компонентов системы не видится как предоставляющее явное военное преимущество. Но в данном случае стоит учитывать функционал поврежденного или уничтоженного спутника, в какой критический момент для противника был нанесен удар, масштаб нанесенных последствий для гражданского населения и его соотношение с достигнутым военным преимуществом.

Так, в современных вооруженных конфликтах применяются американские спутниковые системы «Starlink», которые используются как в гражданских целях (высокоскоростной доступ в интернет и средство

связи), так и в военных (для перехвата российских военных информационных коммуникаций, управления беспилотными летательными аппаратами и т. д.). В данном случае спутниковые системы предоставляют явное военное преимущество, в связи с чем могут быть признанными военными объектами.

Но при разграничении гражданских и военных объектов стоит учитывать принцип пропорциональности.

Так запрещаются атаки, которые могут причинить случайный ущерб гражданским объектам, носящие чрезмерные разрушительные последствия по отношению к ожидаемому военному преимуществу.

В случае вооруженного конфликта между государствами, использующими космические системы для проведения военных операций, под угрозой окажутся важнейшие гражданские службы на Земле, работа которых напрямую зависит от космических систем.

Но нанесение вреда не всегда подразумевает под собой физический вред. Современные технологии позволяют вывести спутник или иную космическую систему не покидая Земли, без применения оружия. Так, например, с помощью кибератаки на спутниковый аппарат можно вывести его из работоспособного состояния на время или на всегда.

Таким образом, на данный момент существуют кинетические и некинетические методы воздействия на космические объекты. Первые предполагают нанесение прямого физического вреда, влекущего его частичное или полное разрушение. Некинетические методы предполагают же нанесение урона объектам в космическом пространстве без выхода в таковое. То есть повреждение или уничтожение его технической составляющей другими способами, без непосредственного физического воздействия на сам объект, например, с помощью уже упомянутых кибератак [5].

Но какой метод выбран бы не был, в любом случае наступят негативные последствия для гражданского населения как на Земле, так и в самом космическом пространстве.

Важно в данном вопросе учитывать риск образования космического мусора. Он представляет непредсказуемую каскадную опасность для любых типов объектов. Кинетические атаки на космические объекты могут привести к образованию гораздо большего количества мусора, чем многие другие виды космической деятельности. Это может стать причиной повреждений или уничтожений других космических объектов, возможно третьих стран, которые не были вовлечены в конфликт. Мусор может также повредить и космические станции, где вероятно будут находиться космонавты. Таким образом, пострадают граждане как государства-участника вооруженного конфликта, так и придерживавшегося ранее нейтралитета.

В ст. 55 Дополнительного протокола I закреплено, что «при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба» [4]. При расширительном

толковании данной статьи можно сделать вывод, что космическое пространство может подпадать под «окружающую среду». А космический мусор наносит ей указанный ущерб, ведь после уничтожения он еще на долго там остается и может нанести непредсказуемый ущерб другим объектам.

Необходимо принять все возможные меры, чтобы избежать или свести к минимуму образование космического мусора, в том числе по возможности, выбирая при планировании атаки на военный объект в космосе альтернативу, не приводящую к образованию мусора.

В космосе тоже есть инфраструктура необходимая для выживания там гражданского населения, как например продовольственные запасы, системы питьевой воды и т. д. Она пользуется особой охраной международного гуманитарного права (Дополнительный протокол I ст. 54) [4]. Косвенный ущерб, приносимый ей, от уничтожения другой космической системы может привести к катастрофическим последствиям для находящегося там гражданского населения. Это также стоит учитывать при оценке пропорциональности нанесенного удара.

Международное право также обеспечивает безопасность и лицам, находящимся в космосе. Прежде всего это космонавты, которые в соответствии с Договором о космосе пользуются особой защитой. Но будет ли она распространяться на них, если лицо, например, ремонтирует спутниковую систему двойного назначения? Ведь проводя на ней работы, они безусловно затрагивают как ее гражданский функционал, так и военный. Современное правовое регулирование однозначного ответа не дает.

Стоит упомянуть так же лиц, которые изначально разрабатывают, обеспечивают функционирование (от технического аспекта до финансирования), запускают и управляют объекты с Земли. Обеспечивают ли они своими действиями военные цели и преимущество, если это объект двойного назначения? Однозначно ответить на данный вопрос тоже не представляется возможным.

В данных вопросах необходимо учитывать множество факторов, которые в особенности в военный период, когда время и ресурсы ограничены, не всегда возможно прояснить. Таким образом, чтобы избежать лишних разрушений и иных всевозможных непредсказуемых негативных последствий, автору видится целесообразным закрепить презумпцию применения систем в космическом пространстве в гражданских целях.

В связи с тем, что космическое пространство, задумывающееся как исключительно демилитаризованное, всегда таковым, не являлось, данная проблематика, особенно на современном этапе видится крайне острой. Но многие международные организации и конференции уже ведут работу по ее правовому урегулированию.

Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) дает предварительные рекомендации для предотвращения инцидентов по повреждению, уничтожению объектов двойного назначения. Так, в первую очередь, МККК видит необходимость в том, чтобы «воздерживаться от

проведения или поддержки любой военной операции или другой деятельности, направленной или ожидаемой на нарушение работы, уничтожение, физическое повреждение или иное выведение из строя космических систем, необходимых для предоставления основных гражданских услуг и для защиты и функционирования лиц и объектов, находящихся под особой защитой в соответствии с международным правом» [7].

МККК предлагает разделять космические системы, которые используются в военных целях, от гражданских. Уделяя особое внимание тем из них, которые пользуются особой охраной международного гуманитарного права.

Кроме того, МККК предлагает «идентифицировать, регистрировать, маркировать, объявлять и или иным образом указывать» те космические системы, которые должны быть особо защищены от последствий военных операций в космосе.

Конечно же, МККК призывает все государства к сотрудничеству. Так как лучше предупредить удар, чем ликвидировать его последствия.

Проблема разграничения объектов двойного назначения в современном мире становится все более краеугольной. Пока она только потенциально охватывает космические системы, но, учитывая скорость и непредсказуемость развития технологий, о ней стоит задуматься уже сейчас.

Список цитированных источников

1. Космическая система // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/kosmicheskaia-sistema-d7dd96> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство : принята резолюцией 3235 (XXIX) Генер. Ассамблеи ООН от 12 нояб. 1974 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 16.04.2026).
3. Wen, Z. War, law and outer space: pathways to reduce the human cost of military space operations / Z. Wen // ICRC Humanitarian Law & Policy Blog. – URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2023/08/15/war-law-outer-space-reduce-human-cost-of-military-space-operations/#:~:text=As%20was%20articulated%20in%20the,to%2C%20outer%20space%20during%20armed> (date of access: 15.04.2026).
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 16.04.2026).
5. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.
6. Protecting essential civilian services on Earth from disruption by military space operations : ICRC observation on the consultants' report from 25 June 2024 // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://library.icrc.org/library/docs/DOC/icrc-4781-002.pdf> (date of access: 22.04.2026).

7. Preliminary recommendations on possible norms, rules and principles of responsible behaviours relating to threats by States to space systems from 27 January 2023 // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/preliminary-recommendations-on-reducing-space-threats> (date of access: 25.04.2026).

Zaikina A. Y., Russian Federation, Rostov-on-Don, Southern Federal University, Law Faculty student.

Academic advisor: Levitskaya E. A., Russian Federation, Rostov-on-Don, Southern Federal University, Faculty of Law, Associate Professor of the Department of International Law, Candidate of Legal Sciences.

ЗАЩИТА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

PROTECTION OF CERTAIN CATEGORIES OF CIVILIANS: PROBLEM ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW NORMS (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Заркевич В. Д.

Республика Беларусь,

г. Гомель,

УО «Белорусский торгово-экономический университет

потребительской кооперации»,

студентка факультета экономики и управления

Научный руководитель

Савчик Е. В.

Республика Беларусь,

г. Гомель,

УО «Белорусский торгово-экономический университет

потребительской кооперации»,

старший преподаватель кафедры права

и экономических теорий,

магистр юридических наук

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты имплементации в национальное законодательство норм Женевских конвенций, касающихся защиты в условиях вооруженных конфликтов таких категорий гражданских лиц как журналисты, медицинский персонал, персонал гражданской обороны, дети.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, защита гражданского населения, вооруженный конфликт, журналисты, медицинский персонал, персонал гражданской обороны, дети, уголовное законодательство.

Annotation. This article examines the challenging aspects of implementing the Geneva Conventions' provisions in national legislation, which address the protection of civilians such as journalists, medical personnel, civil defense personnel, and children during armed conflicts.

Keywords: International humanitarian law, protection of civilians, armed conflict, journalists, medical personnel, civil defense personnel, children, criminal law.

На современном этапе проблема правового регулирования отношений, связанных с защитой гражданского населения, находящегося в зоне вооруженных конфликтов, приобретает все большую актуальность. При этом

нормы международного гуманитарного права (далее – МГП) с одной стороны содержат конкретные меры по реализации такой защиты в отношении уязвимых категорий гражданских лиц [1–4], с другой стороны, квалификация нарушающих положения МГП действий лиц как преступлений на основе норм национального уголовного законодательства не всегда возможно.

Наиболее последовательную и систематическую работу в части выявления и проведения мероприятий, направленных на устранение вышеуказанных проблем, осуществляет Консультативная служба Международного Комитета Красного Креста по МГП [5].

В белорусской юридической науке исследованию вопросов рассматриваемой проблематики уделяли внимание такие ученые как В. Ю. Калугин [6], О. М. Старовойтов [7], В. П. Сухопаров [8] и другие, однако следует отметить отсутствие на данном этапе значительного пласта научных публикаций монографического уровня по обозначенной проблематике.

В иных отраслях научного знания изучение проблем защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов осуществляется главным образом в рамках исследования вопросов национальной безопасности и является предметом работы специалистов экономических, технических, исторических, военных наук (М. В. Мясниковича, В. В. Пузикова, О. С. Шимовой, Л. С. Шматка и др.) [9]. Практическим аспектам данной проблематики посвящены в том числе и многочисленные исследования белорусских авторов, деятельность которых связана с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций (С. С. Бордак, М. Н. Субботин [10], И. В. Гайшун, Е. А. Безносик [11] и др.). Указанные авторы определяют риски, возникающие при ведении военных действий или вследствие этих действий, и результаты их исследований могут быть использованы юристами для обоснования необходимости внесения предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Изначально следует отметить, что МГП проводит фундаментальное различие между комбатантами и гражданскими лицами. Согласно ст. 51 Дополнительного протокола I гражданское население не должно являться объектом нападения, а также актов насилия или запугивания. Особый статус закреплен для следующих категорий гражданских лиц:

1. Журналисты, выполняющие профессиональные задачи в районе вооруженного конфликта. Ст. 79 Дополнительного протокола I приравнивает их к гражданским лицам, пользующимся соответствующей защитой, при условии несовершения действий, наносящих ущерб противнику [1, с. 258].

2. Медицинский и духовный персонал пользуется специальной защитой (ст. 24–27 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, ст. 15 Дополнительного протокола I). Утрата защиты возможна лишь при совершении действий, выходящих за рамки их гуманитарных функций [1, с. 217; 2, с. 26–27].

3. Лица, лишённые свободы в связи с вооружённым конфликтом. Для международных конфликтов детально регламентировано обращение с военнопленными (Женевская конвенция III); для немеждународных общие гарантии, содержащиеся в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций [3, с. 66–67].

4. Дети. Пользуются особым уважением и защитой (ст. 77 Дополнительного протокола I), запрещается их вербовка в вооружённые силы до 15 лет, а также использование в военных действиях [1, с. 258–257].

5. Внутренне перемещённые лица. Принципы защиты сформулированы в Руководящих принципах ООН по вопросу о перемещении внутри страны (1998), которые рассматриваются как отражение обычных норм МГП [4].

Несмотря на наличие развернутых международных стандартов, их трансформация в национальное законодательство остается наиболее уязвимым звеном, поскольку именно внутригосударственное право определяет механизмы ответственности за нарушения и конкретные гарантии реализации прав.

Анализ содержания нормативных правовых актов Республики Беларусь позволяет выделить несколько пробелов:

1. Статус журналистов в условиях вооружённого конфликта.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» не содержит норм, регулирующих положение журналистов, находящихся в районе боевых действий, а только устанавливает их право на присутствие в зоне вооружённых конфликтов и передачу оттуда информации в определенном законодательством порядке (подп. 2.2 п. 2 ст. 34). Однако данный порядок определяется, как отмечает В. П. Сухопаров, только нормами международных актов, а именно Дополнительного протокола I и п. 4 ст. 13 Женевской конвенции III В национальном законодательстве отсутствует также порядок аккредитации журналистов при вооружённых силах на период военного времени. В результате журналист, следующий с подразделениями, может быть произвольно квалифицирован как участник конфликта (комбатант) со всеми вытекающими последствиями, включая возможность применения к нему силы наравне с военными противника [8, с. 58–59].

2. Ответственность за нападения на медицинские формирования.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в главе 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны» содержит ст. 136 «Производство, накопление или распространение запрещённых средств ведения войны», которая носит общий характер. Специального состава, устанавливающего повышенную ответственность за нападение на медицинские учреждения, санитарный транспорт или персонал, пользующийся защитой по Женевским конвенциям, в УК нет, однако п. 3 данной нормы установлена ответственность за нападение на обладающие с защитной целью отличительными эмблемами Красного Креста, Красного

Полумесяца, Красного Кристалла персонал, строения и, оборудование, транспортные формирования и транспортные средства [13], что позволяет говорить о соответствии в целом данной нормы требованиям гл. III V–VII Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, обязывающей государства принимать меры для пресечения подобных деяний [2, с. 25–26]. При этом дополнение ст. 136 УК ч. 2, устанавливающей повышенную ответственность за нападения на медицинские формирования, считаем целесообразным.

3. Ответственность за нападения на формирования гражданской обороны.

В своем исследовании С. С. Бордак и М. Н. Субботин приходят к выводу, что наиболее вероятный сценарий войны заключается в проведении, в период нарастания военной угрозы, силами специальных операций диверсий по уничтожению объектов военной инфраструктуры и значимых объектов тыла [10, с. 226]. При этом законодательство Республики Беларусь не содержит специального акта, который регламентировал бы порядок определения уровня рисков, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий [10, с. 228]. Со своей стороны полагаем, что предоставление дополнительной защиты персоналу гражданской обороны, осуществляющему деятельность по защите гражданского населения, сохранению жизни людей или существенное снижение возможных потерь среди населения, соответствует целям МГП.

4. Защита детей в условиях вооруженного конфликта.

Хотя УК содержит ст. 132 «Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников» [13], специальная норма об использовании детей в качестве «живого щита» отсутствует. Это не позволяет в полной мере выполнить требования ст. 77 Дополнительного протокола I [1, с. 258–257]. Также следует отметить нелогичность включения норм о вербовке детей в ст. 136 УК (пп. 5 и 51), а не в ст. 132 «Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников».

По итогам проведенного исследования предлагается дополнить Закон «О средствах массовой информации» главой, регулирующей деятельность журналистов в условиях вооруженного конфликта, с указанием на сохранение за ними статуса гражданских лиц и введением обязательной идентификации (удостоверения единого образца).

В части совершенствования уголовного законодательства предлагаются следующие дополнения в УК:

1. Исключить нормы, касающиеся вербовки детей, из п. 5 и 51 ст. 136 и перенести их в ст. 132, дополнив указанную норму ч. 2 и 3 в следующих формулировках:

«2. Вербовка лиц, не достигших пятнадцатилетнего возраста, в вооруженные силы либо разрешение им принимать участие в военных действиях, –

наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати пяти лет.

3. Вербовка лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, или использование их в военных действиях в составе этих вооруженных групп, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет».

2. Статью 136 УК дополнить ч. 2 и 3 в следующих формулировках:
«2. Использование детей в вооруженном конфликте, повлекшее их смерть или тяжкие телесные повреждения, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет».

3. Нападение на медицинские формирования, санитарно-транспортные средства, формирования гражданской обороны, повлекшее смерть или тяжкие телесные повреждения лиц из числа персонала, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет».

3. Пункт 1 ст. 136 дополнить словами «, а также персонал гражданской обороны».

Предложенные направления совершенствования позволят создать целостный механизм защиты наиболее уязвимых категорий гражданских лиц в условиях вооруженного конфликта. Комплексный подход, объединенный в рамках национального плана имплементации МГП, обеспечит как соответствие международным стандартам, так и повышение уровня правовой защищенности лиц, оказавшихся в зоне вооруженного конфликта.

Список цитированных источников

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

2. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/GC_I_Rus.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

3. Женевская конвенция III об обращении военнопленными : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/GC_III_Rus.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

4. Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны : приняты в 1998 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (дата обращения: 29.04.2026).

5. Выполнение международного гуманитарного права: от правовых норм к действию / Консультативная служба МККК по международному гуманитарному праву // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/implementation_rus.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

6. Калугин, В. Ю. Национальный орган содействия имплементации МГП на внутригосударственном уровне: опыт Республики Беларусь / В. Ю. Калугин // Московский журнал международного права. – 1999. – № 1-1. – С. 179–192.
7. Старовойтов, О. М. Международная защита прав ребенка как институт международного права / О. М. Старовойтов // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 3. – С. 20–24.
8. Сухопаров, В. П. Соотношение правовых статусов журналиста и блогера в районах вооруженных конфликтов / В. П. Сухопаров // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума, Минск, 3 окт. 202 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол. Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2020. – С. 57–62.
9. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы : монография / М. В. Мясникович, В. В. Пузиков, В. О. Беспалый [и др.] ; под науч. ред. М. В. Мясниковича, В. В. Пузикова. – Мн. : Экономика и право, 2003. – 451 с.
10. Бордак, С. С. Подготовка мероприятий гражданской обороны на основе анализа рисков / С. С. Бордак, М. Н. Субботин // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 223–231.
11. Гайшун, И. В. Содержание и основные принципы ведения гражданской обороны, анализ ведения гражданской обороны / И. В. Гайшун, Е. А. Безносик // Чрезвычайные ситуации: предупреждение и ликвидация. – 2023. – № 2 (54). – С. 9–23.

Zarkevich V. D., Gomel, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, Faculty of Economics and Management student.

Academic advisor: E. V. Savchik, Gomel, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, Senior Lecturer, Master of Laws.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБЪЕКТОВ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

EVOLUTION OF INTERNATIONAL PARTY PROTECTION OF CIVILIAN POPULATION AND FACILITIES DURING ARMED CONFLICTS

Иванова К. В.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
студент факультета экономики и права

Научный руководитель

Ховратова С. Н.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

Аннотация. В статье исследуется эволюция норм международного гуманитарного права о защите гражданских лиц и объектов от Гаагских конвенций 1907 г. до Дополнительных протоколов 1977 г. Анализируются принципы различения, неизбирательных атак и пропорциональности.

Ключевые слова: гражданские объекты, гражданское население, Дополнительный протокол I Женевские конвенции, международное гуманитарное право, неизбирательные атаки, принцип пропорциональности, принцип различения.

Annotation. The article examines the evolution of international humanitarian law norms on the protection of civilians and objects from the 1907 Hague Conventions to the 1977 Additional Protocols. The principles of distinction, indiscriminate attacks, and proportionality are analyzed.

Keywords: Additional Protocol I civilian objects, civilians, Geneva Conventions, indiscriminate attacks, International humanitarian law, principle of distinction, principle of proportionality.

Долгое время вооруженные столкновения велись исключительно профессиональными военными формированиями, при этом мирные жители рассматривались как допустимая добыча для победителей. Однако процесс гуманизации боевых действий, зародившийся в XIX веке, заложил основу для ключевой нормы современного международного права принципа разграничения (*principium distinctionis*). Ключевой момент этого сдвига произошел после битвы при Сольферино в 1859 году, когда швейцарец Анри Дюнан, став свидетелем мучений оставленных без помощи раненых воинов, инициировал создание Международного Комитета Красного

Креста [6]. Вплоть до середины девятнадцатого века военные конфликты регулировались преимущественно религиозными установками и устоявшимися традициями, которые часто игнорировались. Первоначальные правовые нормы были направлены не столько на защиту гражданского населения, сколько на обеспечение прав раненых участников боевых действий («Женевское право»). Одновременно с этим формировалось «Гаагское право», включающее законы и обычаи ведения сухопутных войн. Принятые в 1907 году Гаагские конвенции стали первыми многосторонними соглашениями, призванными ограничить произвол в отношении невоюющих граждан. Статья 25 Гаагской конвенции 1907 г. гласила: «Воспрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения» [1].

Неэффективность ранее действовавших правовых норм стала очевидной в ходе Второй мировой войны. Реакцией на эти события стало принятие в 1949 году четырех Женевских конвенций, среди которых важнейшую роль сыграла IV Конвенция, посвященная защите гражданского населения в период вооруженных конфликтов. Согласно ст. 27 данного документа, подопечные лица обладают правом на уважение их достоинства, чести, семейных уз, а также религиозных убеждений и традиций во всех без исключения ситуациях [5]. Это событие впервые закрепило за мирными жителями четкий юридический статус «защищаемых лиц». Кроме того, были законодательно запрещены такие практики, как взятие заложников (ст. 34), коллективные наказания (статья 33), а также депортация и применение пыток в отношении гражданских лиц (ст. 3 (общее для немеждународных конфликтов), ст. 147 (серьезные нарушения)). Конфликты во Вьетнаме и арабо-израильские противостояния наглядно продемонстрировали необходимость пересмотра существующих правовых норм, что привело к принятию в 1977 году Дополнительных протоколов I и II к Женевским конвенциям [4]. Первый из них стал поворотным моментом, закрепив три ключевых принципа. Во-первых, ст. 48 вводит принцип различения, обязывающий стороны конфликта четко отделять гражданских лиц и объекты от комбатантов и военных целей. Во-вторых, ст. 51 (пп. 4–5) устанавливают запрет на неизбирательные нападения, то есть атаки, не направленные на конкретные военные объекты. В-третьих, п. 5 б той же ст. 51 регламентирует принцип пропорциональности, запрещая атаки, при которых предполагаемый побочный ущерб среди гражданского населения оказывается чрезмерным по отношению к ожидаемому военному преимуществу. Что касается гражданских объектов, то ст. 52 определяет их через отрицание: они не подлежат нападению, и к ним относятся все объекты, не являющиеся военными целями. Протокол II в свою очередь, впервые расширил действие основных гарантий защиты на гражданское население в условиях немеждународных вооруженных конфликтов [3].

В 1998 году Римский статут Международного уголовного суда закрепил статус военных преступлений за неизбирательными ударами по мирному населению. Согласно п. 2 (b) (iv) ст. 8 документа, наступает уголовная ответственность за намеренные атаки, при которых сторона знает, что они приведут к случайным жертвам среди гражданских лиц или разрушению объектов гражданского назначения, причем ущерб окажется явно непропорциональным ожидаемому военному преимуществу. Таким образом, международное право утвердило принцип соразмерности: даже удар по законной военной цели признается преступлением, если сопутствующий вред гражданским объектам чрезмерен относительно военной выгоды.

Одной серьезной проблемой становится эволюция дистанционных вооруженных комплексов (включая беспилотники) и технологий искусственного интеллекта. Это вынуждает пересмотреть базовый принцип «различения» в ситуации, когда решение об использовании силы принимает не человек, а алгоритм в режиме реального времени. Согласно отчету Генерального секретаря ООН за 2024 год, использование летальных автономных систем без надлежащего человеческого контроля несет угрозу проведения неизбирательных ударов. В таких обстоятельствах крайне затруднительно доказать субъективную сторону преступления (*mens rea*), поскольку у программного обеспечения отсутствует умысел, а ответственность размывается между командиром, внедрившим систему в боевой порядок, разработчиками и операторами.

Следовательно, хотя Римский статут обеспечивает надежную правовую базу для запрета неизбирательных атак, его действенное применение в условиях городских конфликтов и эпохи автономного оружия требует дальнейшего совершенствования как международного права, так и механизмов расследования и привлечения к ответственности.

Анализ трансформации механизмов международной правовой охраны гражданских лиц и соответствующих объектов в ходе вооруженных противостояний дает основание сделать ряд существенных заключений, имеющих ценность как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Следует подчеркнуть, что эволюция международного гуманитарного права в данной области представляла собой продолжительный и непростой процесс: от состояния, когда защита мирного населения практически отсутствовала, до формирования разветвленной системы принципов и норм, призванных снизить уровень страданий гражданских лиц в условиях военного насилия. Зарождение этого процесса связано с деятельностью Анри Дюнан, который стал свидетелем ужасающих последствий сражения при Сольферино. Его усилия привели к учреждению Международного Комитета Красного Креста и дали старт движению по гуманизации войн, которое в дальнейшем структурировалось в две взаимодополняющие отрасли права: «Женевское право», охраняющее жертв конфликтов, и «Гаагское право», регламентирующее способы и средства ведения боевых действий.

Значительным шагом вперед стали Гаагские конвенции 1907 г., впервые на многостороннем уровне закрепившие запрет на нападения и бомбардировки незащищенных населенных пунктов и жилищ. Однако события Второй мировой войны наглядно показали, что этих положений было недостаточно. Глобальные бомбардировки гражданских объектов, массовые депортации и иные преступления выявили острую необходимость фундаментального пересмотра действующей правовой базы [8].

Международная реакция на военные конфликты выразилась в принятии в 1949 году четырех Женевских конвенций, среди которых ключевую роль играет Четвертая конвенция, направленная на защиту гражданского населения в военное время. Данный акт впервые юридически зафиксировал статус «покровительствуемых лиц» для мирных жителей. Статья 27 гарантирует неприкосновенность их достоинства, чести, семейных прав, а также религиозных убеждений и обрядов независимо от обстоятельств. Законодательно были запрещены такие действия, как взятие заложников (ст. 34), коллективные наказания (ст. 33), а также депортация и пытки (ст. 3 и 147). Эти нормы заложили основу современной системы защиты гражданских лиц, определив не только их права, но и обязанности сторон конфликта.

Следующим этапом стало введение в 1977 году Дополнительных протоколов I и II к Женевским конвенциям. Первый протокол утвердил три фундаментальных принципа международного гуманитарного права. Во-первых, принцип различия (ст. 48), требующий строгого разделения между гражданскими лицами и комбатантами, а также между гражданскими и военными объектами. Во-вторых, запрет на неизбирательные нападения (ст. 51, пп. 4–5), то есть атак, не направленных на конкретную военную цель или имеющих непредсказуемые последствия. В-третьих, принцип пропорциональности (ст. 51, п. 5 (б)), запрещающий удары, при которых предполагаемый случайный ущерб гражданским лицам или объектам является чрезмерным по сравнению с ожидаемым военным преимуществом. Второй протокол впервые расширил действие основных гарантий на жертв немеждународных вооруженных конфликтов, что было крайне актуально, поскольку к концу XX века большинство военных столкновений носили внутригосударственный характер.

Завершающим этапом данного процесса стало принятие в 1998 году Римского статута Международного уголовного суда, который квалифицировал неизбирательные удары по гражданским лицам как военные преступления. Пункт 2 (b) (iv) ст. 8 Статута закрепил уголовную ответственность за преднамеренные нападения, если заранее известно, что они приведут к случайным жертвам среди мирного населения или разрушению гражданских объектов, причем такой ущерб будет явно несоразмерен ожидаемому военному преимуществу [7]. Таким образом, принцип пропорциональности перешел от декларативного статуса к реальному механизму правоприменения: любое лицо, включая высших военных и политических

руководителей, может быть привлечено к ответственности за организацию атак без различия целей.

Тем не менее, проведенный анализ показывает, что наличие развитой нормативной базы не гарантирует автоматического устранения всех трудностей. Исследование выделило две основные категории проблем, возникающих при применении этих норм в современных условиях.

Первый блок вызовов обусловлен урбанизацией вооруженных конфликтов. В условиях плотной городской застройки военные объекты часто находятся в непосредственной близости от жилых районов, школ, больниц и другой гражданской инфраструктуры. Противник нередко намеренно использует гражданские объекты в военных целях, однако это не освобождает наступающую сторону от соблюдения принципов различия и пропорциональности. Подобная ситуация создает практически неразрешимые дилеммы для военных командиров и существенно усложняет правовую оценку каждого отдельного удара.

Второй круг вызовов обусловлен технологическим переворотом в сфере вооружений. Стремительное развитие дистанционных средств поражения, включая ударные дроны, а также интеграция технологий искусственного интеллекта ставят под сомнение применимость традиционных норм международного гуманитарного права. Как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН за 2024 год, использование летальных автономных комплексов без адекватного человеческого надзора создает угрозу неизбирательных ударов. Главная сложность заключается в том, что при причинении ущерба алгоритмом, действующим автономно, крайне трудно или даже невозможно доказать субъективную вину (*mens rea*), то есть умысел или осознание избыточности вреда, поскольку машина не обладает правовым сознанием. В результате ответственность распределяется между командиром, внедрившим систему в боевой состав, создателями программного обеспечения и операторами, что приводит к размыванию ответственности.

Подводя итог, необходимо отметить, что современное международное гуманитарное право, опирающееся на Женевские конвенции, Дополнительные протоколы и Римский статут, сформировало надежный и детализированный нормативный каркас для обеспечения безопасности гражданских лиц в ходе военных столкновений. Фундамент этой системы составляют три ключевых принципа: разграничение целей, запрет атак без различия и требование пропорциональности. Тем не менее, действенность этих норм подвергается испытанию новыми реалиями XXI века. Рост урбанизации вооруженных конфликтов и распространение автономных боевых систем на базе искусственного интеллекта диктуют необходимость дальнейшей модернизации правовых механизмов. Это требует как уточнения существующих нормативов (например, создание специализированных руководств по городским боям), так и принятия новых международных актов, регулирующих использование летальных автономных комплексов.

Список цитированных источников

1. Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны : принята в г. Гааге 18 окт. 1907 г. // Консорциум Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901865898> (дата обращения: 07.05.2026).
2. Доклад Генерального секретаря ООН о летальных автономных системах вооружения A/79/227 : принят 24 июля 2024 г. – URL: <https://undocs.org/ru/A/79/227> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/123d_ihl-apii-1977-rus.pdf (дата обращения: 07.05.2026).
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/api-1977> (дата обращения: 07.05.2026).
5. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_4.shtml (дата обращения: 07.05.2026).
6. История возникновения идеи Красного Креста // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/history> (дата обращения: 07.05.2026).
7. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(ru\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(ru).pdf) (дата обращения: 07.05.2026).
8. Global Humanitarian Overview 2023 urban conflicts // UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). – URL: <https://www.unocha.org/> (date of access: 07.05.2026).

Ivanova K. V., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Faculty of Economics and Law student.

Academic advisor: Khovratova S. N., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN ARMED CONFLICTS

Ивашкевич Г. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Лапутько К. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры
государственного управления,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье анализируются проблемы использования искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах, исследуются вопросы международно-правовой ответственности и соответствия алгоритмических систем нормам гуманитарного права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное гуманитарное право, военные преступления, самооборона, ответственность.

Annotation. This article analyzes the use of artificial intelligence in armed conflicts, exploring issues of international legal responsibility and the compliance of algorithmic systems with humanitarian law.

Keywords: artificial intelligence, international humanitarian law, war crimes, self-defense, responsibility.

Стремительный дрейф военной стратегии в сторону алгоритмического доминирования создает вакуум в пространстве правового регулирования, поскольку классические нормы международного права не были рассчитаны на вытеснение человека из процессов принятия тактических решений. Исторической основой правил ведения боевых действий, заложены в эпоху кинетических сражений, предполагал наличие сознательной воли команданта как единого источника ответственности. Но при ускоренном переходе из просто удобного средства для анализа документов и иных действий, приносящих пользу при использовании, искусственный интеллект стал трансформироваться в средство и (или) орудие для ведения вооруженных конфликтов, что существенно размывает границы его первоначальной задумки.

В связи с тем, что алгоритмическая сложность исключает возможность полной верификации решений в сугубо настоящем времени, корпусу юристов приходится сталкиваться с беспрецедентной задачей по сохранению этического и правового измерения конфликтов. По итогу мы пришли к выводу, что необходимо кардинально усовершенствовать механизм категориального аппарата, а также ответственности.

Основой для международно-правового регулирования безопасности является Устав Организации Объединенных Наций (далее – ООН), который в ст. 2 (4) устанавливает запрет на угрозу силой или ее применение против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства. В данном случае под силой следует понимать вовсе не физическое насилие. В таком случае появление кибернетических операций и систем искусственного интеллекта размывает эти границы.

Эволюция методов ведения войны в эпоху доминирования искусственного интеллекта диктует необходимость ревизии классических интерпретаций Устава ООН в пользу концепции функциональной эквивалентности. Сторонники данного подхода аргументируют, что юридическая природа акта силы должна оцениваться через призму его фактического результата, а не механизма реализации. В этой парадигме использовании автономных боевых платформ для паралича систем жизнеобеспечения или совершения кинетических ударов неизбежно вступает в противоречия с обязательствами государств по ст. 2 (4) Устава ООН. Ярким примером международно-правовой дискуссии по данному вопросу являются протестные ноты Ирана в адрес Совета Безопасности ООН, в которых высокотехнологическое воздействие интерпретируется как дестабилизирующая агрессия. Геополитическая реальность американо-иранского конфликта последних лет послужила катализатором для уточнения признаков «вооруженного нападения» в цифровую эпоху. Проблема детерминации правового порога, предусмотренная ст. 51 Устава ООН требует проведения четкой границы между разведывательными операциями и силовым воздействием. В качестве методологического базиса для такой дифференциации выступают критерии Шмитта, которые предполагают комплексную оценку инвазивности, непосредственности и масштаба последствий, позволяя квалифицировать алгоритмическую атаку как основание для реализации неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону.

Нормативная легитимность использования искусственного интеллекта на поле военных действий неразрывно связана с неукоснительным соблюдением триады основополагающих принципов: различия, пропорциональности и принятия мер предосторожности. Внедрение систем машинного зрения, хотя и способствует ускорению процесса идентификации объектов, сопряжено с серьезным риском возникновения «эффекта автоматизированного смещения», при котором оператор склонен к некритичному принятию машинных рекомендаций. Особую сложность представляет

реализация критерия соразмерности, так как оценка баланса между ожидаемым военным преимуществом и вероятным сопутствующим ущербом требует проведения качественного этико-правового анализа, к которому современные алгоритмы органически не способны. Обязательства по принятию мер предосторожности, в свою очередь, налагает на воюющую страну безусловную обязанность по деактивации акта в случае выявления гражданского характера цели.

В центре правового регулирования данных процессов находятся Соединенные Штаты Америки, чья Директива Министерства обороны 3000.09 стала первым в мире комплексным документом, определяющим политику в области автономии систем вооружения. Эволюция данной Директивы от 2012 года к обновленной редакции января 2023 года наглядно демонстрирует адаптацию правовой мысли к технологическому прогрессу. Примечательно, что в современной версии документа произошла терминологическая замена понятий, а именно «человек-оператор» на более лаконичное определение «оператор». Такая трансформация подчеркивает приоритетность функциональной роли субъекта в контуре управления системой, при этом сохраняя требования о том, что данная роль должна исполняться исключительно физическим лицом, ответственным за соблюдение права вооруженных конфликтов.

Операция «Эпическая ярость» и право на самооборону в международном праве. 28 февраля 2026 г. вооруженные силы Соединенных Штатов Америки и Израиля начали совместную военную кампанию против Ирана, получившую кодовое название «Операция Эпическая ярость». Официальным обоснованием ударов, представленным в письме постоянного представителя США при ООН Майка Уолтца в Совет Безопасности от 1 марта 2026 г., стало осуществление неотъемлемого права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Письмо утверждало, что Иран ведет неспровоцированную религиозную войну на уничтожение против Израиля и использует прокси-силы, такие как Хезболла, Хамас и хуситы, для дестабилизации региона и нападения на американские объекты.

Международно-правовой анализ данной аргументации выявляет ряд спорных моментов. Во-первых, операция была начата всего через два дня после завершения раунда ядерных переговоров в Женеве, где стороны достигли предварительных договоренностей о продолжении диалога. Это дает основания полагать, что США нарушили принцип добросовестности, закрепленный в ст. 2 (2) Устава ООН, который требует от государств выполнять свои обязательства честным и открытым образом. Во-вторых, заявленная цель операции «смена режима» и «устранение экзистенциальной угрозы» выходит за рамки классического понимания самообороны, которое предполагает отражение текущего или неминуемого нападения, а не превентивное уничтожение политической системы другого государства.

Трагедия в Минабе. Наиболее резонансным инцидентом в ходе операции «Эпическая ярость» стал удар по начальной школе для девочек

«Шаджаре Тайебе» в городе Минаб 28 февраля 2026 г. В результате трех последовательных попаданий управляемых ракет погибло около 175 человек, большинство из которых были детьми в возрасте от семи до двенадцати лет. Согласно данным расследований, проведенных средствами массовой информации и правозащитными организациями, система искусственного интеллекта классифицировала здание школы как военный объект, вероятно, из-за его непосредственной близости к военно-морской базе Корпуса стражей исламской революции и использования устаревших спутниковых снимков.

С точки зрения международного гуманитарного права, атака на школу представляет собой серьезное нарушение принципа различия, закрепленного в ст. 48 Дополнительного протокола I Школы являются гражданскими объектами и пользуются особой защитой. Даже если на прилегающей территории находятся военные цели, нападающая сторона обязана соблюдать принцип соразмерности: ожидаемый сопутствующий ущерб среди гражданского населения не должен быть чрезмерным по отношению к прямому и конкретному военному преимуществу. В случае с Минабом, гибель почти двухсот детей при ударе по вспомогательным постройкам базы явно не соответствует критериям соразмерности. Юридическая ответственность за подобные инциденты в эпоху искусственного интеллекта остается неопределенной.

Статья 36 Дополнительного протокола I Обязательство государств проводить юридическую проверку новых видов оружия, зафиксированное в ст. 36 Дополнительного протокола I является критически важным инструментом предотвращения незаконного применения технологий. В соответствии с этой нормой каждое государство должно определить, не запрещено ли применение нового оружия, средств или методов ведения войны международным правом. Однако проверка систем искусственного интеллекта представляет собой сложнейшую задачу из-за их динамической природы. В отличие от артиллерийского снаряда, характеристики которого неизменны, программное обеспечение может обновляться, а алгоритмы машинного обучения менять свои критерии оценки целей в зависимости от опыта.

Существуют значительные разногласия по поводу того, что именно должно быть объектом проверки. Некоторые государства, включая США, склонны рассматривать алгоритмы поддержки принятия решений как «вспомогательные инструменты», которые не требуют формальной проверки по ст. 36, поскольку они сами по себе не являются оружием. Однако практика показывает, что такие системы напрямую определяют применение силы. Если алгоритм выбирает цель, он фактически становится «методом ведения войны», и его законность должна проверяться так же строго, как и законность физического оружия.

Для преодоления этого разрыва предлагается развивать концепцию «алгоритмической небрежности». Государства и их должностные лица

должны нести ответственность не только за прямые приказы, но и за неспособность обеспечить надлежащие процедуры тестирования, верификации и человеческого контроля над системами. В контексте конфликта США и Ирана это означает, что ответственность за гибель детей в Минабе должна возлагаться на тех лиц в Министерстве обороны США, которые санкционировали боевое применение системы Maven Smart System, зная о ее недостатках или не обеспечив достаточного времени для человеческой проверки ее рекомендаций.

Ответственность за причиненный ущерб при применении систем искусственного интеллекта (далее – ИИ). Применение систем ИИ в ходе вооруженного конфликта, наглядно проиллюстрированное операцией «Epic Fury», не создает правового вакуума, а подпадает под действие существующих норм МГП.

Согласно общепризнанной доктрине, ИИ рассматривается не как субъект права, а как средство или метод ведения войны, использование которого должно строго соответствовать правилам *jus in bello*. Обязательство соблюдать принцип различения, закрепленный в ст. 48 и 51 (2) ДП I носит абсолютный характер и требует от воюющих сторон направлять действия исключительно против комбатантов и военных объектов. В ситуации с ударом по школе в Минабе классификация гражданского объекта как военного из-за использования устаревших данных или близости к базе Корпуса стражей исламской революции является прямым нарушением этой нормы.

Алгоритмические системы обязаны обеспечивать точность идентификации, однако ответственность за выполнение принципа соразмерности (ст. 51 (5) (b) и 57 (2) (a) (iii) ДП I) остается за человеком. Оценка того, не является ли ожидаемый сопутствующий ущерб чрезмерным по отношению к конкретному военному преимуществу, требует качественного этического и правового суждения, на которое современные автономные системы не способны. Более того, ст. 57 ДП I обязывает принимать постоянные меры предосторожности, включая отмену атаки, если становится очевидным, что объект не является военным.

Применение ИИ в современных вооруженных конфликтах ставит перед международным гуманитарным правом (МГП) сложнейшие вызовы. Неспособность системы ИИ или ее оператора распознать гражданский характер объекта, например школы, является не просто технической ошибкой, а прямым нарушением обязательств по защите гражданского населения. Вопрос международно-уголовной ответственности за подобные деяния разрешается через призму индивидуальной ответственности, установленной Римским статутом Международного уголовного суда.

Рассмотрим два ключевых явления в международном праве, которые касаются механизма ответственности. Системы «Human-in-the-Loop» и «Human-on-the-Loop». В них основным звеном остается субъект, обладающий «человеческим» контролем. Юридическая ответственность в подобной ситуации персонализирована: если, предположим, командир подразделения

опирается на рекомендации систем, например Maven Smart System, без надлежащей верификации целей, то он может быть привлечен к ответственности по ст. 8 Римского статута за совершение военного преступления, которые мы смеем назвать неизбирательным нападением.

Помимо этого, ст. 28 Римского статута закрепляет принцип ответственности «руководителей». Они несут юридическую ответственность, если знали или должны были знать, что подчиненные им силы, не исключая автономные силы, совершают преступления, но не приняли необходимых мер по их предотвращению.

Особую категорию составляют системы «Human-out-of-the-Loop», который мы дословно понимаем как человек вне контура (в нашем случае ответственности), где возникает риск пробела в законодательстве. Правовая доктрина и позиции МККК подчеркивают, что использование полностью автономного оружия, неспособного действовать в жестких рамках МГП, само по себе является нарушением ст. 36 Дополнительного протокола I обязывающей государства проводить юридическую экспертизу любых новых видов вооружений.

Ответственность может касаться и создателей технологий: разработчик алгоритма может быть привлечен по ст. 25 (3) (с) Римского статута за пособничество, если будет доказано, что он умышленно спроектировал систему для совершения противоправных деяний. Однако фундаментальным остается режим государственной ответственности. Любые действия вооруженных сил, использующих ИИ, вменяются государству как субъекту международного права. Таким образом, гибель мирных жителей в Минабе влечет за собой ответственность США за нарушение МГП и обязательство по выплате репараций, в то время как конкретные должностные лица подлежат преследованию за преступную небрежность или умышленные нарушения при использовании алгоритмических методов войны.

Список цитированных источников

1. Autonomy in Weapon Systems DoD Directive 3000.09 // US Department of Defense. – Washington, 2023. – 21 p. – URL: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/300009p.PDF> (date of access: 19.03.2026).
2. Letter dated 1 March 2026 from the Permanent Representative of the United States of America to the United Nations addressed to the President of the Security Council S/2026/185 // United Nations. – URL: <https://www.justsecurity.org/134290/us-article-51-letter-united-nations/> (date of access: 19.03.2026).
3. Бо, М. Удары в Минабе и проблема ответственности в ИИ-войнах / М. Бо // EJIL:Talk!. – URL: <https://www.ejiltalk.org/ai-and-the-commission-and-facilitation-of-international-crimes-on-accountability-gaps-and-the-minab-school-strike/> (дата обращения: 19.03.2026).
4. Шмитт, М. Н. Международное право и военные операции с ИИ / М. Н. Шмитт, Г. Корн // Lieber Institute. – URL: <https://lieber.westpoint.edu/artificial-intelligence-military-decision-making/> (дата обращения: 19.03.2026).

5. Schmitt, M. N. Stuxnet and an Act of Force Against Iran / M. N. Schmitt // Just Security. – URL: <https://armscontrollaw.com/2013/03/25/stuxnet-an-act-of-force-against-iran/> (date of access: 19.03.2026).
6. Tallinn Manual 2 on the International Law Applicable to Cyber Operations Gen / ed. M. N. Schmitt. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2017. – 638 p.
7. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) : Merits, Judgment I. C. J. : Reports. – Geneva, 1986. – P. 14.
8. Report of the 2025 Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) CCW/GGE.1/2025/WP.7 // United Nations. – Geneva, 2025. – 12 p.
9. Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems CCW/GGE.1/2019/3 // United Nations. – Geneva, 2019. – 14 p.
10. US-Iran: New investigation demands accountability for deadly US strike on school that killed over 10 children // Amnesty International. – 2026. – 16 March. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2026/03/us-iran-minab-school-strike> (date of access: 19.03.2026).

Ivashkevich G. I., Minsk, Belarusian State University, Law Faculty student.

Academic advisor: Laputko K. V., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of Public Administration, Master of Laws.

ПРАВО ДЕТЕЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

CHILDREN'S RIGHT TO EDUCATION IN ARMED CONFLICT

Ковалевская А. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Лапутько К. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры государственного управления,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье исследуется международно-правовая защита права детей на образование в период вооруженных конфликтов. Анализируются недостатки существующих конвенций и предлагается внедрение цифровых механизмов непрерывного обучения для обеспечения безопасности учащихся.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, защита детей, право на образование, вооруженные конфликты, цифровой суверенитет, «паспорт учащегося».

Annotation. This article examines international legal protection of children's right to education in armed conflicts. It analyzes the limitations of current legal frameworks and proposes integrating digital mechanisms for continuous learning.

Key words: international humanitarian law, child protection, right to education, armed conflicts, digital sovereignty, «learning passport».

С самого начала существования человечества, люди ведут вооруженные конфликты, будь то борьба за территории, ресурсы или религию. Однако если взрослые имеют определенные возможности для самозащиты, то дети, будучи самой уязвимой социальной группой, оказываются совершенно не защищены от разрушений войны. Растущие в постоянной обстановке насилия и нестабильности, они лишены не только радостей детства, но своих фундаментальных прав и свобод. В XXI веке мир снова находится в состоянии жесткой турбулентности, и вопрос обеспечения права детей на образование приобретает особую остроту и необходимость пересмотра существующих правовых механизмов защиты.

Образование является одним из фундаментальных прав человека. По всему миру совершаются нападения на детей, так как противоборствующим

щие игнорируют один из главных принципов ведения вооруженных конфликтов защиту прав ребенка. Нарушение доступа к получению образования или вовсе его невозможность влечет негативные последствия не только во время конфликта, но и станет глобальной проблемой для экономики воюющих стран в будущем.

Международное право имеет разветвленную правовую базу защиты детей в период вооруженных конфликтов. Ее краеугольным камнем являются нормы международного гуманитарного права, главным образом четыре Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним, устанавливающие существенные ограничения на способы ведения войны. Важно отметить, что этот источник ратифицирован повсеместно и означает, что все государства выразили согласие соблюдать их. Они защищают тех, кто не принимает участия в военных действиях и тех, кто больше не воюет.

Так, ст. 3, являющаяся общей для всех Женевских конвенций, не выделяет детей в отдельную категорию, требующую особой защиты, а предусматривает общую защиту детей как лиц, не принимающих участия в военных действиях. Статья регламентирует, что такие лица должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев. С этой целью всегда запрещаются и всюду будут запрещаться: а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания, б) взятие заложников, с) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение, d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

II Женевская конвенция содержит и специальные положения, касающиеся защиты детей во время военных действий. Так, согласно ст. 14, дети до 15 лет являются одной из категорией гражданского населения, для которых стороны, находящиеся в конфликте, могут создавать на своей собственной территории, а в случае необходимости на оккупированных территориях, санитарные и безопасные зоны и местности, организованные таким образом, чтобы оградить их от действий войны. В этой формулировке у нас вызывает вопрос употребление в данном контексте слова «могут». То есть, противники вправе и проигнорировать эту норму, сославшись на то, что это лишь их право создавать такие зоны, а не прямая обязанность: обеспечить минимальную безопасность для детей, беременных женщин и матерей с детьми. Ведение войны, уж если она ведется, должно, на наш взгляд, иметь четкие предписания по поводу защиты и уменьшения страданий гражданских лиц, особенно детей, если есть какие-либо способы это обеспечить, и стороны обязаны к ним стремиться

и находить компромиссы. Однако значимость Женевской конвенции о защите гражданского населения не вызывает споров, так как этот международный договор впервые юридически закрепил принцип защиты детей как части гражданского населения во время вооруженных конфликтов международного характера.

В последующие годы с развитием военных технологий и появлением новых видов вооруженных конфликтов международному праву вновь был брошен вызов в вопросе детальной регламентации статуса гражданского населения, так как Женевские конвенции уже не охватывали новые методы ведения войны. Для расширения их действия, Международный Комитет Красного Креста предложил пересмотреть эти положения. Однако для того, чтобы не допустить риск утратить уже предоставленную защиту, было решено принять Дополнительные протоколы к конвенциям [1].

Так, Протокол I уже выделяет меры по защите женщин и детей. Им посвящена глава II состоящая из трех статей. Пункт 1 ст. 77 закрепил, что дети пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств. Стороны, находящиеся в конфликте, обеспечивают им защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине. Однако особое значение для обеспечения права детей на образование имеет п. 2 ст. 78, которая регламентирует порядок эвакуации детей и прямо закрепляет обязанность сторон конфликта сохранять непрерывность обучения. Согласно данной норме, «во всех случаях осуществления эвакуации (в соответствии с ее порядком по п. 1) обучение каждого ребенка, включая его религиозное и нравственное воспитание согласно пожеланиям его родителей, обеспечивается, пока он находится в эвакуации, в максимально возможной степени непрерывно». Учитывая то, что Женевские конвенции 1949 г. и вовсе не выделяли детей в отдельную категорию, не говоря уже о вопросе их обучения, подобное положение в Протоколе значительный шаг в сторону детализации международного гуманитарного права.

Параллельно с развитием международного гуманитарного права формировались и универсальные нормы в сфере защиты прав ребенка. Первым таким считается Женевская декларация прав ребенка 1924 г., разработанная учительницей начальных классов, англичанкой Эглантайн Джебб. Этот документ впервые официально закрепил понятие «права ребенка» и представлял собой 5 принципов международной защиты детей. В 1959 году принципы были расширены до 1 в Декларации прав ребенка. Таким образом, право ребенка на «получение бесплатного и обязательного, по крайней мере на начальных стадиях» образования получило закрепление в седьмом принципе. И конечно нельзя не упомянуть основной международный документ, регламентирующий права ребенка, Конвенция о правах ребенка 1989 г. договор в области прав человека, ратифицированный наибольшим количеством стран. По данным с официального сайта ЮНИСЕФ по состоянию на октябрь 2015 года ее ратифицировало 196 стран, не включая США [2].

Несмотря на существование развитой системы международно-правовых стандартов, действительность, к сожалению, демонстрирует нам большой разрыв между *de jure* закрепленными гарантиями и их фактической реализацией.

Так, в докладе Генерального Секретаря ООН «Дети и вооруженные конфликты» отмечено, что «в 2024 году масштабы насилия в отношении детей достигли беспрецедентного уровня: рост числа нарушений составил шокирующие 25 процентов по сравнению с 2023 годом» [3]. Однако за цифрами скрываются уникальные для каждого региона сценарии разрушения образовательной среды. В доклад включено приложение I содержащее перечень государственных субъектов и негосударственных вооруженных групп, совершающих серьезные преступления в отношении детей в вооруженных конфликтах. Причем включение в этот список это не просто формальность, а настоятельный призыв Совета Безопасности «принять и выполнять законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за нарушения международного права в отношении детей, привлекать виновных к ответственности, оказывать помощь жертвам и сотрудничать с международными механизмами привлечения к ответственности», то есть это некий инструмент международного давления: соблюдайте нормы международного права, в противном случае ответственность.

«Лидером» из 17 включенных в повестку стран, совершивших грубые нарушения является вооруженный конфликт между Израилем и Государством Палестиной: ООН подтвердила 8554 серьезных нарушений в отношении детей в 2024 году и 2789, имевших место в 2023 году в секторе Газа и в Израиле, еще несколько тысяч сообщений ожидали проверки. По данным за 1 сентября 2025 г. по заявлению генерального комиссара Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам (БАПОР) более 66 тысяч детей в секторе Газа были лишены возможности посещать школу, так как практически вся инфраструктура разрушена. Центр спутниковых исследований ООН сообщал, что 97 % школ в Газе повреждены, а с начала войны 432 школы подверглись «прямому попаданию» бомб [4].

В то же время в Мьянме кроме нападений на школы было зафиксировано около полусотни случаев использования образовательных учреждений в военных целях. В 2025 году произошел грубый акт агрессии: военный самолет сбросил две 500-фунтовые бомбы на школу, когда ученики спали, в результате чего погибли 19 учащихся еще 22 получили ранения. Этот случай демонстрирует иную проблему превращение гражданских объектов в военные, что лишает школу статуса «безопасного пространства», гарантированного международным гуманитарным правом.

Еще одним трагическим примером нарушения норм гуманитарного права стала атака на начальную школу для девочек в Минабе (юг Ирана), совершенная в первый день военной операции США и Израиля. В результате бомбардировки погибло около 15 детей еще около 10 учеников и педагогов получили ранения [5]. Данный инцидент является наглядным примером несоблюдения воюющими сторонами принципов проведения различия

и гуманности, закрепленных в ст. 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Масштаб трагедии вызвал бурную международную реакцию. Так, посланник мира ООН и лауреат Нобелевской премии мира Милала Юсуфзай, выступила решительно против насилия и нападения на школы и гражданское население, и подчеркнула: «Все государства и стороны конфликта должны выполнять свои обязательства по международному праву в части защиты гражданского населения и школ. Каждый ребенок заслуживает того, чтобы жить и учиться в мире» [5].

Анализ последствий атак на образовательную инфраструктуру заставляет задуматься об эффективности существующих международно-правовых инструментов. На наш взгляд, сегодня очевиден глубокий разрыв между международно-правовыми нормами и реальностью. Полагаем, что традиционная концепция «безопасных школ», прописанная в декларациях, фактически игнорируется правительствами для достижения их политических амбиций. Мы наблюдаем противоречие: обязательства по защите прав ребенка государства принимают, но в тоже время сами выступают их нарушителями.

Вместо разработки новых декларативных документов мы предлагаем сместить фокус на создание механизмов непрерывного образовательного процесса. Решение этой проблемы нам видится в цифровых инструментах, которые позволят детям учиться в любых условиях. Сегодня, когда цифровые технологии и искусственный интеллект развиваются с невероятной скоростью, мы не должны ограничиваться их внедрением только в бизнес-процессы или развлечения. По глубоким убеждениям автора результаты человеческого разума должны прежде всего служить гуманным целям. Если мы научились создавать сложнейшие программы, то обязаны направить этот ресурс на то, чтобы ни один ребенок в мире не остался без знаний из-за войны. Подтверждением того, что мировое сообщество осознает необходимость внедрения цифровых технологий в образование и преодоление технологических разрывов, стало заседание Совета Безопасности ООН по теме «Дети, технологии и образование в условиях конфликта», прошедшее 2 марта 2026 г.

Стоит признать, что разрыв между буквой международного гуманитарного права и суровой реальностью очевиден, поэтому решение проблемы лежит не в сфере разработки новых запретительных документов, а в самой трансформации модели образования. Если воюющие государства и внутренние группировки не в силах гарантировать сохранность стен учебных заведений, то они обязаны гарантировать непрерывность получения образования через так называемый цифровой суверенитет ребенка.

Современную эпоху по праву можно назвать цифровой: практически в каждой сфере деятельности человека процессы автоматизированы, а интеграция искусственного интеллекта слала повседневной реальностью. На фоне того, как технологии повсеместно заменяют человеческий труд в стабильных отраслях, их внедрение для решения глобальных образовательных кризисов представляется нам не просто оправданным, а критически необходимым. В условиях вооруженных конфликтов, где физическое

присутствие педагогов затруднено, а безопасность образовательной инфраструктуры гарантировать в реальности невозможно, технологии должны стать вспомогательным инструментом, который восполнит этот пробел. Таким образом, использование интеллектуальных достижений человечества именно там, где традиционные методы утрачивают эффективность наиболее полезный путь их применения.

Опираясь на упомянутый на заседании Совета Безопасности опыт внедрения платформы «learning passport» («паспорт учащегося») разработки ЮНИСЕФ при поддержке Microsoft и Кембриджского университета в 2018 году, мы предлагаем вывести этот проект в обязательный международно-правовой стандарт.

Эта программа представляет собой онлайн, мобильную и офлайн-платформу, которая создана для обеспечения непрерывного доступа к дошкольному, начальному и среднему образованию. Ресурс характеризуется гибкостью форматов: работает как онлайн-ресурс, мобильное приложение, а также обладает офлайн-функциями [6]. Это является существенным плюсом, так как позволяет использовать ее в регионах, где нет доступа к Интернету или он работает нестабильно. Разработчик уверяет, что программа обеспечивает «высококачественное и гибкое обучение» вне зависимости от способа доступа. Партнеры, например корпорация Sony, специально работает над тем, чтобы улучшать доставку контента и укреплять возможности офлайн-обучения. Такая разработка делает платформу критически важным ресурсом, позволяющим детям продолжать обучение по тем же стандартам, что и в условиях стабильности.

У платформы есть официальный сайт, содержащий отчеты о проделанной работе за 2024–2025 гг. На настоящий момент она охватывает 48 стран и 11,03 млн пользователей. Это говорит о том, что ресурс пользуется популярностью. Однако вопрос юридической значимости полученного образования остается открытым. В существующем виде инициатива представляет собой высококачественный образовательный ресурс, а не полноценную замену школы. Мы предлагаем перевести ее в категорию глобального образовательного стандарта. Главная проблема заключается в том, что факт прохождения курсов не является аналогом официального государственного аттестата. Чтобы дети позже не столкнулись с невозможностью поступления в колледжи или высшие учебные заведения из-за отсутствия юридического подтверждения школьного образования, мы предлагаем разработать под эгидой ЮНЕСКО «Единое соглашение о верификации». Данный документ должен стать международным актом о том, что страны признают результаты онлайн-обучения по пройденным предметам эквивалентными школьному аттестату. При этом крайне важно учитывать специфику обучения в условиях вооруженного конфликта.

Стоит признать, что за короткие периоды стабильности учащиеся могут не успеть освоить программу в полном объеме. В связи с этим, «Единое соглашение» должно предусматривать внедрение системы цифровых

микро-квалификаций. Так, вместо цели «пройти все» искусственный интеллект может фиксировать успешное освоение отдельных модулей. Для успешного поступления в ВУЗы предлагаем закрепить право таких студентов на адаптационный период. Это позволит подросткам иметь определенную базу знаний, а недостающие темы восполнять в принимающих учебных заведениях без необходимости возврата в классы «физической» школы.

Несмотря на динамичный рост количества пользователей платформы, охват в 11 млн за пять лет представляется недостаточным на фоне глобального масштаба кризиса. Согласно данным доклада заместителя Генерального секретаря по политическим вопросам Розмари Декарло, каждый пятый ребенок в мире а это 473 млн детей живет в зоне конфликта или вынужден бежать от войны [7]. Такой контраст указывает на проблему масштабирования, связанную с текущей моделью финансирования. Решением для преодоления этого разрыва может служить отказ от добровольных пожертвований и переход к созданию Глобального фонда цифрового образования. Безусловно, идея обязательного наполнения фонда сталкивается с фундаментальным принципом суверенного равенства государств. Благополучные страны, не затронутые вооруженным конфликтом, могут вполне обоснованно ссылаться на то, что на их территории право на образование реализуется в полной мере, и внешние финансовые обязательства нарушают их право самостоятельно распоряжаться своим бюджетом. Но, с другой стороны, такому пониманию суверенитета можно противопоставить принцип международного сотрудничества, закрепленный в Уставе ООН, ведь в современных реалиях суверенитет не может рассматриваться как изоляция от глобальных кризисов. Для обоснования нашей позиции проведем аналогию с международным экологическим правом. Здесь уже давно действует принцип «общей, но дифференцированной ответственности», который означает, что сохранение климата это общая забота человечества, ограничивающая абсолютный суверенитет отдельных стран. По нашему мнению, сохранение человеческого и интеллектуального потенциала должно иметь аналогичный статус, что юридически обязывает мировое сообщество сотрудничать в финансировании таких платформ как «паспорт учащегося» ради обеспечения глобальной безопасности и соблюдения прав ребенка.

Подводя итог, следует признать необходимость перехода от декларативной защиты образовательных учреждений к созданию системы непрерывного дистанционного обучения в зонах конфликтов. Предложенное нами «Единое соглашение о верификации» и внедрение цифровых микро-квалификаций позволят легализовать результаты онлайн-обучения и обеспечить выпускникам доступ к высшему образованию без повторного прохождения школьной программы. Применение принципа международного сотрудничества и аналогии с экологическим правом юридически обосновывает обязанность всех государств участвовать в финансировании Глобального фонда цифрового образования. Такой подход позволяет рассматривать защиту права ребенка на знания не как акт благотворительности, а как обязательное условие поддержания международной безопасности

и стабильности. Реализация этих мер обеспечит интеграцию детей из зон конфликтов в глобальное сообщество и предотвратит долгосрочные экономические потери, вызванные перерывами в образовательном процессе.

Список цитированных источников

1. Старовойтов, О. М. Защита детей в период вооруженных конфликтов / О. М. Старовойтов // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 3. – С. 20–23.
2. ЮНИСЕФ Таджикистан [сайт] 1993–2026. – URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Гутерриш, А. Дети и вооруженные конфликты: доклад Генер. секретаря / А. Гутерриш // UNHCR. Агентство ООН по делам беженцев. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unga/2005/61201> (дата обращения: 28.03.2026).
4. UNRWA Situation Report #230 on the Humanitarian Crisis in the Gaza Strip and the occupied West Bank, including East Jerusalem // United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East. – URL: <https://unrwa.org/resources/reports/unrwa-situation-report-230-humanitarian-crisis-gaza-strip-and-occupied-west-bank> (date of access: 28.03.2026).
5. Global perspective. Human stories // UN News: [website]. – URL: <https://news.un.org/en/> (date of access: 28.03.2026).
6. About the Learning Passport. A Platform and an Education Model // Learning passport. – URL: <https://www.learningpassport.org/about-learning-passport> (date of access: 29.03.2026).
7. Совбез ООН: защита детей в условиях конфликтов требует срочных мер в сфере образования и технологий // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2026/03/1467463> (дата обращения: 29.03.2026).

Kovalevskaya A. S., Minsk, Belarusian State University, Law Faculty student.

Academic advisor: Laputko K. V., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of Public Administration, Master of Laws.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПЕРСОНАЛА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF MEDICAL INSTITUTIONS AND PERSONNEL DURING ARMED CONFLICTS

Корольчук И. С.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,

курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,

профессор кафедры конституционного и международного права,

кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В настоящем исследовании анализируются международно-правовые механизмы защиты медицинских учреждений персонала и медицинских транспортных средств в период вооруженных конфликтов. Рассматриваются условия утраты защиты и правовые последствия нарушения принципа их неприкосновенности.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, медицинские учреждения, вооруженный конфликт, военные преступления, кибератаки, принцип пропорциональности.

Annotation. This study analyzes international legal mechanisms for the protection of medical facilities, personnel, and medical transport during armed conflicts. It examines the conditions for loss of protection and the legal consequences of violating the principle of their inviolability.

Keywords: international humanitarian law, medical facilities, armed conflict, war crimes, cyberattacks, principle of proportionality.

Современное международное право вооруженных конфликтов («*jus in bello*») представляет собой сложно структурированную систему сдержек и противовесов, исторически призванную найти хрупкий компромисс между суровой военной необходимостью и императивными требованиями гуманности. Одним из безусловных и фундаментальных достижений человеческой цивилизации является нормативное закрепление принципа: лица, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, а также сложившие оружие или утратившие боеспособность («*hors de*

combat») вследствие ранения или болезни, обладают неотъемлемым правом на безоговорочную защиту и уважение. Однако практическая реализация этого основополагающего права де-факто невозможна без обеспечения абсолютной неприкосновенности тех структур и лиц, которые призваны оказывать помощь пострадавшим медицинским учреждениям, транспортных средств и специализированного персонала.

В реалиях вооруженных конфликтов XXI века, которые характеризуются беспрецедентной трансформацией: переходом к ведению боевых действий в плотно населенных урбанизированных зонах, размыванием линии фронта, широким вовлечением негосударственных вооруженных формирований, а также применением дистанционного и высокоточного оружия, риски для медицинской инфраструктуры многократно возросли. Участвовавшие случаи разрушения госпиталей, обстрелов гуманитарных конвоев и использования больниц в качестве прикрытия для военных операций требуют глубокого теоретического переосмысления существующих правовых механизмов обеспечения безопасности.

Генезис нормативного закрепления защиты медицинских учреждений неразрывно связан с формированием самой отрасли международного гуманитарного права (далее – МГП). Исторической отправной точкой послужило подписание в 1864 году первой Женевской конвенции об улучшении участи раненых на поле боя, инициированной Анри Дюнаном. Этот документ впервые в истории закрепил статус нейтралитета за лазаретами, военными госпиталями и их персоналом. В дальнейшем нормы кристаллизовались в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., которые адаптировали правила защиты для условий морской войны (статус госпитальных судов). На сегодняшний день монументальная архитектура правовой защиты базируется на фундаменте четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. В частности, положения ст. 19 Первой Женевской конвенции устанавливают непреложное правило: постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования медицинской службы ни при каких обстоятельствах не могут быть подвергнуты нападению со стороны воюющих сторон. В свою очередь, ст. 18 Четвертой Женевской конвенции транслирует аналогичный защитный режим на гражданские больницы, организованные для оказания помощи раненым, больным, инвалидам и роженницам [1, с. 142].

Качественный скачок в развитии данной подотрасли произошел с принятием Дополнительных протоколов I и II в 1977 году. Протокол I нивелировал ранее существовавшее жесткое разграничение между военной и гражданской медициной, распространив правовой иммунитет на все без исключения медицинские формирования, если они должным образом признаны компетентными органами власти (ст. 12). Более того, согласно масштабному исследованию Международного Комитета Красного Креста (МККК), проведенному под руководством авторитетных юристов Ж.-М. Хенкертса и Л. Досвальд-Бек, нормы, касающиеся уважения и защиты

медицинских объектов (Правила 25, 28 и 29), окончательно приобрели статус норм обычного международного права («*opinio juris*») [2, с. 94].

Обычно-правовой характер данных норм имеет критическое значение, поскольку делает их универсально обязательными не только для государств, ратифицировавших конвенции, но и для негосударственных вооруженных групп (повстанцев, сепаратистских движений, незаконных вооруженных формирований), участвующих в немеждународных вооруженных конфликтах. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство современных войн носит именно немеждународный характер (внутренние конфликты, гражданские войны), распространение защиты госпиталей на этот вид столкновений в рамках Общей ст. 3 Женевских конвенций и Дополнительного протокола II является важнейшим правовым щитом для мирного населения.

Особое место в системе МГП занимает правовой режим медицинских транспортных средств, к которым конвенции относят санитарные автомобили, госпитальные суда, а также санитарные летательные аппараты. Их защита производна от их исключительно гуманитарной функции транспортировки раненых, больных, а также перемещения медицинского оборудования, медикаментов и крови для переливания. Важнейшим инструментом имплементации принципа защиты выступает визуальная идентификация посредством установленных отличительных эмблем (Красного Креста, Красного Полумесяца, а с 2005 года, согласно Дополнительному протоколу III и Красного Кристалла). Юридическая природа данных эмблем носит двойственный характер: с одной стороны, они выполняют защитную (первичную) функцию в условиях вооруженного конфликта, являясь зримым воплощением норм Женевских конвенций на поле боя, с другой индикативную (указывающую на принадлежность к Движению Красного Креста и Красного Полумесяца) в мирное время [3, с. 215].

Наибольшие теоретические дискуссии и практические трудности при правовой квалификации военных инцидентов вызывает вопрос о пределах действия медицинского иммунитета и условиях его легитимной утраты. Международное право не наделяет больницы абсолютной, всеобъемлющей неприкосновенностью, которая позволяла бы сторонам конфликта безнаказанно злоупотреблять их гуманитарным статусом в тактических целях. Согласно п. 1 ст. 13 Дополнительного протокола I специальное покровительство, предоставляемое гражданским медицинским учреждениям, прекращается в том случае, если они используются для совершения «действий, наносящих ущерб противнику», вне рамок их гуманитарных функций [4, с. 82].

Проблема заключается в том, что конвенции не содержат исчерпывающего, закрытого перечня подобных действий. Однако доктрина МГП, опираясь на официальные Комментарии МККК и международную правоприменительную практику, выработала четкие критерии. К действиям, наносящим ущерб противнику и ведущим к потере правового иммунитета,

безоговорочно относятся: размещение на крыше или территории функционирующего госпиталя огневых позиций снайперов или артиллерийских расчетов; использование больничных подвалов в качестве склада боеприпасов для действующих частей; интеграция объекта в систему военной связи противника (превращение его в скрытый командный пункт); а также использование машин скорой помощи с включенными проблесковыми маячками для скрытной переброски здоровых комбатантов или вооружения к линии фронта. В подобных ситуациях объект де-юре и де-факто трансформируется в законную военную цель, поскольку начинает вносить эффективный вклад в военные действия.

Вместе с тем, разработчики Женевских конвенций предусмотрели ряд важнейших исключений, призванных защитить медицинский персонал от необоснованных репрессалий и субъективных трактовок со стороны атакующих войск. Так, ст. 22 Первой Женевской конвенции устанавливает строгий перечень условий, которые не лишают медицинское формирование защиты. В частности, вооружение персонала госпиталя легким индивидуальным стрелковым оружием (пистолетами, автоматами) исключительно в целях поддержания внутреннего порядка или самообороны от мародеров не считается актом, наносящим ущерб противнику. Аналогичным образом, присутствие на территории больницы раненых комбатантов (которые по факту ранения уже перешли в категорию охраняемых лиц), а также наличие стрелкового оружия и амуниции, снятых с поступивших пациентов и еще не переданных военному командованию, не может служить легитимным правовым основанием для нанесения удара по медицинскому объекту [5, с. 114].

Ключевым процессуальным требованием МГП в ситуациях, когда госпиталь незаконно используется в военных целях и тем самым теряет защиту, является строгий запрет на внезапное нападение. Потеря защитного статуса не означает автоматического права на открытие огня. Статья 13 Дополнительного протокола I гласит, что атакующая сторона обязана вынести предварительное предупреждение с установлением во всех соответствующих случаях разумного срока для прекращения неправомерных действий. Нападение допускается исключительно после того, как такое предупреждение было проигнорировано. Цель данной нормы дать возможность воюющей стороне вывести комбатантов из здания больницы, либо, в случае отказа, позволить медицинскому персоналу безопасно эвакуировать тяжелораненых пациентов и новорожденных.

Более того, даже при нанесении правомерного удара по объекту, окончательно утратившему иммунитет, военное командование жестко связано рамками принципа пропорциональности (ст. 51 Дополнительного протокола I) и принципа предосторожности при нападении (ст. 57). Ожидаемый сопутствующий ущерб гибель гражданских врачей, пациентов, уничтожение дефицитного медицинского оборудования не должен быть чрезмерным по отношению к ожидаемому конкретному и прямому военному преимуществу.

На практике это означает, что уничтожение всей многоэтажной функционирующей больницы с сотнями пациентов ради нейтрализации одного снайпера на крыше будет однозначно квалифицировано как несоразмерное применение силы и, следовательно, военное преступление [6, с. 192].

Проблема незаконного использования медицинских учреждений тесно связана с запретом на использование «живых щитов». Статья 51 (7) Дополнительного протокола I категорически запрещает использовать присутствие гражданского населения (в том числе пациентов клиник) для защиты определенных пунктов от военных нападений. Размещение военных баз в непосредственной близости от крупных госпиталей в условиях плотной городской застройки является грубейшим нарушением МГП. Однако, как отмечает Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МУТБЮ) в своей прецедентной практике, нарушение одной стороной запрета на использование «живых щитов» не освобождает атакующую сторону от обязанности соблюдать принцип пропорциональности.

Помимо традиционных кинетических угроз (артиллерийских обстрелов, ракетных и авиаударов), современный этап технологического развития породил совершенно новый, невидимый вектор опасности кибератаки на инфраструктуру здравоохранения. Тотальная цифровизация медицины сделала госпитали крайне уязвимыми. Использование вредоносного программного обеспечения, в частности вирусов-вымогателей (Ransomware) или программ-вайперов (Wiper), для блокировки электронных систем больниц, отключения аппаратов искусственной вентиляции легких, обесточивания операционных или уничтожения электронных медицинских карт пациентов во время вооруженного конфликта, способно повлечь за собой массовую гибель людей. Международная группа независимых экспертов, составившая авторитетное «Таллиннское руководство 2. по международному праву, применимому к кибероперациям», пришла к однозначному доктринальному выводу: кибероперации, нарушающие функционирование медицинских объектов и способные привести к человеческим жертвам, приравниваются к кинетическому нападению. Следовательно, они безоговорочно подпадают под запрет МГП (Правила 131–133 Таллиннского руководства) [7, с. 312]. В связи с этой новой угрозой МККК в последние годы активно продвигает концепцию «цифровой эмблемы» Красного Креста криптографического маркера, который будет внедряться в IP-адреса и доменные имена медицинских учреждений для их защиты в киберпространстве.

Правовые последствия нарушений принципа медицинской неприкосновенности лежат в плоскости строгой международной уголовной ответственности. Умышленное нанесение ударов по госпиталям, местам скопления больных и санитарному транспорту, должным образом обозначенным отличительными эмблемами, относится к категории серьезных нарушений Женевских конвенций. В системе международного уголовного правосудия эти деяния классифицируются как тяжкие военные преступления.

Статья 8 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) прямо и недвусмысленно криминализирует подобные атаки как в рамках международных конфликтов (п. 2 (b) (xxiv)), так и в конфликтах немеждународного характера (п. 2 (e) (ii)) [8].

Отдельному моральному осуждению и жесткой правовой квалификации подлежит вероломство использование защитных эмблем медицинской службы с умыслом обмануть противника. Маскировка военных грузовиков с боеприпасами под машины скорой помощи не просто приводит к тактическим потерям обманутой стороны, но разрушает саму квинтэссенцию доверия к гуманитарным миссиям. Как отмечает Э. Давид, подобные действия приводят к стигматизации медицинского транспорта: воюющие стороны начинают воспринимать любые санитарные колонны как потенциальную угрозу и превентивно их уничтожать, что в конечном итоге бьет по ни в чем не повинным раненым [9, с. 250].

На институциональном уровне мировое сообщество осознает критичность сложившейся проблемы. Знаковым политико-правовым событием стало принятие в 2016 году Резолюции Совета Безопасности ООН 2286, которая решительно осудила акты насилия в отношении медицинских работников и объектов здравоохранения, потребовав от воюющих сторон обеспечения беспрепятственного доступа медицинского персонала к пострадавшим. В свою очередь, МККК реализует глобальную многолетнюю инициативу «Здравоохранение под угрозой» (Health Care in Danger), а Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) запустила специальную Систему наблюдения за нападениями на учреждения здравоохранения (Surveillance System for Attacks on Health Care SSA), которая служит объективным механизмом фиксации правонарушений для будущих международных трибуналов [10, с. 112].

Обобщая результаты проведенного исследования, можно с уверенностью заключить, что современное международное гуманитарное право располагает исчерпывающим, детально проработанным и многоуровневым нормативным инструментарием для защиты медицинской инфраструктуры. Фундаментальной проблемой современного мироустройства является не правовой вакуум, а растущий правовой нигилизм сторон вооруженных конфликтов, размывание базового принципа различения в условиях асимметричных городских боев и, что наиболее критично, недостаточная эффективность механизмов принуждения к соблюдению действующих норм.

Для преодоления сложившегося кризиса и предотвращения дальнейшей деградации гуманитарных стандартов требуется реализация комплекса неотложных мер на трех уровнях. Во-первых, на национальном уровне государства обязаны обеспечить полную имплементацию норм Римского статута в национальные уголовные кодексы, исключив любые сроки давности за атаки на госпитали. Во-вторых, в военно-тактической плоскости необходимо повсеместное внедрение в уставы вооруженных сил жестких протоколов применения силы (Rules of Engagement), категорически запрещающих дислокацию военных баз

вблизи больниц, что устранил саму почву для создания «живых щитов». В-третьих, на международном уровне назрела острая необходимость реформирования мандата Международной гуманитарной комиссии по установлению фактов (согласно ст. 9 Дополнительного протокола I) с целью наделения ее правом инициировать независимые оперативные расследования инцидентов без необходимости получения предварительного согласия государств, подозреваемых в совершении нападений на больницы. Только обеспечение абсолютной неотвратимости наказания и всеобщая нетерпимость мирового сообщества к посягательствам на медицинский нейтралитет способны удержать современные вооруженные конфликты в рамках минимальных стандартов человечности.

Список цитированных источников

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. – 4-е изд. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2011. – 344 с.
2. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право. Нормы, практика : в 2 т. / Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек ; пер. с англ. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2006. – Т. 1 : Нормы. – 818 с.
3. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право : учебник для вузов / В. Ю. Калугин. – Мн. : ТетраСистемс, 2012. – 32 с.
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Действующее международное право : в 3 т. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. – Т. 2. – С. 60–127.
5. Котляров, И. И. Международное гуманитарное право : учебник для студентов вузов / И. И. Котляров. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 303 с.
6. Мелентьев, А. А. Защита гражданских объектов в вооруженных конфликтах современности: пределы военной необходимости и принцип пропорциональности / А. А. Мелентьев // Московский журнал международного права. – 2023. – № 1. – С. 185–205.
7. Schmitt, M. N. Tallinn Manual 2 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 628 p.
8. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 02.04.2026).
9. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций / Э. Давид ; пер. с фр. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.
10. Очеретько, Е. А. Защита медицинского персонала в период вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты и институциональные инициативы / Е. А. Очеретько // Журнал международного права и международных отношений. – 2018. – № 1. – С. 110–118.

Korolchuk I. S., Minsk, Educational institution "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", cadet of the Penal Enforcement Faculty.

Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Educational Institution "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", Professor of the Department of Constitutional and International Law of the educational institution "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", Candidate of Law, Associate Professor.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА
ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**LEGAL STATUS AND ACTIVITIES
OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS
IN PROTECTING CIVILIANS AND CIVILIAN OBJECTS
DURING ARMED CONFLICTS**

Корсак В. А.

Республика Беларусь,

г. Минск,

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»,

курсант факультета подготовки офицерских кадров

Научный руководитель

Коваль И. И.

Республика Беларусь,

г. Минск,

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»,

старший преподаватель кафедры правового обеспечения

Аннотация. В статье анализируется правовой статус и деятельность МККК по защите гражданского населения и объектов в период вооруженных конфликтов. Рассматриваются нормативно-правовая база (Женевские конвенции, Устав МККК), основные принципы и приоритетные направления работы организации. Делается вывод о ключевой роли МККК в соблюдении норм международного гуманитарного права.

Ключевые слова: МККК, международное гуманитарное право, гражданское население, гражданские объекты, вооруженный конфликт, Женевские конвенции, гуманитарная защита.

Annotation. The article analyzes the legal status and activities of the ICRC in protecting civilians and civilian objects during armed conflicts. It examines the regulatory framework (Geneva Conventions, ICRC Statute), basic principles, and priority areas of the organization's work. The conclusion emphasizes the key role of the ICRC in ensuring compliance with international humanitarian law.

Keywords: ICRC, international humanitarian law, civilian population, civilian objects, armed conflict, Geneva Conventions, humanitarian protection.

Вооруженный конфликт как форма политического и вооруженного противостояния сторон неизбежно влечет за собой страдания среди лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях. Как отмечается в доктрине международного гуманитарного права (далее – МГП), гражданское население и гражданские объекты исторически становятся не только случайными жертвами, но и зачастую целенаправленными целями. Это про-

тиворечит основополагающему принципу различия, закрепленному в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям. В связи с этим возрастает роль специализированных международных организаций, наделенных правом гуманитарного вмешательства. Среди них центральное место занимает Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК), чья деятельность официально признана и регламентирована источниками МГП.

Согласно правовой позиции, зафиксированной в ведомственных нормативных актах, «гражданское население, состоящее из гражданских лиц». При этом наличие среди этой категории отдельных индивидов, которые не подпадают под определение гражданских лиц (например, комбатантов, скрывающихся среди мирных жителей), не лишает все население в целом его гражданского статуса и, следовательно, права на защиту, предусмотренную МГП [1]. Гражданским лицом признается любое лицо, не являющееся комбатантом в ходе международного вооруженного конфликта. Гражданские объекты, в свою очередь, определяются по остаточному принципу это все объекты, которые не являются военными целями. Данные дефиниции важны для правовой квалификации действий сторон конфликта и определения юрисдикции гуманитарных организаций.

МККК представляет собой уникальный субъект международных отношений. Он не является межправительственной организацией в классическом смысле, однако его полномочия признаны всеми государствами участниками Женевских конвенций. Как указано в Уставе МККК, организация является беспристрастной, нейтральной и независимой, а ее цели носят исключительно гуманитарный характер: защита жизни и достоинства лиц, пострадавших от вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия [2]. Основанный в 1863 году, МККК стоял у истоков Женевских конвенций и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

Важной особенностью правосубъектности МККК является его официальное признание в Женевских конвенциях, Дополнительных протоколах к ним, а также в Уставе Движения и резолюциях Международных конференций Красного Креста и Красного Полумесяца. Штаб-квартира расположена в Женеве (Швейцария). Эмблема организации – красный крест на белом фоне подлежит защите в соответствии с Конвенциями и может использоваться при любых обстоятельствах. Девиз МККК «*Inter arma caritas*» («Милосердие на поле брани»), что отражает суть его миссии [2]. Организационная структура предусматривает членство от 15 до 25 граждан Швейцарии, кооптируемых в состав Комитета.

Деятельность МККК базируется на семи основополагающих принципах Движения: гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность. Эти принципы не только декларируются, но и служат критериями оценки законности действий организации в конкретных условиях конфликта. Мандат МККК многогранен и включает следующие ключевые функции:

- поддержка и распространение основополагающих принципов;

- признание национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, соответствующих условиям Устава;

содействие точному соблюдению норм МГП и рассмотрение жалоб на предполагаемые нарушения (ст. 3 и 1 Женевской конвенции) [3];

обеспечение защиты и помощи жертвам вооруженных конфликтов как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения;

функционирование Центрального агентства по розыску, предусмотренного Женевскими конвенциями;

участие в обучении медицинского персонала и подготовке медицинского оборудования;

разъяснение и развитие норм МГП [2].

Важно подчеркнуть, что МККК вправе выступать с любой гуманитарной инициативой, соответствующей его роли нейтрального посредника, даже если такая инициатива прямо не прописана в договорах. Это позволяет организации гибко реагировать на новые вызовы, включая сексуальное насилие в конфликтах, урбанизацию боевых действий и киберугрозы гражданской инфраструктуре.

Основными источниками правового регулирования действий МККК являются Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны» (IV Женевская конвенция) и IV Гагская конвенция 1899/1907 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны». Анализ статей Конвенции позволяет выделить две фундаментальные нормы, непосредственно легитимирующие деятельность МККК:

Статья 3 является общей для всех Женевских конвенций: устанавливает, что беспристрастная гуманитарная организация, в частности МККК, может предлагать свои услуги сторонам, находящимся в конфликте, в ситуациях вооруженного конфликта немеждународного характера [3]. Это положение стало прорывным, поскольку распространило гуманитарный контроль на внутренние конфликты.

Анализ текущей деятельности МККК, опубликованной на официальном сайте, позволяет выделить несколько приоритетных направлений, каждое из которых имеет правовое обоснование и практическую реализацию.

1. Противодействие насилию, связанному с конфликтом. Насилие, как установлено МККК, является не изолированным преступлением, а частью модели насильственного поведения, нередко используемой как тактическое средство подавления противника. Запрет такого деяния вытекает из общего запрета пыток, жестокого обращения и посягательств на человеческое достоинство (ст. 27 IV Женевской конвенции, ст. 76 Дополнительного протокола I). Жертвами могут становиться женщины, девочки, а также мужчины и мальчики, однако о таких нарушениях по-прежнему мало сообщается. Деятельность МККК в этой сфере носит комплексный характер: медицинская помощь, психологическая и социально-психологическая поддержка, юридическая помощь и экономическая защита. Кроме того, МККК обучает медработников и добровольцев выявлять признаки насилия, проводит информационные встречи с местными сообществами и ведет конфиденциальный диалог с воюющими сторонами для предотвращения подобных деяний [4].

2. Обеспечение доступа к воде, санитарии и жилью. Безопасный доступ к чистой воде, нормальные санитарные условия и наличие крыши над головой являются не просто социальными благами, а элементами права на жизнь и здоровье, защищенного МГП. МККК реализует инженерные проекты по обе стороны линии фронта: восстанавливает системы водоснабжения, канализации и энергоснабжения, ремонтирует поврежденную инфраструктуру. В экстренных случаях организация доставляет питьевую воду в населенные пункты. В местах стихийной застройки или лагерях для перемещенных лиц МККК строит общественные объекты и пункты распределения воды. Параллельно с практической помощью ведется «гуманитарное убеждение»: МККК напоминает сторонам конфликта об обязательстве не наносить удары по жизненно важным объектам гражданской инфраструктуры [4].

3. Восстановление и поддержание семейных связей. Одной из наиболее болезненных проблем вооруженных конфликтов является разлучение родственников и безвестное исчезновение людей. Для решения этой задачи с 187 г. функционирует Центральное агентство по розыску (далее – ЦАР), статус которого закреплен в Женевских конвенциях. ЦАР функционирует как постоянно действующая структура в составе МККК, оказывая сторонам помощь в сборе и передаче информации о разлученных семьях и пропавших без вести. Сеть восстановления семейных связей объединяет 192 национальных общества и делегации МККК, что делает ее поистине глобальной. Работа включает три этапа: предотвращение разлучений (в чрезвычайных ситуациях), розыск людей и помощь семьям в преодолении психологических, социальных и юридических последствий отсутствия близкого человека [4].

4. Медицинская помощь и здравоохранение в зоне конфликта. МККК, исходя из принципа, что больным и раненым должна оказываться помощь независимо от их принадлежности к той или иной стороне, реализует программы в области первой помощи, военно-полевой хирургии, физической реабилитации. Особое внимание уделяется первичной медико-санитарной помощи: вакцинации детей, родовому наблюдению беременных. Важным направлением является медицинская помощь в местах содержания под стражей. МККК способствует созданию условий, при которых лица, лишенные свободы, получают такой же доступ к медицинским услугам, как и гражданское население [4].

5. Защита лиц, лишенных свободы. МККК имеет уникальную возможность посещать места содержания под стражей, куда у других организаций нет доступа. Ключевая задача – предотвращение пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Многопрофильные группы (врачи, специалисты по санитарии, питанию, юристы) ведут диалог как с государственными, так и с негосударственными структурами, осуществляющими задержание. МККК добивается обеспечения адекватных и гуманных условий содержания, а также помогает заключенным восстановить связь с родственниками [4].

6. Общая защита гражданских объектов и инфраструктуры. Представители организации напрямую обсуждают со сторонами конфликта нарушения, касающиеся защиты больниц, школ, объектов водоснабжения и водоотведения. Организация призывает принимать новые договоры и разрабатывать стандарты для усиления защиты гражданских объектов. Отдельно следует отметить работу с беженцами: хотя основная функция принадлежит УВКБ ООН, МККК оказывает вспомогательную помощь, особенно когда беженцы попадают под защиту гуманитарного права (например, при нахождении на территории, контролируемой воюющей стороной). Также МККК учитывает особые потребности женщин и девочек в медицинской помощи и защите, а также потребности детей (включая разлученных со своими семьями) [4].

7. Деятельность МККК в постконфликтный период. Даже после формального прекращения огня последствия вооруженного конфликта продолжают угрожать жизни и здоровью гражданского населения. МККК реализует программы постконфликтного восстановления, которые включают: помощь в доступе к медицинским услугам и основным коммунальным услугам; меры по экономической безопасности (помощь людям в преодолении финансовых трудностей, потеря средств к существованию); продолжение розыска пропавших без вести и содействие воссоединению разлученных семей [4].

Несмотря на разветвленную правовую базу и активную деятельность МККК, на практике существует ряд проблем. Во-первых, это недоступность некоторых зон конфликта из-за отказа воюющих сторон допустить гуманитарных работников. Во-вторых, преднамеренные атаки на гражданские объекты (больницы, школы) и гуманитарный персонал, которые, хотя и запрещены МГП, продолжают иметь место. В-третьих, размывание различия между комбатантами и гражданскими лицами. МККК для решения этих проблем использует конфиденциальный диалог, гуманитарную дипломатию и распространение знаний о МГП среди вооруженных сил и негосударственных вооруженных групп. Однако эффективность этих мер напрямую зависит от политической воли сторон конфликта.

Таким образом, деятельность МККК имеет прочную правовую основу, закрепленную в Женевских конвенциях 1949 г., Дополнительных протоколах, Уставе Движения и обычных нормах МГП. Ключевые статьи (общая ст. 3 и ст. 1 IV Женевской конвенции) предоставляют МККК право выступать с гуманитарными инициативами как в международных, так и в немеждународных конфликтах [3]. Мандат МККК выходит за рамки простого оказания помощи: организация осуществляет функции мониторинга соблюдения права, содействия розыску пропавших без вести, восстановления семейных связей, а также в постконфликтный период разминирования и экономической реинтеграции. Несмотря на то, что на практике правило

неучастия гражданских лиц и объектов в театре военных действий систематически нарушается, деятельность МККК остается незаменимым механизмом снижения страданий. Организация не только реагирует на последствия, но и через распространение знаний о МГП и диалог с оружием сторонами стремится к превентивному эффекту.

Обладая полуторавековым опытом и уникальным мандатом, МККК выступает не просто как поставщик гуманитарной помощи, но как полноценный субъект международного гуманитарного права, обеспечивающий защиту гражданского населения и гражданских объектов на всех этапах вооруженного конфликта.

Список цитированных источников

1. О применении норм международного гуманитарного права : приказ Председателя Гос. погран. ком. Респ. Беларусь от 1 окт. 2025 г. № 559.
2. Устав Международного Комитета Красного Креста : принят 21 дек. 2017 г. : вступил в силу 1 янв. 2018 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/icrc-statutes-01-2018-rus.pdf (дата обращения: 07.05.2026).
3. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята 12 авг. 1949 г. в г. Женеве // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 07.05.2026).
4. Международный Комитет Красного Креста [сайт]. – URL: <https://icrc.org> (дата обращения: 07.05.2026).

Korsak V. A., Minsk, State Educational Institution "Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus", cadet of the Faculty (Officer Training).

Academic advisor: Koval I. I., Minsk, State Educational Institution "Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus", Senior Lecturer of the Department (of Legal Support).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF WOMEN IN THE INTERNET SPACE

Крицын Е. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
курсант факультета внутренних войск

Научный руководитель

Лемешевский О. О.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин,
магистр военных наук

Аннотация. Статья посвящена проблеме международно-правовой защиты женщин в интернет-пространстве в условиях современных информационных войн и вооруженных конфликтов. Автор анализирует проблематику использования дипфейков с использованием искусственного интеллекта для подрыва репутации женщин.

Ключевые слова: гибридная война, шантаж, деморализация, искусственный интеллект, компрометирующие материалы, кибероружие.

Annotation. The article is devoted to the problem of international legal protection of women in the Internet space in the context of modern information wars and armed conflicts. The author analyzes the problem of using deepfakes with the use of artificial intelligence to undermine the reputation of women.

Keywords: hybrid warfare, blackmail, demoralization, artificial intelligence, compromising materials, and cyber weapons.

Современные вооруженные конфликты все чаще приобретают гибридный характер, в котором интернет становится полем боя наряду с боевыми действиями. В связи с этим современная наука приобрела новый термин «технологически опосредованное гендерное насилие», представляющий собой способность наносить удары по репутации женщин, их психологическому здоровью, карьере. Международное гуманитарное право, разработанное прежде всего для регламентации традиционных вооруженных конфликтов, в современный период остается недостаточно совершенным в области установления правил на кибербезопасность среди конфликтующих сторон.

«Борьба с киберпреступлениями входит в число ключевых и весьма непростых задач для правоохранителей стран СНГ. И она актуальна для всех стран. Активизировались центры мошенников, в том числе и колл-центры. Также возросло число попыток дестабилизации работы госорганов путем заведомо ложных сообщений о минировании важнейших государственных объектов» отметил Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко [1].

Информационная война в условиях вооруженного конфликта принимает многообразные формы, одна из которых нацелена на подрыв безопасности, достоинства и социального статуса женщин. Следует обратить внимание на «киберсексторшн» это использование личных или интимных материалов для шантажа и вербовки, и «доксинг» публикация личных данных для буллинга и распространение дезинформации, с целью запугивания женщин-журналисток и военных женщин [2].

Особую угрозу в информационной войне представляет создание своеобразных «дипфейков», а именно фотореалистичных порнографических изображений, генерируемых искусственным интеллектом без согласия человека. До 95 % всех дипфейков в сети являются порнографическими, и 99 % их жертв женщины. В условиях вооруженного конфликта данный инструмент используются для травли, деморализации, вербовки.

В частности, согласно Google Trends, поисковые запросы, содержащие слово «deerfake», начали появляться в феврале 2018 года, а затем распространились. Общество насторожено широким распространением технологий, позволяющих создавать ложную информацию и контент с участием реальных лиц, но не имеющих ничего общего с реальностью. Термин «дипфейк» образован от двух английских слов: «deep learning» (подразумевающее использование нейронной сети) и «fake» (подделка) [3].

Анализ вооруженных конфликтов подтверждают масштаб рассматриваемого вопроса. Во время конфликта в Йемене, начавшегося в 2014 году киберсексторшну подверглись многие женщины и девочки [4]. В Северо-Западной части Сирии, как отмечается в докладе Фонда ООН в области народонаселения United Nations Population Fund, интернет насилие в отношении женщин приобрело масштабы, сравнимые с физическим насилием, и усугубляется низкой цифровой грамотностью и отсутствием правовых механизмов регулирования [5, с. 7].

Женщины сообщали, что их телефоны взламываются, личные фото распространяются среди родственников и соседей, что ведет к социальной изоляции и даже «убийствам чести» в условиях строгости мусульманских религиозных правил. В условиях гражданской войны в Мьянме Facebook превратился в инструмент тиражирования информации, дискредитирующей местных женщин, которые неоднократно перерастали в реальное насилие [2].

Рассматриваемая проблема заключается в том, что действующее международное право не успевает за технологическим развитием и инструментами ведения гибридных войн.

Следует отметить, что Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК), настаивает на том, что кибероперации во время вооруженных конфликтов регулируются международным гуманитарным правом (далее – МГП), в той же мере, что и любое другое оружие, средства и методы ведения войны [6].

Следует отметить также ряд примеров, связанных с европейскими политиками. Министр иностранных дел Германии Анналена Бербок неоднократно становилась целью скоординированных атак с использованием материалов сексуального характера. Первый эпизод был зафиксирован в 2021 году, когда в сети распространились обнаженные фотографии. Наиболее масштабный эпизод имел место в 2024 году. В сети появилось видео, в котором мужчина по имени «Кингсли», представляющийся нигерийским эскортом, утверждал, что Бербок пользовалась его услугами во время визитов в Африку, получая за ночь близости по 350 евро. Показательным примером является информационная атака, в рамках которой будущий премьер-министр Латвии обвинялась в прошлом в съемках в порнофильмах под псевдонимом «Эвита» [7].

Следующий случай произошел с премьер-министром Италии Джорджей Мелони. Ее дипфейк была создана и распространена на американском сайте для взрослых. Мелони подала иск, требуя компенсацию в размере 10 00 евро, и заявила, что переведет эти деньги в фонд помощи жертвам насилия, подчеркнув серьезность подобных атак. Итальянское расследование установило: двое подозреваемых создали поддельные видео, наложив лицо политика на тело порноактрисы, и загрузили их на американские порносайты [8].

Технологии создания сверхреалистичных дипфейков и фейковых онлайн-пользователей активно разрабатываются пентагоном для проведения дезинформационных операций, и существует высокий риск использования этих инструментов США для целенаправленной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Европе.

США имеют богатую историю использования компрометирующих материалов. Рассекреченные файлы показывают, что ЦРУ десятилетиями создавало фальшивые порнозаписи мировых лидеров в рамках своих операций. Например, перед вторжением в Ирак в 2003 году рассматривалась операция по дискредитации Саддама Хусейна с помощью поддельного видео сексуального характера. Это показывает, что создание компрометирующих материалов является давним инструментом американской политики [9].

На данном этапе отсутствует общепринятое понимание того, что именно следует считать «кибератакой» и каков порог последствий, необходимый для применения норм МГП. Более того, значительная часть кибернасилия в отношении женщин может не достигать уровня «нападения» в понимании МГП, оставаясь в «серой зоне» правового регулирования. Дополнительную сложность создает позиция ряда государств, которые считают, что многие важные положения МГП не применимы к кибероперациям и требуют дополнительного толкования [10].

Отсутствие компромисса по данному вопросу препятствует формированию универсальных правовых стандартов защиты женщин в цифровом пространстве в условиях конфликта. В рамках работы групп экспертов Организации Объединенных Наций по вопросам международной безопасности не были согласованы даже базовые термины, такие как «кибернападение» и «кибероружие».

В декабре 2025 года Международным уголовным судом разработана «политика в отношении киберпреступлений» [11, с. 10]. В документе указано, что военные преступления могут совершаться полностью или частично с помощью киберсредств [11, с. 16]. Международный уголовный суд заявляет о намерении расследовать случаи насилия в отношении женщин, опосредованного технологиями. Однако документ лишь начинает процесс осмысления того, как могут быть доказаны такие преступления в цифровой среде [12].

По данным ООН, лишь менее 4 процентов стран мира приняли законы, которые прямо регулируют преследования в интернете и киберпреступления [2, с. 15]. Республика Беларусь является передовым правовым государством, часто обгоняя другие государства в разработке актуальных нормативных правовых актов, тут следует отметить Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Ключевыми документами, регулирующими рассматриваемый вопрос стали Указ Президента Республики Беларусь № 269, направленный на противодействие несанкционированным финансовым операциям, и Указ Президента Республики Беларусь № 367, регулирующий оборот криптовалют. Дополнительно в июле 2025 года были внесены изменения в Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», возложившие на родителей обязанность защищать несовершеннолетних от вредоносной интернет-информации. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 476 упростило процедуру оперативной блокировки фишинговых сайтов, а Указ Президента Республики Беларусь № 326 предоставил Министерству внутренних дел полномочия на подписание Конвенции ООН против киберпреступности. В целях повышения социальной роли женщины в обществе, сохранения семейных ценностей и стимулирования демографических процессов Указом Президента Республики Беларусь 2026 год официально объявлен Годом белорусской женщины. Данное решение инициирует комплексную государственную программу, направленную на консолидацию усилий всех ветвей власти и общественных организаций для решения задачи в комплексной защите женщин. В совокупности перечисленные акты формируют одну из наиболее проработанных в мире условий для противодействия кибербуллингу и иным правонарушениям в цифровой среде в отношении женщин.

Ключевым источником информирования о контенте такого рода стал Telegram-канал @belarus_antifake («Народный Антифейк»), выполняющий роль централизованного фактчека. Он мониторит информационное поле и практически в реальном времени публикует разоблачения слухов и дипфейков. В частности, в конце октября 2025 г. в одном из постов канала были

упомянуты сгенерированные нейросетью Sora фейковые видеосюжеты о крушениях дронов и самолетов в Брестской области, стилизованные под новостные репортажи крупнейших национальных аудиовизуальных медиа и размещенные в TikTok. Также канал не просто опровергает, но и объясняет характерные признаки: указывает, откуда взяты кадры, какие фразы нехарактерны для спикера, где заметны артефакты редактирования [13].

Резолюция Совета Безопасности ООН № 1325 «Женщины, мир и безопасность» признает, что женщины более сильно страдают от вооруженных конфликтов и должны быть активными участницами процессов миростроительства. Однако ни одна из этих резолюций прямо не упоминает технологически опосредованное насилие как препятствие для участия женщин в мирных процессах [2, с. 24].

По данным исследований 73 % женщин, участвовавших в онлайн-кампаниях за мир и права человека в зонах конфликтов, сталкивались с серьезными угрозами в сети, и каждая третья из них в итоге сократила свою публичную активность [14]. Это прямо подрывает цели резолюции № 1325, которая призывает к полному и равноправному участию женщин на всех этапах урегулирования конфликтов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что технологически опосредованное гендерное насилие, включая создание и распространение дипфейков, киберсексторшн и доксинг, стало неотъемлемым элементом современных гибридных конфликтов. Эти инструменты используются не только для психологического подавления и деморализации женщин, но и для их социальной изоляции, подрыва репутации, карьерной дискредитации и даже физической расправы, что подтверждается примерами из Йемена, Сирии, Мьянмы и примерами информационных атак против европейских политиков. Важной проблемой является существенное отставание норм международного права от темпов технологического развития. Отсутствие общепринятых определений «кибератаки», «кибероружия» и четких критериев применения норм к кибероперациям создает правовую неурегулированность, в которой значительная часть цифрового насилия в отношении женщин остается безнаказанной.

Список цитированных источников

1. Лукашенко: странам СНГ нужно активнее обмениваться опытом в борьбе с киберпреступлениями // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-predlozhit-stranam-sng-vzaimodejstvovat-v-borbe-s-kiberprestuplenijami-653050-2024/> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Mishra, S. Platforms as New Frontlines: Gendered Digital Violence and the Gaps in UNSCR 1325 / S. Mishra, V. P. Singh // *India Quarterly: a Journal of International Affairs*. – 2025. – Vol. 81, No. 3. – P. 288–307.
3. Google search statistics [web-site]. – URL: <https://trends.google.com> (date of access: 10.04.2026).

4. Kovac-Strom, V. When Digital Violence is Weaponized in Conflict Settings: Cyber-Sextortion's Growing Threat in Yemen / V. Kovac-Strom, D. El-Mamoun // Center for Civilians in Conflict (CIVIC). – 2025. – URL: <https://civiliansinconflict.org/> (date of access: 03.04.2026).
5. UNFPA. Technology-facilitated gender-based violence (TFGBV) in Northwest Syria – UNFPA, 2025. – 21 p. – URL: <https://arabstates.unfpa.org/> (date of access: 12.04.2026).
6. МККК. Двадцать лет спустя: международное гуманитарное право и защита гражданских лиц от последствий киберопераций во время вооруженных конфликтов : МККК International Review of the Red Cross. – 2021. – № 913. – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Министра иностранных дел Германии уличили в связи с африканским жиголо // Союзное вече. Сайт газеты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. – URL: <https://www.souzveche.ru/articles/community/85697/> (дата обращения: 14.04.2026).
8. Премьер-министр Италии Мелони попала в скандал с дипфейками // Информационное агентство «Минская правда». – 2025 – 1 сент. – URL: <https://mlyn.by/01092025/premer-ministr-italii-meloni-popala-v-skandal-s-dipfejkami/> (дата обращения: 13.04.2026).
9. Старостенко, К. В. Дипфейк как инновационный инструмент политического манипулирования в начале XXI века / К. В. Старостенко, А. С. Коновалов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 195–201.
10. Козюлин, В. Б. Выступление на международной конференции «Киберстабильность: подходы, перспективы, вызовы» / В. Б. Козюлин // Международная жизнь. – 2023. – 7–8 дек. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43480> (дата обращения: 04.04.2026).
11. Policy on Cyber-Enabled Crimes under the Rome Statute // International Criminal Court. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-cyber-eng.pdf> (date of access: 04.04.2026).
12. Questions and Answers: The ICC Office of the Prosecutor's Policy on Cyber-Enabled Crimes under the Rome Statute // International Criminal Court/ – URL: <https://www.icc-cpi.int/about/otp/questions-and-answers-the-icc-office-of-the-prosecutors-policy-on-cyber-enabled-crimes-under-the-rome-statute> (date of access: 03.04.2026).
13. Градюшко, А. А. Дипфейки в аудиовизуальном пространстве Беларуси: методы противостояния информационным атакам / А. А. Градюшко // Аудиовизуальные медиа: от традиций к инновациям : материалы кругл. стола, посвящ. 100-летию бел. радио и 70-летию бел. телевидения, Минск, 11 дек. 2025 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Беляев (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2025. – С. 103–108.
14. Искусственный интеллект способствует распространению цифрового насилия в отношении женщин // UN News. – 2025. – 25 нояб. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466876> (дата обращения: 04.04.2026).

Kritsyn E. S., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, cadet.

Academic advisor: Lemeshevsky O. O., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, Master of Military Sciences.

**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ,
НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (СТ. 54 ДП I):
ЗАПРЕТ ГОЛОДА КАК МЕТОДА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ**

**LEGAL REGIME FOR FOOD STORAGE STOREHOUSES
AND FACILITIES ESSENTIAL FOR THE SURVIVAL
OF THE CIVILIAN POPULATION (ART. 54 DP I):
PROHIBITION OF STARVATION AS A METHOD OF WARFARE**

Кузнецова А. А., Нахалов Н. И.

Российская Федерация,
г. Москва,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
студенты юридического факультета

Научный руководитель

Ширева И. В.

Российская Федерация,
г. Москва,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
доцент кафедры международного и публичного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу правового режима объектов, необходимых для выживания гражданского населения, и нормативного запрета применения голода как метода ведения войны по ст. 54 Дополнительного протокола I 1977 г.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, голод как метод ведения войны, гражданское население, объекты, необходимые для выживания, Римский статут, военные преступления.

Annotation. This article examines the legal regime of objects indispensable to civilian survival and the prohibition of starvation as a method of warfare under Article 54 of Additional Protocol I.

Keywords: international humanitarian law, starvation as a method of warfare, civilian population, objects indispensable to survival, Rome Statute, war crimes.

Проблема умышленного уморения гражданского населения голодом как одной из тактик ведения вооруженного конфликта занимает устойчивое место среди нерешенных вызовов современного международного гуманитарного права (далее – МГП). По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО) и Всемирной

продовольственной программы ООН (далее – ВПП), в 2023 году более 333 млн человек страдали от острой продовольственной нестабильности, причем подавляющее их большинство проживало в зонах вооруженных конфликтов. Данная статистика ставит под сомнение не столько само наличие нормативного запрета, сколько реальную способность международно-правовых механизмов обеспечить его соблюдение [1; 2]. Конфликты в Йемене, Сирии, Южном Судане и секторе Газа наглядно подтвердили, что уничтожение продовольственной инфраструктуры, блокады гуманитарных коридоров и осады населенных пунктов продолжают применяться в качестве инструментов военной стратегии, несмотря на существующий нормативный запрет. Совет Безопасности ООН прямо осудил эту практику в резолюциях 2417 (2018) и 2573 (2021), однако их фактическая имплементация по-прежнему остается крайне недостаточной [3; 4].

Подобное положение дел имеет глубокие исторические корни. Кодекс Либера 1863 года прямо указывал на правомерность уморения голодом вооруженного или невооруженного неприятеля в целях ускорения его подчинения. Схожая логика прослеживалась в практике осадной войны на протяжении всего XIX века: длительная блокада рассматривалась как допустимый и даже эффективный способ принуждения противника к сдаче [2; 5]. Вместе с тем по мере утверждения принципов гуманизации вооруженных конфликтов международное сообщество последовательно отказывалось от данной позиции. Брюссельская конференция 1874 г. и Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. заложили первые процедурные ограничения в области осадной войны, хотя прямого запрета на применение голода они еще не содержали. В материалах 1919 года умышленное уморение голодом мирного населения уже квалифицировалось как нарушение законов и обычаев войны; Нюрнбергский трибунал закрепил принцип личной уголовной ответственности за систематические злоупотребления в отношении гражданских лиц. Принятие Женевских конвенций 1949 г., а затем и Дополнительных протоколов 1977 г. ознаменовало переход к прямому нормативному закреплению соответствующих запретов: нормативным итогом этой эволюции стало закрепление ст. 54 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям (далее – ДП I).

В доктрине МГП принято разграничивать средства ведения войны (конкретные виды вооружений и боеприпасов) и методы ведения войны (тактические способы причинения ущерба противнику). Это разграничение имеет принципиальное практическое значение: запрет конкретного метода действует независимо от того, каким оружием или способом он реализуется [2; 6]. Применительно к голоду это означает, что противоправность деяния не устраняется ссылкой на тип использованного вооружения будь то артиллерийский огонь по продовольственным складам, минирование сельскохозяйственных угодий или введение экономической блокады. Статья 35 ДП I закрепляет общее правило об ограниченности права сторон в выборе методов и средств ведения войны. Голод относится именно к методам: речь идет о целенаправленном лишении гражданского населения продовольствия, воды

и иных жизнеобеспечивающих ресурсов с целью вызвать массовую гибель людей, принудить их к перемещению или сломить сопротивление противника посредством воздействия на мирных жителей [2; 7].

Согласно Комментарию МККК к ст. 54 ДП I голод в контексте МГП понимается как умышленное лишение населения средств к существованию, создающее непосредственную угрозу жизни или здоровью. Принципиально важно, что данное определение охватывает не только прямое физическое уничтожение продовольствия, но и любые действия с эквивалентным результатом: установление блокад, принудительное перемещение населения от источников питания, противодействие гуманитарным поставкам. При этом оценка того, является ли конкретный объект «необходимым для выживания», не носит абстрактного характера: она должна производиться с учетом реальных природных, климатических и инфраструктурных условий конфликта. В засушливом регионе источник питьевой воды или ирригационный канал может обладать более высокой охранительной ценностью, нежели продовольственный склад; в условиях сурового климата источник топлива для обогрева жилищ способен приравняться по своей жизнеобеспечивающей функции к запасам пищи. Тем самым норма приобретает гибкость, необходимую для охвата принципиально различных гуманитарных контекстов [2; 7; 8].

Рассматриваемый запрет органично вписывается в систему основополагающих принципов МГП. Принцип проведения различия обязывает стороны конфликта постоянно разграничивать гражданское население и комбатантов то есть лиц, правомерно участвующих в боевых действиях. Голод как тактика по своей природе носит неизбирательный характер, поскольку лишение территории продовольствия затрагивает всех ее жителей вне зависимости от их правового статуса. Принцип пропорциональности запрещает атаки, ожидаемый ущерб от которых для мирного населения явно превысит конкретное военное преимущество. Принцип военной необходимости, на который нередко апеллируют для обоснования ударов по продовольственной инфраструктуре, не способен служить самостоятельным основанием для отступления от запрета голода: как следует из доктринального толкования, военная необходимость ограничена теми мерами, которые действительно необходимы для достижения законной военной цели и не связаны с умышленным причинением страданий гражданскому населению [2; 6]. Принцип предосторожности при нападении требует от командиров заблаговременно оценивать возможные гуманитарные последствия удара по объектам, имеющим двойное назначение. Исследование обычного МГП, проведенное специалистами МККК Ж.-М. Анкерсом и Л. Досвальд-Бек, закрепило в качестве Правила 53 прямой запрет использования голода среди гражданского населения как метода ведения войны применительно к международным и немеждународным вооруженным конфликтам; смежное Правило 54 запрещает уничтожение ОНВГН в обоих типах конфликтов. Из сказанного следует, что данные нормы обязательны для всех государств

вне зависимости от их участия в ДП I В доктрине обосновывается, что систематическое нарушение запрета голода способно квалифицироваться как преступление против человечности, и данная позиция находит поддержку в отечественных исследованиях [2; 9].

Статья 54 ДП I конструктивно выстраивается на нескольких взаимосвязанных нормах. Пункт 1 формулирует общий запрет применения голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны. Это правило сформулировано как абсолютный запрет и не допускает каких-либо исключений, связанных с военной необходимостью или особенностями конкретного конфликта. Пункт 2 развивает данный запрет через открытый примерный перечень охраняемых объектов: запрещается подвергать нападению, уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие как запасы продуктов питания и производящие их сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения если данные действия совершаются специально с целью лишить население возможности пользоваться ими как средствами поддержания существования [6; 7]. Слова «такие как» недвусмысленно свидетельствуют о незакрытом характере перечня, что отражает стремление разработчиков нормы охватить все возможные формы лишения населения ресурсов выживания, не ограничиваясь заранее установленной классификацией. Комментарий МККК особо оговаривает, что в зависимости от конкретных природных и климатических условий под охрану могут подпадать, например, топливо для обогрева жилищ или определенные медицинские препараты [7].

Ключевой составляющей нарушения выступает специальный умысел (*specific purpose*): действие должно быть направлено именно на лишение ресурсов их жизнеобеспечивающей ценности для гражданского населения. Это правило существенно сужает сферу применения нормы: сопутствующее повреждение ОНВГН при правомерном ударе по военной цели само по себе не образует нарушения ст. 54, если атакующей стороной соблюдены требования пропорциональности. Вместе с тем данный подход принципиально отличает рассматриваемый запрет от смежных составов международных преступлений. В отличие от геноцида, для квалификации которого требуется доказать наличие умысла на уничтожение защищаемой группы как таковой (*dolus specialis*), нарушение ст. 54 ДП I устанавливается при доказанности целенаправленного воздействия именно на продовольственную базу населения, пусть даже без намерения полностью истребить ту или иную группу. Иными словами, умысел здесь носит «инструментальный» характер: достаточно установить, что сторона сознательно стремилась использовать угрозу голода как средство давления для принуждения к капитуляции, массового перемещения людей или достижения иных военных

целей. В практике международных трибуналов и следственных комиссий ООН такой умысел нередко устанавливается косвенным образом: через систематический характер ударов по объектам одного функционального типа, хронологию блокадных мероприятий, официальные заявления командования или документально подтвержденные приказы [7; 8; 10].

Пункт 3 ст. 54 ДП I устанавливает исключение из общего запрета: уничтожение ОНВГН допускается в том случае, если противная сторона использует их исключительно в целях жизнеобеспечения своих вооруженных сил либо в прямую поддержку военных операций. Непременным условием при этом является сохранение для гражданского населения достаточного количества продовольствия и воды [6; 7]. Данная оговорка режим объектов двойного назначения (dual-use) на практике становится источником серьезных интерпретационных трудностей. В доктрине обоснованно утверждается, что бремя доказывания исключительно военного характера использования объекта лежит на атакующей стороне, тогда как в пользу гражданского назначения объекта действует презумпция. Слово «исключительно» следует понимать буквально: частичное использование склада или системы водоснабжения в военных целях не лишает объект защитного статуса. Лишь тот объект, который в конкретный момент времени полностью переориентирован на обеспечение нужд вооруженных сил и не выполняет никакой гражданской функции, может рассматриваться как утративший защиту по ст. 54 [2; 7]. Более того, даже в такой ситуации остается в силе условие о том, что гражданское население не должно лишиться минимально достаточного продовольственного снабжения, что фактически предполагает от атакующей стороны либо воздержание от удара, либо принятие мер по обеспечению населения альтернативными источниками питания.

В сравнительно-правовом аспекте следует отметить, что ст. 14 Дополнительного протокола II (далее – ДП II) закрепляет аналогичный запрет применительно к немеждународным конфликтам, предусматривая, однако, значительно меньше исключений. Отсутствие в ст. 14 ДП II прямого аналога режима dual-use, предусмотренного п. 3 ст. 54 ДП I традиционно трактуется в доктрине как более широкая защита гражданского населения в ходе внутренних вооруженных конфликтов. Практически это различие нивелируется нормами обычного МГП, одинаково обязательными в конфликтах обоих типов. Немаловажно, что именно немеждународные конфликты составляют сегодня подавляющее большинство вооруженных столкновений, и именно в них тактика голода применяется наиболее интенсивно: нередко государство или негосударственный субъект намеренно использует контроль над продовольствием как инструмент подавления оппозиции или принуждения населения к лояльности [8].

В общей системе норм МГП объекты, необходимые для выживания, по умолчанию относятся к гражданским объектам по смыслу ст. 52 ДП I и не могут выступать законными целями нападения или репрессалий. Правило 9 обычного МГП определяет гражданские объекты по остаточному

принципу как все объекты, которые не являются военными целями. Специальный режим ст. 54 усиливает эту общую защиту, устанавливая для ОНВГН дополнительный барьер: даже при частичном двойном использовании объекта атакующая сторона обязана обеспечить гражданскому населению доступ к альтернативному снабжению. Тем самым в МГП формируется многоуровневая защита: первичный уровень общий статус гражданского объекта; вторичный специальный режим ОНВГН; третичный нормы о гуманитарном доступе и оказании помощи [6; 7].

Запрет уморения голодом неотделим от норм, регулирующих гуманитарный доступ. Статья 7 ДП I обязывает стороны допускать и содействовать быстрому прохождению гуманитарных грузов; аналогичное предписание для немеждународных конфликтов содержит ст. 18 ДП II [11]. Правила 55 и 56 обычного МГП прямо запрещают произвольный отказ в гуманитарном доступе. Блокирование гуманитарных коридоров с явным намерением лишить население продовольствия может самостоятельно квалифицироваться как нарушение п. 1 ст. 54 ДП I. Особую значимость приобретает в данном контексте практика осадной войны: длительная полная блокада населенного пункта с перекрытием как военных путей снабжения, так и гуманитарных коридоров представляет собой одну из наиболее очевидных форм применения голода как метода ведения войны. Именно поэтому МГП последовательно требует от осаждающей стороны обеспечивать пропуск гуманитарной помощи, даже если осада сама по себе может быть признана законной военной мерой. В контексте военной оккупации ст. 55–56 Четвертой Женевской конвенции возлагают на оккупирующую державу позитивную обязанность по обеспечению гражданского населения продовольствием и медикаментами в случае их нехватки. Данная обязанность носит не декларативный, а строго функциональный характер: оккупирующая держава отвечает за поддержание минимально необходимого уровня жизни на оккупированной территории и не вправе ссылаться на объективные трудности как на основание для ее неисполнения.

В сфере уголовной ответственности ст. 8 (2) (b) (xxv) Римского статута МУС квалифицирует умышленное использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны как военное преступление. Объективная сторона данного преступления охватывает любые активные действия, вследствие которых гражданское население лишается доступа к продовольствию или воде: уничтожение складов и сельскохозяйственной инфраструктуры, систематическое блокирование конвоев гуманитарной помощи, вывод из строя систем водоснабжения и ирригации. Субъективная сторона предполагает наличие умысла как в отношении самого деяния, так и в отношении его последствий лишения населения средств выживания. Ряд деяний, образующих военное преступление по ст. 8, способен одновременно квалифицироваться как преступление против человечности по ст. 7 Римского статута в тех случаях, когда имеет место широкое или систематическое нападение на гражданское

население. Принятая Ассамблеей государств-участников в декабре 2019 года поправка распространила эту юрисдикцию на немеждународные конфликты, восполнив очевидный пробел [10]. Значимость поправки трудно переоценить: абсолютное большинство современных вооруженных конфликтов не носит межгосударственного характера. Вместе с тем поправка приобретает обязательную силу лишь для ратифицировавших ее государств, что временно ограничивает ее охват.

Практика применения рассматриваемых норм выявляет ряд устойчивых тенденций. Независимая международная комиссия ООН по расследованию событий в Сирии зафиксировала систематические атаки на продовольственные рынки, зернохранилища и водонасосные станции, прямо квалифицировав их как нарушения ст. 54 ДП I В Йемене группа экспертов ООН документировала удары по ирригационным системам, рыбным рынкам и портовой инфраструктуре, а также введение ограничений на ввоз продовольствия и топлива, имевших выраженные гуманитарные последствия [3; 12]. В Южном Судане органы ООН констатировали использование голода как инструмента принуждения гражданского населения в ходе внутреннего вооруженного конфликта. Резолюция Совета Безопасности ООН 2417 (2018) впервые прямо осудила применение голода как метода ведения войны на уровне главного органа международной безопасности и предписала немедленный и беспрепятственный гуманитарный доступ во все затронутые районы. Центральной процессуальной проблемой при привлечении к ответственности остается доказывание специального умысла: требуется установить, что уничтожение ОНВГН было сознательно направлено на лишение населения средств к существованию, а не явилось непреднамеренным следствием правомерной военной операции. Эту сложность фиксируют и зарубежные исследователи [13, с. 820–821; 14, с. 370–372]. Дополнительную трудность создает зачастую ограниченный доступ следователей и наблюдателей в зоны конфликта, что существенно сужает возможности для сбора надлежащей доказательной базы.

Современные конфликты обозначают новые вызовы для действующего правового режима. Кибератаки на автоматизированные системы водоснабжения или логистику распределения продовольствия способны создать условия голода без физического разрушения традиционных ОНВГН. Вопрос о применимости ст. 54 ДП I к подобным операциям остается дискуссионным: часть доктрины полагает, что понятие «нападения» по смыслу МГП способно охватывать кибероперации с ощутимыми гуманитарными последствиями, тогда как другие авторы настаивают на необходимости специального международного регулирования применительно к кибервойне. Не менее острой проблемой является правовая квалификация режима осады в условиях плотной городской застройки, при которой разграничение военных объектов и ОНВГН объективно сопряжено с принципиальными трудностями. В таких случаях

нормы об обязательной проверке цели и мерах предосторожности при нападении приобретают критически важное значение. В этом контексте особую актуальность получает разработка практических руководств по применению норм об объектах двойного назначения, отсутствие которых существенно снижает предсказуемость правоприменения и создает пространство для произвольных интерпретаций [2].

В заключение следует констатировать, что ст. 54 ДП I в совокупности с нормами ДП II Четвертой Женевской конвенции, обычного МГП и Римского статута образует целостную правовую систему защиты базовых жизненных потребностей гражданского населения.

Объекты, необходимые для выживания гражданского населения (ОНВГН), находятся под трехуровневой защитой. На первичном уровне они пользуются общим статусом гражданских объектов (ст. 52 ДП I и Правило 9 обычного МГП). На вторичном уровне для них установлен специальный усиленный режим ст. 54 ДП I (и ст. 14 ДП II), который запрещает любые действия, направленные на лишение населения возможности пользоваться этими объектами по их жизнеобеспечивающему назначению. Третичный уровень защиты обеспечивается нормами о беспрепятственном гуманитарном доступе (ст. 7 ДП I 18 ДП II) и позитивными обязанностями оккупирующего государства (ст. 55–56 IV Женевской конвенции). Такой комбинированный подход придает защите ОНВГН особую устойчивость и гибкость, учитывающую конкретные условия каждого конфликта.

Запрет голода как метода ведения войны является общеобязательной нормой международного права, обязательной вне зависимости от факта участия государства в конкретном договоре. Тем не менее разрыв между нормативными требованиями и реальной практикой по-прежнему значителен. Трудности доказывания специального умысла, неопределенность критериев двойного назначения объектов, неуниверсальность поправки 2019 г. к Римскому статуту и ограниченные возможности международного мониторинга формируют условия, при которых виновные крайне редко несут реальную ответственность. Преодоление этой тенденции возможно лишь при условии всеобщей ратификации поправок к Римскому статуту, выработки специализированных военных руководств по квалификации объектов двойного назначения и планированию гуманитарного доступа, а также интеграции механизмов МГП с правозащитными инструментами ООН. Норма о запрете голода должна функционировать не как торжественная декларация, а как реально применяемый правовой стандарт, способный обеспечить защиту гражданского населения в условиях любых вооруженных конфликтов.

Список цитированных источников

1. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций / Э. Давид. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.

2. Батырь, В. А. Международное гуманитарное право : учебник для вузов / В. А. Батырь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2011. – 688 с.
3. Резолюция 2417 (2018) от 24 мая 2018 г. S/RES/2417 (2018) // Совет Безопасности ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/naana/record/1627380> (дата обращения: 05.05.2026).
4. Резолюция 2573 (2021) от 27 апреля 2021 г. S/RES/2573 (2021) // Совет Безопасности ООН. – URL: <http://unscr.com/en/resolutions/2573> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Lieber, F. Instructions for the Government of Armies of the United States in the Field : General Orders No. 10 / F. Lieber. – Washington, 1863. – URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/lieber.asp (date of access: 05.05.2026).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Сб. договоров ООН. – Т. 1125. – С. 3.
7. Sandoz, Y. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann // International Committee of the Red Cross. – Geneva : ICRC ; Martinus Nijhoff Publishers, 1987. – 1647 p.
8. Henckaerts, J.-M. Customary International Humanitarian Law / J.-M. Henckaerts, L. Doswald-Beck // International Committee of the Red Cross. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – Vol. I : Rules. – 621 p.
9. Котляров, И. И. Международное гуманитарное право / И. И. Котляров. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 304 с.
10. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).
11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Сб. договоров ООН. – Т. 1125. – С. 609.
12. Hunger Hotspots. FAO–WFP Early Warnings on Acute Food Insecurity, June–November 2023 : World Food Programme // Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome : FAO; WFP, 2023. – 46 p.
13. D'Alessandra, F. The War Crime of Starvation in Non-International Armed Conflict / F. D'Alessandra, M. Gillett // Journal of International Criminal Justice. – 2019. – Vol. 17, № 4. – P. 815–847.
14. Dannenbaum, T. Siege Starvation: A War Crime of Societal Torture / T. Dannenbaum // University of Chicago Journal of International Law. – 2020. – Vol. 20, № 2. – P. 368–442.
15. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_4.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

Kuznetsova A. A., Nakhalov N. I., Russian Federation, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, Faculty of Law students.

Academic advisor: Shireva I. V., Russian Federation, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of International and Public Law, PhD in Law, Associate Professor.

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRACTICE OF MODERN ARMED CONFLICTS

Курганова М. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Лапутько К. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры государственного управления,
магистр юридических наук

Аннотация. Статья посвящена принципу пропорциональности в международном гуманитарном праве. Рассматриваются два кейса: авиаудар Нидерландов по складу боеприпасов в иракском городе Хавиджа (2015 г.) как пример нарушения и практика международных сил в Афганистане как пример соблюдения. Анализируются факторы, которые могут существенно влиять на оценку соразмерности атаки, роль мер предосторожности и минимизацию ущерба гражданскому населению. Делаются выводы о необходимости качественной оценки рисков и готовности отменять атаки.

Ключевые слова: принцип пропорциональности, международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, гражданское население, авиаудары, меры предосторожности, минимизация ущерба, Дополнительный протокол I.

Annotation. The article is devoted to the principle of proportionality in international humanitarian law. Two cases are considered: the Dutch airstrike on an ammunition depot in Hawija, Iraq (2015) as an example of a violation, and the practice of international forces in Afghanistan as an example of compliance. Factors affecting the assessment of the proportionality of an attack, the role of precautionary measures and minimizing harm to the civilian population are analyzed. Conclusions are drawn about the need for high-quality risk assessment and readiness to cancel attacks.

Keywords: principle of proportionality, international humanitarian law, armed conflicts, civilians, airstrikes, precautionary measures, harm minimization, Additional Protocol I.

Современный этап развития международных отношений характеризуется наличием большого количества вооруженных конфликтов, многие из которых сопровождаются систематическими нарушениями международного гуманитарного права (далее – МГП). По данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, за последние десять лет около 8 % жертв вооруженных конфликтов составили гражданские лица. Несмотря на высокую проработанность норм международного права и множества международных договоров и конвенций, государства нередко игнорируют установленные правила, полагая, что ответственность за их нарушение не наступит либо будет носить ограниченный характер [1, с. 175].

МГП, также известное как право войны или право вооруженных конфликтов, представляет собой совокупность норм, регулирующих поведение сторон во время вооруженных конфликтов. Эти нормы устанавливают обязательные правила ведения боевых действий, включающие ограничения средств и способов ведения войны, а также защиту гражданского населения и жертв войны. Основными документами здесь являются четыре Женевские конвенции 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним 1977 г.

Одним из фундаментальных принципов МГП является принцип пропорциональности (соразмерности), закрепленный в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям, принятом 8 июня 1977 г. [2]. Согласно ст. 51 (5) (b) этого Протокола, запрещаются атаки, которые могут повлечь случайные потери среди гражданского населения, ранения гражданских лиц, ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, если такие потери, ранения или ущерб будут чрезмерными по сравнению с конкретным и прямым военным преимуществом, которое предполагается получить. Статья 57 Протокола обязывает стороны конфликта принимать все возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, чтобы избежать, или же свести к минимуму случайные потери среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам. В частности, те, кто планирует или принимает решение о нападении, должны отменить или приостановить нападение, если выяснится, что оно может вызвать чрезмерные случайные потери.

На практике применение принципа пропорциональности сопряжено со значительными трудностями. Оценка «чрезмерности» ущерба субъективна и зависит от качества разведывательных данных, точности прогнозирования последствий удара (особенно вторичных эффектов, таких как детонация взрывчатых веществ), а также от готовности командования отказаться от атаки при выявлении риска для гражданских лиц. Наряду с этим, принцип пропорциональности является оценочным, и разные государства могут по-разному трактовать, какой ущерб считать «чрезмерным». Все это создает почву для нарушений.

В данной статье на основе двух реальных кейсов авиаудара Нидерландов по складу вооружения в иракском городе Хавиджа (2015 г.) и практики международных сил в Афганистане выявляются факторы, которые приводят к нарушению или соблюдению принципа пропорциональности. Первый кейс выбран как пример грубого нарушения, второй как образец добросовестного соблюдения. Особое внимание уделяется качеству оценки рисков, учету вторичных эффектов, предупреждению гражданского населения и готовности отказаться от удара.

В работе использован сравнительно-правовой метод, который позволяет сопоставить два различных подхода к применению принципа пропорциональности в сходных условиях (воздушные удары по объектам военного назначения в населенных пунктах). Поиск и выбор кейсов осуществлялся на основе двух критериев: наличие документированных фактов, включая официальные отчеты, парламентские расследования и независимые расследования НПО, а также противоположный исход грубое нарушение в одном случае и добросовестное соблюдение в другом. Источниками информации послужили: официальный отчет Министерства обороны Нидерландов об авиаударе по Хавидже (2019); парламентские документы Нидерландов, связанные с оценкой ущерба гражданскому населению и исками пострадавших (2019–2020); база данных Международного Комитета Красного Креста «IHL in Action» (2017), содержащая примеры соблюдения норм МГП на поле боя; публикация независимой организации PAX (Protection of Civilians) по результатам расследования удара по Хавидже (2019); текст Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям и комментарии Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) к нему, а также научные статьи по проблемам имплементации принципа пропорциональности (в частности, работа В. Ю. Алгунина). Анализ проводился в три этапа: изучение юридических норм (ст. 51 и 57 Дополнительного протокола I), детальное рассмотрение фактов каждого кейса (хронология, планирование, исполнение, последствия), а также сопоставление действий сторон с требованиями принципа пропорциональности и мер предосторожности.

В 2015 году Нидерланды входили в состав международной коалиции, созданной для борьбы с террористической группировкой «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ). ВВС Нидерландов базировались в Иордании и наносили авиаудары по целям на территории Ирака и Сирии. Одной из таких целей стал объект в городе Хавиджа (провинция Киркук, Ирак), который был предварительно классифицирован как завод по производству самодельных взрывных устройств (СВУ) и склад боеприпасов. Разведка коалиции располагала данными о том, что объект активно используется вооруженными группами противника.

Планирование удара осуществлялось согласно стандартным процедурам, включая специальную юридическую экспертизу. Был выбран тип высокоточного оружия, чтобы минимизировать риск отклонения от цели.

Однако, как показало последующее расследование, при оценке вероятного сопутствующего ущерба гражданскому населению была использована упрощенная модель, которая учитывала только прямое воздействие взрыва от боеприпаса, но не учитывала возможность вторичной детонации взрывчатых веществ, хранившихся на складе. Кроме того, командование Нидерландов не проверило, пытался ли кто-либо из союзников атаковать этот объект ранее. А если бы проверило, то выяснило бы, что другой союзник (Австралия) уже отказался от удара из-за высокого риска для гражданского населения.

2 июня 2015 г. ВВС Нидерландов нанесли удар по объекту. Точность попадания была высокой бомба поразила цель. Однако, на складе оказалось большое количество взрывчатых веществ (артиллерийские снаряды, мины, компоненты СВУ). Произошла мощная вторичная детонация, которая по мощности в несколько раз превысила первоначальный взрыв. Жилой квартал, примыкавший к складу, был практически полностью разрушен. По данным независимой организации РАХ погибло не менее 7 гражданских лиц (в том числе женщины и дети), более 10 получили ранения различной степени тяжести, также сотни семей потеряли жилье [6].

Первоначально Министерство обороны Нидерландов отрицало факт вторичной детонации и заявляло о небольших жертвах. Однако журналистское расследование (работа нидерландской телерадиокомпании NOS) и доклад РАХ выявили несоответствия. Под давлением общественности и парламента правительство Нидерландов в 2019 году опубликовало собственный отчет, в котором признало, что «оценка сопутствующего ущерба не включала вторичные взрывы» и что «при планировании были допущены ошибки» [3].

С 2019 года в парламенте Нидерландов прошли слушания, повлекшие за собой обнародование документов, из которых следовало, что модель прогнозирования ущерба, которая была использована нидерландскими военными, не учитывала детонацию хранящихся боеприпасов, а также что командование не запрашивало у союзников информацию о том, проводились ли аналогичные удары по этому объекту, и что Нидерланды не предупредили гражданское население об ударе (при наличии такой возможности), при этом после удара военные пытались занижить число жертв в официальных отчетах.

Пострадавшие и их родственники (в том числе через неправительственные организации) подали иск к государству Нидерланды. В иске утверждалось, что атака нарушила принцип пропорциональности (ст. 51 Дополнительного протокола I) и что государство не приняло всех возможных мер предосторожности (ст. 57). В 2023 году суд Гааги частично удовлетворил иск, признав, что Нидерланды действовали небрежно при оценке рисков, и обязал выплатить компенсацию семьям погибших [4]. Это один из первых случаев, когда государство было привлечено к ответственности за нарушение принципа пропорциональности при воздушном ударе.

В 2010–2012 гг. международные силы содействия безопасности (ISAF) под командованием НАТО проводили операции против вооруженной оппозиции в Афганистане. Главной задачей было снижение жертв среди гражданского населения, поскольку в предыдущие годы имели место случаи, подрывавшие доверие к миссии. Международный Комитет Красного Креста активно сотрудничал с ISAF, предоставляя консультации по соблюдению МГП и документируя случаи как нарушений, так и надлежащего исполнения норм.

База данных МККК «IHL in Action» содержит пример, где командование ISAF запланировало авиаудар по местам дислокации вооруженной оппозиции, которая представляла непосредственную угрозу для сил коалиции. По предварительным данным разведки, в зоне поражения не должно было быть гражданских лиц. Однако при проведении дополнительной проверки (с использованием беспилотных летательных аппаратов и агентурных данных) было установлено, что в данную зону зашли женщины и дети вероятно, жители соседнего села, которые пасли скот. Командир, ответственный за принятие решения, проанализировал соотношение между ожидаемым военным преимуществом (уничтожение огневой точки) и потенциальными потерями среди гражданских лиц. Придя к выводу, что риск чрезмерных потерь слишком высок, он отменил атаку. Впоследствии удар был нанесен в другое время, когда гражданские лица в зоне поражения отсутствовали.

МККК включил данный случай в базу «IHL in Action» как образец добросовестного соблюдения ст. 57 Дополнительного протокола I которая требует отмены или приостановления атаки, если становится очевидно, что она может вызвать чрезмерные потери среди гражданских лиц [5]. Этот кейс используется для обучения военнослужащих многих стран, показывая, что отказ от тактически выгодной цели ради защиты гражданских лиц не только не является проявлением слабости, но и соответствует высшим стандартам МГП.

Сравнение двух кейсов позволяет выделить несколько основных факторов, которые привели к настолько разным последствиям. Первый фактор это учет вторичных эффектов. В кейсе Нидерландов модель оценки ущерба была неполной, так как игнорировала возможность вторичной детонации. Это базовая проблема, которая характерна для многих вооруженных сил: при планировании удара по складам боеприпасов или объектам с большим количеством взрывчатых веществ оценка только прямого воздействия недостаточна. В афганском случае такая проблема не стояла (цель была не складом), но сам подход к учету всех возможных факторов был более ответственным.

Второй фактор это то, готов ли участник конфликта отказаться от удара. Нидерланды не отказались от атаки, несмотря на то, что ранее другой союзник уже исключил эту цель из-за риска для гражданских лиц. Это говорит о приоритете тактических соображений (уничтожить завод

СВУ) над защитой гражданских лиц. В Афганистане же командование проявило готовность отменить атаку при выявлении риска. Статья 57 (2) (b) Дополнительного протокола I прямо обязывает отменять атаку, если становится очевидным, что она может вызвать чрезмерные потери. Афганский кейс пример выполнения этой обязанности.

Третий фактор доведение информации до населения перед ударом. Статья 57 (2) (c) Дополнительного протокола I требует эффективного предупреждения о нападениях, которые могут затронуть гражданское население, если только обстоятельства не позволяют этого сделать. В Хавидже Нидерланды не предупредили жителей. В афганском случае прямая эвакуация не проводилась (атака была отменена полностью), но при переносе удара на другое время командование приняло меры, чтобы гражданских лиц в зоне не было.

Вопрос ответственности также заслуживает внимания. В кейсе Нидерландов нарушение принципа пропорциональности привело к массовым жертвам (7 погибших), парламентскому расследованию, судебному иску и выплате компенсаций. Это показывает, что даже государства с развитой правовой системой могут быть привлечены к ответственности за нарушения МГП. В противоположность этому, в Афганистане гражданские лица не пострадали, а данный кейс вошел в обучающую базу МККК.

Из этого следует, что проблема не столько в самой норме, сколько в качестве ее применения. Формальное наличие юридической экспертизы, разведданных и высокоточного оружия не гарантирует соблюдения, если эти инструменты используются поверхностно

Как отмечает В. Ю. Алгунин в своей работе, «серьезные нарушения международного гуманитарного права часто остаются безнаказанными, но имплементация норм в национальное законодательство и судебная практика могут изменить ситуацию» [1, с. 185]. Кейс Хавиджи подтверждает данное суждение: именно благодаря давлению общественности, НПО и суду удалось добиться признания факта нарушения и компенсации.

Проведенный анализ позволяет предложить военным планировщикам и политикам несколько практических рекомендаций: при планировании ударов по складам боеприпасов, заводам взрывчатых веществ и другим объектам, где возможна вторичная детонация, необходимо моделировать не только прямое воздействие, но и эффект от взрыва хранящихся материалов, радиус поражения может быть в несколько раз больше; перед нанесением удара следует запрашивать данные у союзников о том, проводились ли аналогичные атаки по тому же объекту, и если да то с какими последствиями; если существует возможность предупредить гражданское население (сброс листовок, оповещение через местные власти, звонки), она должна быть использована, за исключением случаев, когда это поставит под угрозу военную операцию; командиры должны поощряться к отмене атак при выявлении риска для гражданских лиц; в военных уставах и кодексах поведения необходимо закрепить отсутствие наказания за отказ

от удара ради защиты гражданских; независимые НПО (такие как РАХ) и международные организации (МККК) должны продолжать мониторинг и публиковать доклады о нарушениях, поскольку это создает стимулы для государств соблюдать МГП.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Принцип пропорциональности, закрепленный в ст. 51 и 57 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, является одним из основных механизмов защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов, однако его применение на практике сопряжено с трудностями, связанными с субъективностью оценки «чрезмерности» ущерба и необходимостью прогнозирования вторичных эффектов.

2. Решающее значение для минимизации ущерба гражданскому населению имеют: качество оценки рисков, включая прогнозирование вторичных взрывов и иных косвенных последствий; готовность командования отменить или перенести атаку при появлении новых данных о присутствии гражданских лиц; эффективное предупреждение населения, когда это возможно.

3. Для снижения числа нарушений необходимо совершенствовать методики оценки рисков (включая учет вторичных эффектов), внедрять обязательные процедуры повторной проверки целей, а также создавать стимулы для отмены атак при наличии риска (отсутствие наказания за отказ от удара).

Представленное исследование охватывает всего два кейса, тогда как практика вооруженных конфликтов обширна и дает значительно больше материала для дальнейшего изучения. Перспективными направлениями для дальнейших исследований представляются анализ иных случаев применения принципа пропорциональности в современных вооруженных конфликтах, в том числе на примере Сирии, Йемена и сектора Газа. Кроме того, дополнительного изучения требует сравнительный анализ национальных методик оценки рисков для гражданского населения, используемых в различных армиях мира.

Список цитированных источников

1. Алгунин, В. Ю. Серьезные нарушения международного гуманитарного права и имплементация борьбы с ними в уголовном законодательстве Республики Беларусь / В. Ю. Алгунин // Московский журнал международного права. – 1998. – № 3. – С. 175–188.

2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят 8 июня 1977 г. в г. Женеве // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

3. Report on the Hawija airstrike (Iraq) / Ministry of Defence of the Netherlands. – The Hague, 2019. – 45 p.

4. Evaluation of Civilian Harm in Hawija : Kamerstuk 27925, nr. 684/ Dutch Parliamentary Documents. – The Hague : House of Representatives, 2020. – 32 p.
5. IHL in Action: Respect for the Law on the Battlefield / International Committee of the Red Cross. – Geneva : ICRC, 2017. – P. 112–113.
6. PAX Hawija research: The Dutch airstrike in Iraq, 2015 PAX Protection of Civilians. – URL: <https://protectionofcivilians.org/hawija-research/> (date of access: 15.05.2026).

Kurganova M. I., Minsk, Belarusian State University, Law Faculty student.

Academic advisor: Laputko K. V., Minsk, Belarusian State University, Faculty of Law, Senior Lecturer, Master of Laws.

КОММЕРЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИЗНАСИЛОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

COMMERCIALIZED RAPE IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Лисовская Д. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Чайкина А. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры международного права

Аннотация. В статье подробно рассмотрены проблемы употребления терминов «принуждение к проституции» и «проституция», обоснована необходимость замены этих терминов термином «сексуализированная эксплуатация», а также сделан вывод о неэффективности употребляемой терминологии, поскольку она виктимизирует жертв, что противоречит целям международного гуманитарного права.

Ключевые слова: проституция, принуждение к проституции, сексуализированная эксплуатация, международное гуманитарное право.

Annotation. The article examines in detail the problems of using the terms «forced prostitution» and «prostitution», and also substantiates the need to replace these terms with the term «sexualized exploitation», and also concluded that the terminology used is ineffective, as it victimizes victims, which is contrary to the objectives of international humanitarian law.

Keywords: prostitution, forced prostitution, sexualized exploitation, international humanitarian law.

В соответствии с п. г) ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. преступлением против человечности является: «..изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести..».

Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны в ст. 27 запрещает: «...всякие покушения на честь женщин, и в частности изнасилования, принуждение к проституции или любую другую форму покушений на их нравственность».

Пунктом b) ст. 75 и п. 1 ст. 76 Дополнительного протокола от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов предусмотрено,

что: «..женщинам обеспечивается защита от изнасилования, принуждения к проституции и любых других форм непристойных посягательств».

При этом, в общем международном праве и праве прав человека отсутствует четкое определение понятия «проституция», как и определение понятия «принуждение к проституции». Более того, для международного права становится проблемой разделение понятий «эксплуатация людьми» и «торговля людьми, преследующая цели проституции».

Так, например, Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. оперирует новой терминологией, впервые используя в юридическом обороте такие понятия, как «торговля людьми, преследующая цели проституции» и «международная торговля людьми». Но вопреки наименованию международно-правового акта, его содержание посвящено рекомендательной модели действий государств по противодействию эксплуатации проституции [1, с. 309]. Торговля людьми признается «злом», сопровождающим проституцию, однако нет ни одной статьи с наказуемостью торговли женщинами в целях проституции [2, с. 28].

Алгоритм поведения стран участниц для пресечения проституции рекомендует квалифицировать как преступление сводничество, склонение или соращение в целях проституции, эксплуатацию проституции, содержание, руководство, финансирование домов терпимости, сдачу или снятие в аренду помещений в этих целях и тому подобное. В Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. не содержится однозначного запрета проституции взрослых лиц и предписаний уголовного преследования занятия ею. Разработчиками этого документа предлагается отмена практики регистрации проститутток и выдачи им какого-либо специального документа. Что в некотором роде даже повышает риски попадания их в ситуации торговли людьми или исчезновения и тому подобное.

По инициативе Международной сети организаций ЕСПАТ International под эгидой Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 1996 году в Стокгольме прошел Первый Всемирный конгресс против коммерческой сексуальной эксплуатации детей как одной из форм насилия над ребенком. По его итогам была принята Стокгольмская декларация 1996 г., ст. 19 которой признает подлежащими уголовной ответственности: вовлечение ребенка в проституцию или склонение ребенка к занятию проституцией; принуждение ребенка к занятию проституцией или извлечение выгоды из нее и иная эксплуатация ребенка для этих целей; использование услуг детской проституции.

При наложении ответственности на тех, кто совершает акты эксплуатации, Стокгольмская декларация 1996 г. все еще использует такие формулировки как «принуждение к занятию проституцией» и «детская проституция».

Для уяснения природы проблематичности этих понятий необходимо обозначить, что факт оплаты актов насилия не является достаточным и структурообразующим признаком для продолжения использования понятия, стигматизирующего жертв. А также формулировка «принуждение к занятию проституцией» не отражает реального положения дел, в котором согласие и добровольность в проституции являются искажениями понятий.

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, от 15 ноября 2000 г. стал первым документом ООН, обращающим внимание на эксплуатируемую в коммерческих целях проституцию женщин и детей. Он впервые вводит юридически обязывающее и наиболее согласованное на высшем международном уровне определение понятия «торговля людьми». В нем нет определения терминов «проституция», «эксплуатация проституции других лиц» и «сексуальная эксплуатация».

Его разработчики демонстрируют подходы, свидетельствующие о безусловной привязке эксплуатации проституции других лиц и иных форм эксплуатации к торговле людьми. Протокол с помощью слов «как минимум» предлагает открытый перечень деяний, образующих эксплуатацию, которая включает эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов, однако проводится градация проституции на добровольную и принудительную [3, с. 162].

Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации сексуальных надругательств со стороны персонала ООН от 21 декабря 2007 г. предлагает считать сексуальной эксплуатацией любое злоупотребление или покушение на злоупотребление уязвимым положением, властью или доверием в сексуальных целях, включая, в частности, приобретение денежной, социальной или политической выгоды от сексуальной эксплуатации другого лица. Текст определения дословно продублирован из раздела 1 «Специальные меры по защите от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств» Бюллетеня Генерального секретаря ООН от 9 октября 2003 г., посвященного расследованию и предотвращению прецедентов сексуальной эксплуатации гражданского населения участвующим в миссии персоналом и экспертами ООН в местах вооруженного конфликта. В п. с ст. 3.2 «Запрещение сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств» закреплено, что «секс, включая сексуальные услуги или другие виды оскорбительного, унижающего достоинство или связанного с эксплуатацией поведения, в обмен на деньги, работу, товары или услуги запрещается». Такая формулировка сексуализированной эксплуатации и запрет на нее являются наиболее близкими к тому, что должно содержаться во всех источниках международного права, в частности, и гуманитарного права.

Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек, его причинах и последствиях Рим ас-Салем в Докладе «Проституция и насилие в отношении женщин и девочек» HRC/56/48 от 7 мая 2024 г. для Совета по правам человека отмечает: «Сам термин «проституция» не имеет определения в международном праве. Понятие проституции и связанная с этим терминология вызывают споры и поляризацию мнений. Ситуацию еще более осложняют путанные переводы, отсутствие четких определений и использование эвфемизмов. В основе употребляемой в докладе терминологии лежит понимание проституции как системы насилия, превращающей женщин и девочек в товар. Речь идет о системе неравенства и дискриминации по признаку пола и другим пересекающимся признакам, которая влияет на способность женщины добиваться равенства».

Таким образом, не имея возможности, обратившись к общему международному праву или праву прав человека, уяснить рассматриваемое понятие, не представляется возможным дать однозначную оценку этому понятию в рамках международного гуманитарного права. Наиболее гуманным и отвечающим общественному прогрессу будет являться рассмотрение формулировок источников международного гуманитарного права с учетом происхождения самого явления проституции и последующего сопоставления возможности использования понятия «принуждение к проституции» с выяснившимися обстоятельствами.

Акты международного гуманитарного права, содержащие формулировки «принуждение к проституции» или «проституция» препятствуют всесторонней защите женщин и игнорируют то, что на защиту женщин от сексуализированной эксплуатации влияют такие факторы, как патриархальные нормы и сопутствующие им злоупотребление властью и сексуализированный спрос со стороны мужчин, усугубляемые в последние десятилетия глобализацией, когда все можно купить и продать, экономическим неравенством, конфликтами, оккупацией и растущей милитаризацией, разрушением экосистем добывающими отраслями, наследием колониализма, войнами, сложными чрезвычайными ситуациями и гуманитарными последствиями, которые приводят к дальнейшей маргинализации и вынужденному перемещению женщин и девочек.

Под проституцией молчаливо понимается добровольная продажа женщиной своего тела в обмен на выгоды, но это не так. Проституция сама по себе является процессом принуждения, а следовательно термин «принуждение к проституции» – это плеоназм, ведь она и без того не является добровольной. Само слово проституция глубоко укоренено в общественном сознании как переносящее ответственность на жертву и приписывающее ей добровольность и выгодность, которые, во-первых не являются реальными, а, во-вторых, не отменяют факта насилия над ней. Поэтому использование и первого, и второго понятий не уместно в нормах международного гуманитарного права, которые к тому же регулируют те ситуации, в которых женщина и без того максимально уязвима. Для справедливого и непредвзятого процесса квалификации таких преступлений в рамках вооруженных конфликтов необходимо внедрение и оперирование лишь той

терминологией, которая не будет иметь изначально виктимизирующую жертв подоплеку. Действия, совершаемые мужчинами над женщинами должны подпадать под определение «сексуализированная эксплуатация», независимо от того, осуществляются они одним мужчиной единично, или мужчинами, получающими доступ к женщинам через третьих лиц, систематически со взиманием оплаты. Соответственно, в целях защиты жертв из Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г., Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны и Дополнительного протокола от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, должна быть исключена формулировка «принуждение к проституции» и заменена формулировкой «сексуализированная эксплуатация» в понимании, заложенном Всеобъемлющей стратегией ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств со стороны персонала ООН от 21 декабря 2007 г. и данной работой.

Список цитированных источников

1. Галенская, Л. Н. Международная борьба с преступностью / Л. Н. Галенская. – М. : Международные отношения, 1972. – 167 с.
2. Карпец, И. И. Преступления международного характера / И. И. Карпец. – М. : Юридическая литература, 1979. – 262 с.
3. Алихаджиева, И. С. О понятии сексуальной эксплуатации в международном праве / И. С. Алихаджиева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (83). – С. 159–167. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-seksualnoy-ekspluatatsii-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Brownmiller, S. Against Our Will: Men, Women and Rape / S. Brownmiller. – New York : Simon & Schuster, 1975. – 472 p.
5. Ломброзо, Ч. Проституция у исторических народов // Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо // Научный центр психического здоровья Ч. Ломброзо. – URL: <https://www.psychiatry.ru/lib/55/book/115/chapter/4> (дата обращения: 10.03.2026).
6. С насилием сталкивается 90 % проституток // Radio Prague International. – URL: <https://ruski.radio.cz/s-nasiliem-stalkivaetsya-90-prostitutok-8226746> (дата обращения: 10.03.2026).
7. По данным ЮНИСЕФ, более 37 млн девочек и женщин во всем мире подверглись изнасилованию или сексуальному насилию в детстве // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.unicef.org/press-releases/over-370-million-girls-and-women-globally-subjected-rape-or-sexual-assault-children> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Галифастова, К. И. Преступления в отношении несовершеннолетних: вовлечение в занятие проституцией / К. И. Галифастова // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2020. – № 12. – С. 316–322.

Lisovskaya D. S., Minsk, International University «MITSO», Law Faculty student.

Academic advisor: Chaikina A. V., Minsk, International University «MITSO», Professor of the Department of International Law.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: РОЛЬ МККК В ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕДИЦИНСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF WOMEN IN ARMED CONFLICT: THE ROLE OF THE ICRC IN THE IMPLEMENTATION OF STANDARDS OF MEDICAL AND SOCIAL CARE

Малиновская Д. В.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
студент факультета экономики и права

Научный руководитель

Ховратова С. Н.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

Аннотация. В статье анализируется трансформация гендерного измерения современных вооруженных конфликтов. Выявляется институциональный разрыв между развитой международно-правовой базой защиты женщин и ее фактической имплементацией на местах.

Ключевые слова: гендерная уязвимость, защита женщин, международное гуманитарное право, МККК, Римский статут.

Annotation. The article analyzes the transformation of the gender dimension of modern armed conflicts. An institutional gap is revealed between the developed international legal framework for the protection of women and its actual implementation on the ground.

Keywords: gender vulnerability, ICRC, international humanitarian law, protection of women, Rome Statue.

Фундаментальные изменения в характере современных вооруженных конфликтов: урбанизация боевых действий, массовые перемещения населения и стирание грани между военными и гражданскими объектами привели к качественно иной дифференциации воздействия насилия по гендерному признаку. Женщины превратились в наиболее уязвимую категорию гражданского населения, а половое насилие перестало быть побочным

явлением, консолидировавшись как системный инструмент войны, направленный на деморализацию противника и разрушение социальной структуры общин [5; 6].

При этом преступления против женщин совершаются не спонтанно, а целенаправленно и организовано, что подтверждается документальными свидетельствами из Конго, Сирии, Мьянмы, Судана и сектора Газа. Стигматизация жертв и прямые угрозы в адрес потерпевших приводят к тому, что подавляющее большинство таких преступлений остается латентным, а женщины предпочитают не обращаться за помощью из страха перед изгнанием из «общины» или расправой со стороны родственников. Системный характер сексуального насилия в современных конфликтах объясняется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, изнасилование и иные формы полового насилия представляют собой низкозатратную тактику, не требующую специального вооружения или подготовки, но при этом обладающую высоким деморализующим эффектом. Во-вторых, в условиях разрушения государственных институтов и отсутствия эффективного правосудия риск привлечения к ответственности для исполнителей остается минимальным. В-третьих, патриархальные установки, распространенные как в конфликтующих обществах, так и в самих вооруженных формированиях, легитимизируют насилие над женщинами как форму утверждения власти или «трофея войны».

Международно-правовое регулирование защиты женщин прошло путь от фрагментарных упоминаний до формирования специализированного правового режима [7]. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г. заложили фундаментальные принципы: женщины пользуются особым уважением и защитой от изнасилования, принудительной проституции и любой формы непристойного посягательства. Статья 76 Дополнительного протокола I приравнивает беременных женщин и рожениц к раненым и больным, предоставляя приоритетную медицинскую помощь и эвакуацию [1]. Закреплены также процессуальные гарантии: первоочередное рассмотрение дел арестованных или интернированных беременных и матерей малолетних детей, запрет приведения в отношении них смертных приговоров, а также требование отдельного содержания под стражей с надзором исключительно женским персоналом (п. 5 ст. 75 ДП I) [1]. Важно отметить, что эти нормы были новаторскими для своего времени, поскольку впервые в истории международного права признали сексуальное насилие не просто нарушением общественной морали, а серьезным нарушением гуманитарного права. Однако их главный недостаток заключается в том, что они носят преимущественно декларативный характер и не содержат эффективных механизмов принуждения к исполнению.

Переломным моментом стало принятие Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., который впервые квалифицировал изна-

силование, сексуальное рабство, принудительную проституцию, принудительную беременность и принудительную стерилизацию как военные преступления и преступления против человечности [4]. Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 (2000) институционализировала гендерные аспекты урегулирования конфликтов и участие женщин в мирных процессах [2]. Резолюция 1888 (2009) потребовала незамедлительных мер по защите женщин и девочек от сексуального насилия, включая дисциплинарные санкции и обеспечение персональной ответственности командиров [3]. Ключевое достижение Римского статута признание принудительной беременности как отдельного состава преступления, что стало реакцией на практику систематических изнасилований с целью принуждения женщин к вынашиванию ребенка от насильника, применявшуюся в Боснии и Герцеговине и Руанде. Кроме того, Статут закрепил принцип, согласно которому приказы вышестоящего начальника не могут служить оправданием для сексуальных преступлений, что существенно расширило возможности привлечения к ответственности командиров всех уровней.

Однако, несмотря на наличие развитой нормативной базы, практика вооруженных конфликтов последних десятилетий (Конго, Сирия, Мьянма, Судан, сектор Газа) демонстрирует системный имплементационный кризис [5; 8].

Первое проявление кризиса целенаправленный обход существующих правовых гарантий, когда сексуальное насилие применяется именно потому, что его последствия (стигматизация, травматизация общинных связей, латентность) делают жалобы маловероятными [6].

Второе проявление отсутствие гендерно-чувствительных процедур в работе с внутренне перемещенными лицами и беженцами. В условиях массового перемещения женщины подвергаются повышенным рискам торговли людьми, принудительных браков и эксплуатации [9]. Лагерные условия зачастую не предусматривают достаточного количества женских медицинских и психосоциальных служб [10].

Третье проявление трудности привлечения к ответственности. Международный уголовный суд сталкивается с проблемами сбора доказательств и политическим сопротивлением со стороны государств [11]. Национальные судебные системы в постконфликтных странах, как правило, не обладают ни ресурсами, ни политической волей для систематического рассмотрения таких дел [8].

К этому перечню следует добавить четвертое проявление отсутствие эффективных механизмов репараций для жертв сексуального насилия. Даже в тех редких случаях, когда виновные привлекаются к ответственности, вопросы компенсации ущерба, медицинской реабилитации и социальной реинтеграции пострадавших остаются нерешенными.

Пятое проявление дискриминация женщин в рамках самих правозащитных и гуманитарных структур: женщины-жертвы часто сталкиваются с равнодушием или некомпетентностью персонала, что создает дополнительные барьеры для доступа к помощи.

В этом контексте деятельность Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) приобретает критическое значение как связующее звено между правовыми гарантиями и их практической реализацией. МККК не только обеспечивает медицинскую и социальную помощь пострадавшим женщинам, соблюдая принципы безопасности и конфиденциальности, но и документирует факты сексуального насилия для последующего уголовного преследования [12].

При этом наследие идей Флоренс Найтингейл и Анри Дюнанна создало морально-функциональные предпосылки для кодификации защиты женщин от эмпирического наблюдения за страданиями раненых до формирования универсальных правовых стандартов [7]. Найтингейл, работая в полевых госпиталях во время Крымской войны, обратила внимание на то, что женщины-медсестры не только спасают жизни, но и становятся объектами особого вида насилия, требующего отдельного правового регулирования. Дюнан, основатель МККК, заложил принцип нейтральности и беспристрастности, который сегодня позволяет организации работать по обе стороны фронта.

Гендерный аспект постконфликтного восстановления заслуживает отдельного рассмотрения. Опыт постконфликтных стран (Руанда, Босния, Либерия, Сьерра-Леоне) показывает, что участие женщин в мирных переговорах и восстановительных процессах напрямую коррелирует с устойчивостью мира. Там, где женщины допускаются к переговорному процессу, соглашения с большей вероятностью включают положения о репарациях, медицинской помощи и социальной защите. Однако на практике доля женщин за столом переговоров остается крайне низкой: по данным ООН, в среднем менее 10 % участников мирных переговоров составляют женщины, а большинство соглашений вообще не содержат гендерных положений.

Кроме того, постконфликтное восстановление часто игнорирует специфические потребности женщин, переживших сексуальное насилие. Дети, рожденные в результате изнасилования, сталкиваются со стигматизацией как «дети врага», что усугубляет травму их матерей. Отсутствие психосоциальной поддержки приводит к хронической посттравматической симптоматике, инвалидизации и социальной изоляции. Без целенаправленных программ реинтеграции женщины, пережившие сексуальное насилие, оказываются в замкнутом круге: они не могут вернуться в прежнюю общину, но и не имеют ресурсов для самостоятельного выживания. Преодоление разрыва между нормами и реальностью требует комплексной стратегии. В нормативной плоскости целесообразна разработка дополнительного протокола к Женевским конвенциям, специально посвященного защите женщин в условиях вооруженных конфликтов [10]. Такой документ позволил бы систематизировать существующие нормы и заполнить пробелы, включая вопросы защиты женщин, задержанных по причинам, связанным

с конфликтом, а также механизмы репараций для жертв сексуального насилия [14]. Важно, чтобы в таком протоколе были четко прописаны обязательства государств по предоставлению медицинской, психологической и юридической помощи пострадавшим, а также по обеспечению безопасности жертв и свидетелей в ходе уголовного преследования.

В организационно-правовой плоскости необходимы: 1) создание специализированных механизмов расследования с использованием технологий дистанционного мониторинга [11]; 2) усиление независимых международных комиссий по расследованию с обязательным включением гендерных экспертов [3]; 3) развитие сети национальных юрисдикций на основе принципа универсальной юрисдикции в отношении сексуальных военных преступлений [4].

Кроме того, требуется внедрение обязательных гендерных модулей в программы подготовки военного и полицейского персонала, особенно перед их участием в миротворческих миссиях, а также создание постоянного механизма при ООН по мониторингу и отчетности о сексуальном насилии в конфликтах. Дополнительными мерами могли бы стать: создание международного фонда помощи жертвам сексуального насилия в конфликтах, финансируемого за счет взносов государств и конфискованных активов осужденных преступников; разработка стандартизированных протоколов судебно-медицинской экспертизы для облегчения доказывания.

Таким образом, современная практика вооруженных конфликтов обнажает системный кризис имплементации норм международного гуманитарного права в части защиты женщин [5; 13]. Этот кризис проявляется в целенаправленном обходе правовых гарантий, систематическом использовании сексуального насилия как тактики войны и формировании устойчивой стратегии безнаказанности [6]. Только через создание многоуровневой системы, объединяющей совершенствование нормативной базы, укрепление механизмов имплементации, обеспечение неотвратимости ответственности и последовательную работу МККК по трансформации институциональных и социальных установок, возможно преодоление разрыва между правовой теорией и реальным положением женщин в зонах вооруженного насилия [10; 12]. Полагаем, что в отсутствие системных изменений сексуальное насилие как тактика войны продолжит воспроизводиться в каждом новом конфликте, а женщины оставаться наиболее уязвимой и наименее защищенной категорией гражданского населения.

Список цитированных источников

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

2. Резолюция 1325 (2000) : принята 31 окт. 2000 г. // Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/d/75309.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Резолюция 1888 (2009) : принята 3 сент. 2009 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/securitycouncil/S-RES-1888-\(2009\)-Russian.pdf](https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/securitycouncil/S-RES-1888-(2009)-Russian.pdf) (дата обращения: 27.04.2026).
4. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 27.04.2026).
5. Carpenter, R. C. Recognizing Gender-Based Violence Against Civilian Men and Boys in Conflict Situations Security Dialogue / R. C. Carpenter. – 2006. – Vol. 37, No. 1. – P. 83–103. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26299999> (date of access: 27.04.2026).
6. Wood, E. J. Conflict-Related Sexual Violence and the Policy Implications of Recent Research / E. J. Wood // International Review of the Red Cross. – 2014. – Vol. 96, No. 894. – P. 457–478. – URL: <https://international-review.icrc.org/articles/conflict-related-sexual-violence-and-policy-implications-recent-research> (date of access: 27.04.2026).
7. Durand, A. From Sarajevo to Hiroshima: History of the International Committee of the Red Cross Henry Dunant Institute / A. Durand. – Geneva, 1984. – URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/publications/icrc-history-1984.pdf> (date of access: 27.04.2026).
8. "We Will Destroy You": Sexual Violence in the Conflict in Ukraine HRW Report. 2022 // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/report/2022/06/01/we-will-destroy-you/sexual-violence-conflict-ukraine> (date of access: 27.04.2026).
9. Gender-Based Violence in Displacement Settings United Nations High Commissioner for Refugees // UNHCR. – URL: <https://www.unhcr.org/media/gender-based-violence-displacement-settings> (date of access: 27.04.2026).
10. Protecting Women and Girls in Armed Conflict // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/protecting-women-and-girls-armed-conflict> (date of access: 27.04.2026).
11. Policy Paper on Sexual and Gender-Based Crimes Office of the Prosecutor // International Criminal Court. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/2021-policy-paper-sexual-and-gender-based-crimes-ENG.pdf> (date of access: 27.04.2026).
12. Sexual Violence in Armed Conflict: From Law to Practice // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/sexual-violence-armed-conflict-law-practice> (date of access: 27.04.2026).
13. Bensouda, F. Closing the Impunity Gap for Sexual Violence in Armed Conflict / F. Bensouda // Journal of International Criminal Justice. – 2019. – Vol. 17, No. 3. – P. 511–530. – URL: <https://academic.oup.com/jicj/article-abstract/17/3/511/5525472> (date of access: 27.04.2026).
14. URL: <https://www.ohchr.org> (date of access: 27.04.2026).

Malinovskaya D. V., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Faculty of Economics and Law student.

Academic advisor: Khovratova S. N., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

APPLICATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW TO THE ACTIVITIES OF JOURNALISTS DURING INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS

Маринина М. Ю.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студентка факультета международных отношений

Научный руководитель

Кодак Н. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры международного права

Аннотация. В статье рассматриваются правовые гарантии журналистов в международных вооруженных конфликтах согласно Дополнительному протоколу I раскрывается масштаб нарушений и предлагаются пути совершенствования защиты.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, защита журналистов, гарантии безопасности представителей средств массовой информации, нарушения прав журналистов, вооруженные конфликты международного и немеждународного характера, Женевские конвенции.

Annotation. The article examines the legal guarantees for journalists in international armed conflicts under Additional Protocol I reveals the scale of violations, and suggests ways to improve protection.

Keywords: international humanitarian law, protection of journalists, security guarantees for mass media representatives, violations of journalists' rights, international and non-international armed conflicts, Geneva Conventions.

Журналисты и другие представители средств массовой информации при осуществлении своих профессиональных обязанностей в условиях вооруженного конфликта нередко сталкиваются с актами насилия, направленными против них, такими как убийства, похищения, произвольные задержания, пытки, насильственные исчезновения, выдворения, домогательства, слежки, обыски и изъятие имущества, угрозы и т. п.,

которые представляют собой грубые нарушения существующих норм и принципов международного права. При этом, согласно статистике ЮНЕСКО, порядка 75 % убийств журналистов в мире произошли именно по причинам осуществления ими профессиональных обязанностей в зоне вооруженных конфликтов [1, с. 11]. По данным Комитета по защите журналистов, с 2000 по 2015 год число погибших по этим причинам репортеров увеличилось вдвое [2]. Таким образом, правоприменительную практику в рассматриваемой области все еще можно оценить как неэффективную. Ситуация усугубляется сохраняющейся актуальностью вопроса безнаказанности преступников, совершающих правонарушения в отношении сотрудников СМИ.

В ситуации вооруженного конфликта события освещают две категории журналистов: военные корреспонденты и журналисты, находящиеся в командировке в зонах конфликтов. Хотя международное гуманитарное право не дает четких определений этих категорий журналистов, оно, тем не менее, проводит между ними различие, исходя из того положения, что только военные корреспонденты имеют аккредитацию при вооруженных силах воюющей стороны и пользуются их защитой. В связи с этим следует отметить, что такое понимание термина «военный корреспондент» соответствует практике времен Второй мировой войны: военным корреспондентом признавалось лицо, носившее форменную одежду, приравнивавшееся к офицерам и находившееся в подчинении у командира того подразделения, к которому было командировано. Статус же журналиста, находящегося в командировке в зоне вооруженного конфликта, подтверждается удостоверением личности согласно Дополнительному протоколу I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. (Приложение II «Удостоверение журналиста, находящегося в опасной командировке»), выдаваемым правительством государства, гражданином которого является журналист, или на территории которого он постоянно проживает, или в котором находится информационное агентство, где он работает [3].

Таким образом, военные корреспонденты и журналисты, работающие в зонах вооруженных конфликтов, приравниваются к гражданским лицам и находятся под защитой международного гуманитарного права, если не совершают действий, противоречащих этому статусу. Однако исключительно военные корреспонденты могут претендовать на статус военнопленного, при условии наличия официального разрешения на сопровождение вооруженных сил.

Поэтому неверно считать, что журналисты, не имеющие статуса военного корреспондента, оказываясь во власти воюющих сторон, не имеют никакой защиты. Согласно нормам международного гуманитарного права журналисты не имеют особого статуса и приравниваются к гражданскому населению по объему гарантий защиты, том числе: 1) они не могут являться объектом нападения ни одной из сторон-участниц конфликта (п. 2 ст. 51 Дополнительного протокола I); 2) преднамеренное нападение,

послужившее причиной серьезного телесного повреждения или смерти, относится к военным преступлениям (ст. 85 Дополнительного протокола I) [3]. Наделение журналистов правовым статусом гражданского лица позволяет им пользоваться всеми предусмотренными для таких лиц гарантиями защиты и обеспечения безопасности, что также распространяется на ситуацию задержания или пленения журналиста.

Защита гражданских журналистов предусмотрена в ст. 79 Дополнительного протокола I в отношении которой не было сделано никаких оговорок. Эта норма закреплена во многих военных уставах и наставлениях. Она также поддерживается официальными заявлениями и отраженной в отчетах практикой, в том числе практикой государств, не являющихся участниками Дополнительного протокола I [5]. Однако на практике журналист может утратить правовую защиту в нескольких ситуациях. Это происходит, если он приближается на опасное расстояние к военным объектам или местам активных боев. Защита также исчезает, когда журналист находится непосредственно внутри вооруженного формирования. В таких случаях противник объективно лишен возможности идентифицировать представителя прессы и отличить его от комбатанта.

При любых обстоятельствах журналисты и другие представители средств массовой информации пользуются гарантиями, установленными ст. 75 Дополнительного протокола I 1977 г., которая запрещает, в частности, насильственные действия, создающие угрозу жизни или здоровью людей, находящихся во власти сторон в конфликте, пытки любого рода, посяательства на человеческое достоинство и взятие в заложники [3]. Помимо этого данная статья предоставляет гарантии беспристрастного судебного разбирательства по отношению к заключенным, задержанным за наказуемые преступления. При этом содержащиеся под стражей представители прессы пользуются одними и теми же гарантиями вне зависимости от того, происходит ли их задержание в связи с международным или немеждународным вооруженным конфликтом.

Следует подчеркнуть, что международное гуманитарное право предусматривает значительно меньше гарантий защиты для журналистов в период немеждународного вооруженного конфликта, что обусловлено проблемой защиты государственного суверенитета. Отсутствие четких критериев идентификации немеждународного вооруженного конфликта и минимальные гарантии прав сотрудников СМИ в таких условиях позволяют сторонам манипулировать статусом ситуации и устанавливать меньшие гарантии по сравнению с конфликтами международного характера.

Хотя в Дополнительном протоколе II нет особого положения о гражданских журналистах, их иммунитет от нападения основан на запрещении нападений на гражданских лиц, если и пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях. Этот вывод применялся на практике даже до принятия Дополнительных протоколов. Бразилия в 1971 году

и Германия в 1973 году заявили на заседании Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН, что журналисты пользуются защитой в качестве гражданских лиц, в соответствии с принципом проведения различия [5].

Защита прав журналистов в вооруженных конфликтах в различных странах обеспечивается международными организациями, которые разрабатывают рекомендации по улучшению гарантий их прав и механизмов защиты, а также совершенствуют правовое регулирование деятельности сотрудников СМИ. В частности, среди подразделений ООН эту проблематику решают Комитет по защите журналистов, ЮНЕСКО и ЮНОПС. Понимая важность проблемы в современном мире, ООН приняла ряд документов, дополняющих резолюцию № 1738 Совета Безопасности, направленных на борьбу с безнаказанностью нарушителей прав журналистов. Ключевым шагом, подчеркивающим обеспокоенность ООН безопасностью сотрудников СМИ, стало утверждение в 2012 году Плана действий ООН по защите журналистов, включая зоны международных конфликтов [4, с. 82]. В рамках этого Плана предусмотрены меры по созданию постоянных комиссий для расследования нарушений прав и убийств журналистов, а также другие инициативы по оптимизации механизмов правоприменения для обеспечения гарантий свободы слова и выражения мнения во всем мире. Тем не менее, несмотря на возросшую активность ООН, предпринимаемые международным сообществом усилия следует признать минимальными, а их недостаточность подтверждается статистическими данными о нарушениях прав журналистов и их гибели в зонах конфликтов.

В заключении можно сделать вывод о том, что нормы международного гуманитарного права предусматривают объем гарантий для журналистов, осуществляющих свою профессиональную деятельность в условиях международных вооруженных конфликтов. Статьи 75, 79 Дополнительного протокола I а также ст. 51 и 85 запрещают любые нападения, насилие и бесчеловечное обращение, пытки любого рода, посягательства на человеческое достоинство и взятие в заложники. Статья 75 гарантирует беспристрастное судебное разбирательство по отношению к заключенным, задержанным за наказуемые преступления. ООН усиливает эти нормы резолюцией 1738, Планом действий 2012 г. и работой ЮНЕСКО, борясь с безнаказанностью через расследования и международное сотрудничество.

В результате проведенных исследований предлагается расширить сферу действия норм международного гуманитарного права на ситуацию интенсивных внутренних вооруженных конфликтов. Также предлагается зафиксировать обязательный гарантированный минимум прав журналистов при выполнении ими служебных обязанностей в условиях вооруженных конфликтов независимо от их вида. Кроме того, предлагается учредить должность Специального представителя Генерального секретаря ООН по безопасности журналистов. Создание такой должности позволит наладить взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами и сделает проблему защиты журналистов политически значимой на глобальном уровне.

Список цитированных источников

1. World trends in freedom of expression and media development. – Paris : UNESCO, 2014 // UNESCO. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000226852> (date of access: 05.05.2026).
2. Global: Killings of journalists 'more barbaric', kidnappings on rise, says RSF // Pacific Media Centre. – URL: <https://pmcarchive.aut.ac.nz/pacific-media-watch/global-killings-journalists-more-barbaric-kidnappings-rise-says-rsf-9088.html> (date of access: 06.05.2026).
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 06.05.2026).
4. Дорога к правосудию : специальный доклад Комитета по защите журналистов / Э. Митчелл [и др.] // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 1. – С. 172–179. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-i-metody-zaschity-zhurnalistov-v-mezhdunarodnom-gumanitarnom-prave/viewer> (дата обращения: 05.06.2026).
5. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право / Ж.-М. Хенкертс, J. I. Досвальд-Бек. – М.: МККК, 2006. – Т. I: Нормы. – 818 с. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/customary.pdf> (дата обращения: 06.05.2026).

Marinina M. Yu., Minsk, Belarusian State University, Faculty of International Relations student.

Academic advisor: Kodak N. A., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of International Law.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В РАЗВИТИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

THE ROLE OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW DURING ARMED CONFLICTS

Маслёная А. Д., Степаненко А. В.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,

студенты факультета экономики и права

Научный руководитель

Ховратова С. Н.

Республика Беларусь,

г. Могилев,

УО «Могилевский государственный университет

имени А. А. Кулешова»,

старший преподаватель кафедры юриспруденции

Аннотация. В статье проведен анализ теоретических и практически значимых рекомендаций, направленных на повышение эффективности исследования и имплементации норм международного гуманитарного права путем изучения имеющихся понятий у Международного Комитета Красного Креста.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, имплементация.

Annotation. The article analyzes theoretical and practically significant recommendations aimed at improving the effectiveness of research and implementation of international humanitarian law by studying the existing concepts of the International Committee of the Red Cross.

Keywords: armed conflict, international humanitarian law, implementation.

Идеи гуманизма в конце XIX начале XX в. имели огромную популярность и бесчисленное количество последователей, однако, если мы говорим о международном гуманитарном праве и его основах сегодня с представителями разных социальных классов: политики, военные, студенты мы нередко сталкиваемся со скептицизмом в отношении значимости МГП [1, с. 7].

Мнения о том, что право войны не соблюдается, а в рамках современных вооружений в целом отстает, вместе с ежедневными сообщениями в СМИ о страшных военных преступлениях в зонах конфликтов, могут ввергнуть людей в отчаяние и заронить в души членов нашего общества сомнения в том, что данная отрасль права по-прежнему актуальна и способна влиять на ход военных действий.

Однако следует отметить, что за последние десятилетия МГП развивалось очень бурно: принимались новые международные договоры, накоплена богатейшая международная и внутригосударственная судебная практика, кроме того, вооруженные силы во многих странах начали обучать своих военнослужащих МГП. Все эти изменения являются замечательным достижением и отражают растущую осведомленность о международном гуманитарном праве и интерес к нему.

Право вооруженных конфликтов представляет собой самостоятельную отрасль международного публичного права. Специфика данной отрасли состоит в том, что она регулирует конкретную область межгосударственных отношений, а не все эти отношения в целом. Данная правовая область закрепляет конкретные правила и алгоритмы поведения участников боевых действий. Кроме того, действие права конфликтов носит временный характер: оно применимо исключительно в период ведения военных действий. По окончании боевых столкновений отношения между бывшими противниками, как правило, переходят в русло мирного сосуществования, регулируемого иными нормами международного права. Исключение составляют лишь те положения, которые касаются вопросов ответственности за нарушения или заключения соглашений о перемирии и мирном договоре, поскольку они сохраняют юридическую силу и после завершения войны [3].

Совокупность документов международного гуманитарного права (далее – МГП), как показывает реальная политическая практика, оказывает существенное влияние на процессы урегулирования современных вооруженных конфликтов. Основной целью Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) является реализация существующих норм МГП в их полном объеме [4].

Одновременно с этими очевидными успехами, широкая общественность получает все больше информации о вооруженных конфликтах по всему миру. И все ярче прослеживается, что четкое понимание разницы между неизбежно трагическими последствиями войны и нарушениями ее законов нередко отсутствует. Война по самой своей природе разрушительное явление. Но цель МГП не в том, чтобы прекратить войны. Это задача другой отрасли права, закреплённой в Уставе ООН. Исполнение ее положений дело международного сообщества.

В действительности главная задача МГП установить ограничения на действия во время войны и смягчить разрушительные последствия конфликтов, насколько это возможно. Негативное видение МГП, которое сегодня транслируют многие средства массовой информации, может привести

к трагическим последствиям. Если все решат, что МГП нарушают все, возникнет серьезная опасность того, что такое поведение станет восприниматься как норма. Нормализация нарушений может обернуться катастрофой для людей, страдающих от вооруженных конфликтов [2].

Сосредоточение внимания только на нарушениях этого права может со временем лишить его легитимности и оставить в стороне многие ситуации, в которых оно эффективно соблюдается (больницы и системы водоснабжения остаются нетронутыми, гражданское население щадят, лица, содержащиеся под стражей, получают гуманное обращение).

Составные части Движения играют важную роль в достижении цели по распространению знаний о международном гуманитарном праве, дополнительно усиливая работу по обеспечению соблюдения МГП в соответствии с договорами МГП и Уставом Движения. Национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца уполномочены сотрудничать со своими правительствами с целью обеспечения соблюдения МГП и защиты отличительных эмблем, признанных Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним.

МККК в соответствии с договорами МГП и Уставом Движения уполномочен добиваться добросовестного применения международного гуманитарного права; он выполняет функцию хранителя МГП.

Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца уполномочена помогать МККК в продвижении и развитии МГП и сотрудничать с ним в области распространения среди национальных обществ знаний и информации об этом праве и об Основополагающих принципах.

Мандат МККК вступает в деятельности при чрезвычайных ситуациях, коим и являются вооруженные конфликты как международного так и немеждународного характера, при этом МККК пропагандирует уважение к нормам международного гуманитарного права, и акцентирует внимание, а также всячески способствует его имплементации в национальные законодательства. Чтобы нормы и принципы МГП могли эффективно защищать людей во время вооруженных конфликтов, они должны быть известны, их необходимо имплементировать и соблюдать везде и всякий раз, когда они применимы [2]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что для достижения данной цели необходимо:

1. Эффективная имплементация МГП требует принятия соответствующего национального законодательства и развития и поддержания культуры уважения к прав. Государства должны принимать меры для включения норм МГП в национальные законы, иные нормативно-правые акты и директивы; обеспечивать понимание и соблюдение норм МГП военнослужащими на всех должностных уровнях и другими заинтересованными сторонами на национальном уровне; принимать конкретные меры для обеспечения соблюдения права и надлежащего реагирования на любые его нарушения.

2. Государствам рекомендуется рассмотреть возможность усиления воздействия работы национальных комитетов и аналогичных органов по МГП и содействия сотрудничеству между ними, изучения новых способов распространения информации о МГП для повышения уровня знаний и влияния на поведение, а также в целом использовать все имеющиеся возможности диалога по эффективным методам обеспечения соблюдения МГП. Учитывая широкий спектр вопросов, связанных с этой обязанностью, чрезвычайно важное значение имеет согласованность действий различных правительственных учреждений и структур, вооруженных сил и гражданского общества.

Также важно отметить, что деятельность МККК не ограничивается работой с правительствами и документами, Комитет всегда выступает в поддержку уважительного отношения к лицам, пострадавшим от вооруженного конфликта. Например, МККК старается понять, в чем состоят особые потребности семей лиц, пропавших без вести и как они могут быть удовлетворены местными или иными структурами. МККК также постоянно привлекает внимание к этой проблеме: чем выше уровень ее понимания, тем короче списки пропавших без вести, тем меньше безымянных могил и тем меньше разрушенных семей.

Считается, что государствам и МККК, работая вместе, прежде всего необходимо выявлять потребности этих людей и принимать комплексные меры по оказанию им помощи, осуществляя для этого разноплановую деятельность, а также поддерживая и мобилизуя усилия друг друга [3].

В целях совершенствования вопросов и проблем, которые касаются лиц, пропавших без вести, а также организации сотрудничества между государственными органами Республики Беларусь и международными неправительственными организациями по вопросам обеспечения эффективной работы по лицам пропавшим без вести, полагаем:

1. Следует повысить осведомленность и компетентность органов внутренних дел при расследовании безвестно пропавших лиц, связанных с катастрофами, ситуациями насилия внутри страны, а также военных конфликтов. Данные понятие мало соотносятся с внутренней ситуацией в нашей стране, однако высокоэффективная работа, ведущаяся в судебно-экспертных службах МККК могла привнести значительный вклад, в имеющиеся методики и правила расследования категории таких дел, адаптированные в рамках условий нашей страны.

2. Считаем, необходимое включение практики составления набора данных содержащего необходимый минимум информации для начала розыска пропавших без вести, с учетом анализа основных принципов защиты данных при расследовании и обеспечении розыска лиц пропавших без вести.

3. Обеспечение сотрудничества между государственными органами Республики Беларусь и МККК, с возможностью дальнейшего обмена

опытом расследования дел лиц, пропавших без вести. Привлечение судебных экспертов Республики Беларусь к разработке стандартов и рекомендаций, в соответствии с практическим опытом, в вопросах судебных экспертиз, по вопросам лиц, пропавших без вести.

Подводя итог всему вышеизложенному, говоря об эффективности норм международного гуманитарного права, можно сделать вывод о том, что результат реализации данных норм оказывает колоссальную поддержку лицам, затронутым военным конфликтом. Однако, необходимо учесть, что данный результат во много зависит от деятельности и позиции Международного Движения Красного Креста, например, именно МККК организует совещания и обсуждает возможность принятия новых норм, а также готовит проекты документов для рассмотрения на дипломатических конференциях. Тем самым, МККК играет роль катализатора развития гуманитарного права. Однако, на наш взгляд, учитывая количество и опасность вооруженных конфликтов в XXI в., усилия по кодификации и прогрессивному развитию международного гуманитарного права, укреплению режима имплементации его норм, применяемых в условиях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, в том числе в случаях интернационализации последних, должны исходить от всего мирового сообщества.

Список цитированных источников

1. Кабуш, В. Т. Гуманистическая мысль история и практика воспитания : учеб.-метод. пособие / В. Т. Кабуш, А. В. Трацевская / ГУО «Акад. последиплом. образования». – Мн. : АПО, 2019. – 408 с.
2. Современные задачи МГП // Международный Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru>. (дата обращения: 01.05.2026).
3. Сфера применения права во время вооруженных конфликтов // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/publications/eric-david-principles-3.pdf> (дата обращения: 02.05.2026).
4. Эволюция войны с точки зрения гуманитарной организации: на примере МККК, 1863–196 гг. // Междунар. журнал Красного Креста. – URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC_900_extractRUS_How_warfare_has_evolved.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

Maslenaya A. D., Stepanenko A. V., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Faculty of Economics and Law students.

Academic advisor: Khovratova S. N., Mogilev, A. A. Kuleshov Mogilev State University, Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF WOMEN IN ARMED CONFLICTS

Неборская С. В.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Военная академия Республики Беларусь»,

курсант факультета ракетных войск и артиллерии

и ракетно-артиллерийского вооружения

Научный руководитель

Коваль В. В.

Республика Беларусь,

г. Минск,

УО «Военная академия Республики Беларусь»,

старший преподаватель кафедры

идеологической работы и социальных наук,

магистр юридических наук

Аннотация. В статье дан анализ проблемных вопросов защиты женщин в условиях вооруженных конфликтов и реализации норм международного гуманитарного права в случаях нарушения действующего законодательства с приведением конкретных примеров насилия и агрессии.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, защита женщин, международное гуманитарное право, насилие, военные преступления.

Annotation. The article provides an analysis of problematic issues of protecting women in armed conflicts and implementing the norms of international humanitarian law in cases of violation of current legislation, citing specific examples of violence and aggression.

Keywords: armed conflict, protection of women, international humanitarian law, violence, war crimes.

Права женщин и гендерные вопросы в условиях вооруженных конфликтов являются одной из самых актуальных тем в настоящее время. Современный мир, несмотря на наличие развитой системы международного права и таких организаций, как ООН, продолжает сталкиваться с ужасами войны. Во всех вооруженных конфликтах наибольший процент потерь приходится на такую категорию лиц, находящихся под защитой международного гуманитарного права, как гражданское население, особенно это касается женщин и детей.

Актуальность описываемой проблемы, заключающейся в широком распространении фактов насилия и агрессии по отношению к женщинам, как наиболее социально незащищенному слою населения во время вооруженных конфликтов, обусловлена трагичностью судеб многих женщин как в XX, так и в XXI веке. В 1995 году в Пекине на четвертой Всемирной конференции по положению женщин последствия военных конфликтов для женщин были определены как одна из двенадцати важнейших проблемных областей, требующих немедленных действий. В 2000 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1325 о женщинах, мире и безопасности.

Вооруженные конфликты и ситуации нестабильности усугубляют уже существующие модели дискриминации в отношении женщин и девочек, подвергая их высокому риску стать жертвами нарушений прав человека. При этом, декларирование прав женщин не гарантирует непереносимое уважение законов и обычаев войны и их имплементацию в национальное законодательство, а возрастание количества вооруженных противостояний, особенно в отдельных регионах мира, ставит под угрозу соблюдение прав женщин на жизнь.

Международно-правовая защита женщин в вооруженных конфликтах должна гарантировать защиту этих гражданских лиц, запрещая различные формы насилия, в том числе изнасилования и принудительную проституцию, закрепляя особый статус женщин. Данная проблема включает различные аспекты, такие как неэффективное соблюдение правовых норм, безнаказанность за сексуализированное насилие и недостаток участия женщин в мирных процессах, что требует укрепления механизмов ответственности [1, с. 78].

Декларация об искоренении насилия в отношении женщин провозглашена резолюцией № 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1993 г. и признает настоятельную необходимость ее применения в отношении женщин, их прав и принципов, касающихся равенства, безопасности, свободы, неприкосновенности и достоинства, как и всех людей. Эти права и принципы закреплены в международных документах, а именно во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Насилие в отношении женщин во время вооруженных конфликтов является примером исторически неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, которое привело к доминированию над ними. Особо подвержены насилию женщины-беженцы, женщины-мигранты, женщины, лишенные средств к существованию, девочки, пожилые женщины.

В связи с этим, нами выделены следующие ключевые аспекты описываемой проблемы.

Во-первых, существующая нормативно-правовая база. Женщины защищены Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним, которые требуют уважения их личности, чести и права. Права человека являются важной ценностью, признаваемой во всем мире. Женщины наиболее уязвимы во время вооруженного конфликта [2].

Во-вторых, это сексуализированное насилие. Массовые изнасилования и сексуальное рабство используются как методы ведения войны, требуя жесткой квалификации в качестве как военных преступлений, так и преступлений против человечности.

В-третьих, уязвимость. Женщины подвергаются повышенному риску при перемещении, потере кормильца, отсутствии доступа к медицинской помощи и сложности привлечения виновных.

В-четвертых, наличие резолюции Совета Безопасности ООН № 1325 (2000 год), которая является важным правовым инструментом, призывающая к защите женщин и их активному участию в урегулировании конфликтов, что на практике трудно реализуемо.

В-пятых, гендерное насилие как оружие. Подразумевает использование изнасилования зачастую как способа устрашения или в качестве «трофея» победителя.

В-шестых, это безнаказанность, которая заключается в сложности сбора доказательств и нежелание сторон конфликта расследовать преступления против женщин.

В-седьмых, сложность доступа к правосудию, поскольку возможности женщин обратиться в международные судебные инстанции (МУС и ЕСПЧ) в зонах вооруженных конфликтов весьма ограничены.

Наконец, в-восьмых, это продолжающаяся трансформация конфликтов. В немеждународных вооруженных конфликтах (внутренних войнах) соблюдение стандартов международного гуманитарного права контролировать еще труднее, чем в международных.

Как уже упоминалось, механизм защиты женщин в период вооруженных конфликтов подкрепляется нормативно-правовой базой, в первую очередь, Женевскими конвенциями 1949 г. В них входят положения о том, что женщины-военнопленные защищены международным гуманитарным правом и процедурами реагирования на нарушение норм о запрете насилия наравне с мужчинами. Так действуют те страны, которые подтвердили договоренности на законодательном уровне, и используют для их выполнения возможности таких организаций, как Международный Комитет Красного Креста, Всемирная организация здравоохранения и другие.

Кроме того, в п. 23 приложения к резолюции № 1990/15 Экономического и Социального Совета от 24 мая 1990 года говорится о том, что насилие в отношении женщин должно сопровождаться срочными и эффективными мерами по ликвидации насилия, а резолюция № 1991/18 Экономического и Социального Совета от 3 мая 1991 г. рекомендует разработать основу

для международного документа для рассмотрения проблемы насилия в отношении женщин, создавая также женские движения по всему миру.

Вооруженные конфликты влекут за собой множество примеров нарушения прав женщин.

Наиболее уязвимой в нарушении прав женщин в условиях войн отмечена такая африканская страна, как Нигерия, ввиду продолжительного внутривластного кризиса, начавшегося с образования исламистской террористической группировки «Боко Харам», которая стремилась к захвату власти и использованию женщин и детей в боевых отрядах, похищению и изнасилованию женщин и несовершеннолетних девочек. Деятельность этой запрещенной организации сопровождалась периодическим насилием, в состоянии которого женщинам приходилось выживать. История Нигерии отягощена колониальным прошлым и государственными переворотами, а также внутренним произволом и хаосом из-за вооруженного столкновения между нигерийской армией и террористами исламской группировки. С 2012 года в этой стране боевики начали вести агрессивные и насильственные акты против гражданского населения, в том числе в школах, где были уничтожены и ранены ими школьники и учителя. Начиная с 2014 года в этой группировке насилие против женщин усилилось.

Так, в воспоминаниях 20-летней жительницы Нигерии Рукаи Ибрагим содержатся упоминания о том, что «повстанцы хотят, чтобы все исповедовали их религию», а женщин, «оставшихся без мужей, они насильно выдавали замуж и хотели, чтобы все носили оружие, даже женщины». Это является важным фактом, свидетельствующим о неправомерной жестокости, посягательстве на жизнь и насильственной милитаризации женщин. На этом фоне в Нигерии появилось протестное движение «Верните наших девочек», в дальнейшем получившую всемирную огласку. Активистки этого движения выходили с плакатами, содержащими информацию о похищенных ученицах, из которых 57 сбежали из плена, 3 были найдены, 103 освобождены и более 11 девочек считались без вести пропавшими. До 2018 года похищение девочек и женщин в этой стране продолжалось. Последнее похищение произошло 18 ноября 2025 г., и ни одна из военных группировок не взяла на себя ответственность за это. В Нигерии девочки и женщины по сей день подвергаются насилию и сексуальному рабству в период бесконечных вооруженных конфликтов и под воздействием террористических организаций в стране [3].

Еще одним негативным примером является «Нанкинская резня» кровавая страница японо-китайской войны. Началась 13 декабря 1937 г, в ходе вооруженного конфликта в бывшей столице Китая, городе Нанкин, где японские военные совершили массовые посягательства на жизни населения и насилие над женщинами. «Нанкинская резня» продолжалась шесть недель, при этом унесла жизни до 30 00 мирных китайцев, в том числе разоруженных китайских военных. В ходе нее применялись посягательства

на жизни беременных женщин, девушек и малолетних граждан, которых везли их целыми колоннами машин для пыток, сексуального насилия.

В настоящее время наибольшее распространение в мире получили следующие преступные нарушения норм международного гуманитарного права в отношении женщин:

- сексуализированное насилие. В 2019 году эту проблему обсуждали в Совете Безопасности ООН. Была принята резолюция № 2467 «О сокращении числа случаев сексуализированного насилия», при этом два постоянных члена Совета Безопасности ООН воздержались от голосования. В апреле 2022 года специальная представительница ООН сообщила, что ни одна из десяти существующих резолюций ООН не смогла защитить женщин на территории военных конфликтов ни в Афганистане, ни в Мьянме, ни в Эфиопии;

- сексторшен. Этот термин, который состоит из трех признаков (злоупотребление властью, обмен одной услуги на другую, психологическое принуждение) ввела Международная ассоциация женщин-судей в 2008 году. С этой проблемой сталкиваются женщины, думая о детях и чем их кормить, или перейти границу с другим государством, чтобы оказаться в безопасности, но у них нет денег, и оказывается, что за эту услугу им нужно отдать свою честь, так как у них нет выбора;

- торговля людьми. Международная организация труда в докладе 2017 г. отмечает, что по статистике за 2016 год 4 млн людей стали жертвами современного рабства, а на каждую тысячу человек в мире приходилось 5,4 жертвы современного рабства, а именно сексуальное рабство в 50 % и принудительный труд в 38 % случаев. Из них доли выявленных жертв торговли по группам составляют: 46 % женщин, 20 % мужчин, 19 % девочки до 18 лет, 15 % мальчики до 18 лет.

Таким образом, правовое регулирование защиты женщин в условиях вооруженных конфликтов содержит немало «серых зон». По нашему мнению, «Оговорка Мартенса», требующая проявлять сдержанность в ведении любых боевых действий, а также руководствоваться принципами гуманизма, должна получить развернутый характер и свое распространение на любые возможные конфликтные ситуации вне зависимости от их причины и интенсивности.

Список цитированных источников

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин : провозглашена резолюцией 48/104 Генер. Ассамблеи ООН от 20 дек. 1993 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

2. «Как войны влияют на права женщин?» // Насилию.нет. – URL: <https://nasiliu.net/pronasilie/kak-vojny-vliayut-na-prava-zhenshhin/> (дата обращения: 15.03.2026).

3. Тарвердян, С. А. Нарушение прав женщин во время вооруженных конфликтов и деятельность международных организаций по их защите (на примере Федеративной Республики Нигерия) / С. А. Тавердян // Молодой ученый. – 2025. – № 47. – С. 298–301.

Neborskaya S. V., Minsk, Military academy of the Republic of Belarus, cadet of the Faculty of Missile Forces and Artillery and Missile and Artillery Weapons.

Academic advisor: Koval U. U., Minsk, Military academy of the Republic of Belarus, Senior Lecturer at the Department of Ideological Work and Social Sciences, Master of Laws.

МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБЪЕКТОВ

INTERNATIONAL CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE NORMS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE FIELD OF PROTECTION OF CIVILIAN POPULATIONS AND OBJECTS

Островская А. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент факультета международных отношений

Научный руководитель

Андриенко В. М.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры международного права

Аннотация. На основе анализа международных актов и доктринальных источников определены механизмы реализации международной уголовной ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права в области защиты гражданского населения и объектов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, международная уголовная ответственность, Международный уголовный суд, гражданские лица, универсальная юрисдикция, трибуналы ad hoc.

Annotation. Based on an analysis of international sources and doctrinal sources, mechanisms for implementing international criminal responsibility for violating the norms of international humanitarian law in the area of protecting civilians and objects have been identified.

Keywords: international humanitarian law, international criminal liability, International Criminal Court, civilians, universal jurisdiction, ad hoc tribunals.

Современное международное гуманитарное право (далее – МГП) устанавливает четкие правовые рамки ведения военных действий с целью защиты и минимизации ущерба гражданскому населению и гражданским объектам. Однако, несмотря на установленные твердым правом обязательства, нормы МГП систематически нарушаются.

Так, в ходе вооруженного конфликта США и Израиля с Ираном 28 февраля 2026 г. США нанесли авиаудар по территории Ирана, г. Минаб, в результате которого погибли около 168 учеников начальной школы, в основном дети 7–12 лет [1]. Несмотря на то, что удар не был целенаправленным и стал следствием устаревших разведывательных данных, США обвиняются в нарушении обязанности сделать все возможное для проверки того, что намеченная цель является военным объектом, в соответствии со ст. 57 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1977 г. [2].

Использование неуправляемых бомб сторонами вооруженного конфликта в Судане (с апреля 2023 года по настоящее время), массовые преступления, этническое насилие, казни и нападения на мирных жителей приводит к чрезвычайным гуманитарным последствиям, как заявляет ООН, и по словам заместителя Генерального секретаря по гуманитарным вопросам и координатором чрезвычайной помощи ООН Т. Флетчера, свидетельством провала системы защиты мирного населения и международного права [3].

Для усиления политической приверженности МГП с соответствующей глобальной инициативой в 2024 году выступили Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) совместно с Китаем, Казахстаном, Бразилией, Иорданией, Францией и ЮАР. По данным на январь 2026 года к данной инициативе официально присоединились 99 стран, представляющих все регионы мира [4].

Тем не менее, нарушение норм МГП в области защиты гражданского населения и объектов остается принципиальной проблемой международного права и требует совершенствования соответствующих превентивных механизмов, где ключевым является привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений, геноцида и нарушении иных норм МГП в исследуемой области.

В международно-правовых нормах определения понятия «международная уголовная ответственность» не содержится. В доктринальных источниках данный вид ответственности определяют как особый вид ответственности физических лиц за совершение преступлений, затрагивающих международный мир и безопасность [5, с. 581; 6]. Ключевым принципом международной уголовной ответственности является ее личный характер, что подтвердил Совет Безопасности ООН в своей Резолюции 764 1992 г., указав, что все стороны в конфликте должны соблюдать свои обязательства по МГП и что лица, которые нарушают Женевские конвенции или отдают приказ об их грубом нарушении, несут личную ответственность за такие нарушения [7]. Данный подход был определен еще Принципами Нюрнбергского трибунала, провозгласившими, что действие лица в качестве главы государства или совершение противоправных деяний во исполнение приказа своего правительства или начальника не освобождает его от ответственности (принципы III IV) [8].

Реализация международной уголовной ответственности, в частности, за нарушение норм в сфере защиты гражданского населения, возможна

двумя способами: посредством привлечения к ответственности международными судебными органами (международные трибуналы, а также Международный уголовный суд (далее – МУС)) или национальными судами на основе принципа универсальной юрисдикции.

Трибуналы *ad hoc* сформировали основу современного механизма привлечения к международной ответственности за нарушение норм МГП. Впервые в истории лица понесли индивидуальную ответственность за совершенные ими военные преступления в процессе Нюрнбергского и Токийского трибуналов. В частности, последний был создан в соответствии с п. 1 Потсдамской декларации 1945 г., где подчеркивалось: «все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над пленными, должны понести суровое наказание» [9]. Одним из пунктов обвинения была «Нанкинская резня», событие, вследствие которого было убито более 5 тыс. гражданских лиц. Так, процесс послужил отправной точкой для нормативного закрепления положений по защите гражданского населения именно на договорной основе в Женевских конвенциях 1949 г.

Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), учрежденный в 1993 году резолюцией Совета Безопасности ООН 827, внес вклад в развитие норм по защите гражданского населения, дав определения различным видам преступлений против человечности (например, «этнические чистки» в деле Д. Тадича [10]) и военным преступлениям. Важным стало также рассмотрение дела об осаде Сараево самой длительной осады в истории Новейшего времени. Трибунал установил, что систематические обстрелы гражданских объектов (рынков, больниц, жилых кварталов) и вооруженные атаки на гражданских лиц являются военными преступлениями [11]. В деле С. Галича было отмечено, что терроризирование гражданского населения является самостоятельной формой военного преступления, запрещенной ст. 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям [11, para. 31, 64].

В то же время МТБЮ обратил внимание и на защиту гражданских объектов, в частности, культурного наследия. В деле Прокурор против П. Стругара трибунал признал разрушение исторических памятников и объектов культурного наследия военным преступлением, подчеркнув, что такие объекты находятся под защитой международного права [12, para. 299–306].

Так, за время работы МТБЮ подтвердил и развил важную идею систематические преступления против гражданского населения могут и должны быть расследованы даже в условиях продолжающегося конфликта, и к ответственности должны быть привлечены все лица, их совершающие, вне зависимости от статуса.

Международный трибунал по Руанде 1994 г. также развивал нормы по защите гражданского населения. В деле Прокурор против Ж.-П. Акайесу трибунал вынес первый в истории приговор за преступление геноцида.

Было установлено, что убийства гражданских лиц (этнических тутси) представляли собой акт геноцида по смыслу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. Кроме того, в упомянутом выше деле трибунал признал изнасилования как преступления против человечности, что повлияло на его закрепление в качестве такового в Римском статуте. В вышеупомянутом деле отмечается, что изнасилование является унижением достоинства личности, что рассматривается как серьезное нарушение ст. 3, общей для Женевских конвенций, а значит, и как военное преступление [13, para. 597–599].

Специальный суд по Сьерра-Леоне, учрежденный в 2002 году, внес неоценимый вклад в развитие принципа индивидуальной уголовной ответственности, впервые осудив главу государства за преступления против человечности и военные преступления, совершенные на территории другого государства в деле Ч. Тейлора. Он был признан виновным, в частности, в подстрекательстве к убийствам гражданских лиц, изнасилованиям и вербовке детей-солдат [14].

Таким образом, трибуналы *ad hoc* конкретизировали нормы МГП применительно к защите гражданского населения, закрепленные в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, квалифицировав военные преступления путем толкования соответствующих конвенций, и продемонстрировали, насколько широко могут применяться нормы, касающиеся защиты гражданского населения, на практике. Более того, эта конкретизация стала основанием для разработки положений Римского статута 1998 г.

МУС стал логичным продолжением опыта трибуналов *ad hoc*. Сейчас Суд является единственным постоянно действующим международным органом, уполномоченным привлекать лиц к международной ответственности за совершение военных преступлений, включая нарушения МГП в отношении гражданского населения и объектов. В данном аспекте значимость МУС заключается в том, что он институционализировал механизм, *de jure* не зависящий от воли государства (при условии членства в Римском статуте), на территории которого совершены преступления или если они совершены его гражданами. Если государство-участник Статута не желает и(или) не способно проводить расследование, Прокурор МУС уполномочен начать разбирательство [15, ст. 13].

Анализ дел, находящихся в производстве МУС за весь период существования, показывает высокую частоту совершения преступлений против гражданского населения и объектов. Так, например, в октябре 2025 года Суд вынес обвинительный приговор А. М. Али Абд-аль-Рахману и назначил 2 лет тюремного заключения за совершение преступлений против человечности и военные преступления, в том числе систематические операции против деревень и городов в Дарфуре (населенных преимущественно членами племени фур), а также убийства, покушения на убийство, пытки, изнасилования, грабежи, насильственное перемещение, преследования и посягательства на личное достоинство [16, para. 15, 16].

Расследование ситуации в Мали привело к осуждению в 2016 году Ахмада Аль-Факи Аль-Махди за умышленное нападение на исторические и религиозные объекты в Тимбукту, явно составляющие часть гражданских объектов. Дело стало первым в своем роде, квалифицировавшим, что уничтожение религиозного наследия, неразрывно связанного с гражданским населением, является военным преступлением [17].

Тем не менее, международный судебный механизм может быть недоступным или неэффективными. Прежде всего, проблемой является ограниченная юрисдикция. Из 193 государств – членов ООН лишь 125 являются участниками Статута. Такие страны, как США, Россия, Китай, Индия, не признают юрисдикцию суда. Это означает, что военные преступления против гражданского населения, совершенные на территории этих стран или их гражданами, не могут быть рассмотрены МУС без решения Совета Безопасности ООН, что часто блокируется правом вето. Кроме того, МУС не имеет собственных полицейских сил. Ордер на арест, выданный им, например, в отношении президента Судана Омара аль-Башира еще в 2009 году, обвиненного в военных преступлениях и преступлениях против человечности в Дарфуре, остается неисполненным до сих пор, так как МУС не рассматривает дела отдельных лиц, если они не присутствуют в зале суда. Осуществление правосудия блокируется.

В соответствии с Пристонскими принципами 2001 г., универсальная юрисдикция определяется как уголовная юрисдикция, основанная исключительно на характере преступления, независимо от места совершения преступления, гражданской принадлежности исполнителя или потерпевшего, или любой другой связи с государством, осуществляющим такую юрисдикцию [18]. Полагаем, применительно к защите гражданского населения и объектов принцип универсальной юрисдикции заключается в том, что преступления против таких лиц и объектов наносят ущерб не только конкретному государству, но и всему международному сообществу. Такие преступления затрагивают основы человечности, поэтому любое государство может выступать в роли защитника международного правопорядка.

Пристонские принципы устанавливают неисчерпывающий перечень преступлений, к которым применим механизм универсальной юрисдикции. Так, нападения на гражданское население, неизбирательные атаки, уничтожение гражданских объектов прямо подпадают под действие принципа, исходя из определения военных преступлений в соответствии с Римским статутом 1998 г. В контексте нарушения норм МГП договорная основа для осуществления универсальной юрисдикции была заложена четырьмя Женевскими конвенциями 1949 г. о защите жертв войны она была предусмотрена в случае серьезных нарушений положений конвенций. В каждой из Конвенций есть нормы (ст. 49, 50, 129 и 146 соответственно), обязывающие государства разыскивать лиц, которые, как предполагается, совершили такие нарушения, и, независимо от гражданства, предавать их своему суду, либо выдавать их для предания суду другому государству-участнику, имеющему достаточные основания для их обвинения.

Примером реализации принципа универсальной юрисдикции может служить дело, рассмотренное в 2025 году судом в Германии, где суд вынес пожизненный приговор 33-летнему сирийцу, руководившему ополчением, воевавшим на стороне режима Б. Асада во время гражданской войны в Сирии. Он признан виновным в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Суд постановил, что под командованием обвиняемого отряды ополчения совершали жестокие нападения на мирных жителей-суннитов в городе Бусра аль-Шам на юге Сирии [19]. Наглядно продемонстрировано применение универсальной юрисдикции: преступления совершались на территории Сирии, гражданином Сирии и против сирийских граждан, однако приговор вынес немецкий суд.

В 1996 году в испанском суде начался судебный процесс над несколькими аргентинскими военными офицерами. Офицеров обвиняли в похищении и убийстве испанских граждан во время правления военной хунты в Аргентине с 1976 по 1983 год. Аргентина категорически отказалась сотрудничать, утверждая, что испанский суд не обладает юрисдикцией в отношении действий, совершенных в Аргентине, и что офицеры уже были осуждены аргентинским судом и впоследствии помилованы президентом Аргентины. Однако испанский суд заявил, что обладает юрисдикцией в отношении этих действий, отметив, что преступления против человечности могут преследоваться по закону где угодно [по 20, с. 148].

Вместе с тем в международном праве отсутствует консенсус касательно вопроса о том, является ли универсальная юрисдикция правом или обязанностью государств. В преамбуле Римского статута закрепляется обязанность осуществлять юрисдикцию в отношении международных преступников. Для реализации указанной обязанности, как справедливо отмечает Н. А. Сафаров, государства должны иметь все юридические возможности, включая универсальную юрисдикцию [21, с. 191]. Однако в докладе Генерального секретаря ООН указывается, что в отношении универсальной уголовной юрисдикции в подлинном смысле отдельные государства отмечают ее диспозитивный характер, выражающийся в наличии у государства скорее права, чем обязанности такую юрисдикцию установить. В то же время очевидно, что договорная универсальная юрисдикция является обязательной для участников в силу норм международного договора [22].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что создание трибуналов *ad hoc*, Международный уголовный суд и применение принципа универсальной юрисдикции являются эффективными механизмами обеспечения международной уголовной ответственности за нарушение норм МГП в области защиты гражданского населения и объектов. Однако следует отметить, что все эти механизмы находятся под давлением политических интересов государств. Неотвратимость ответственности за преступления против гражданских лиц остается, скорее, целью, чем отражением реальности, в то время как гражданское население продолжает оставаться наиболее уязвимой категорией в период вооруженных конфликтов несмотря на широкую договорную основу его защиты. По нашему

мнению, дальнейшее развитие международной ответственности за совершение таких преступлений должно идти по пути расширения числа участников Римского статута и укрепления МУС. Только сочетание исторического опыта трибуналов *ad hoc*, постоянно действующего международного правосудия и активного применения универсальной юрисдикции может создать условия, при которых ни один военный преступник, виновный в нападении на гражданских лиц или уничтожении гражданских объектов, не сможет избежать справедливого наказания.

Список цитированных источников

1. Виновные в смертоносном и незаконном ударе США по школе в Иране, в результате которого погибли более 10 детей, должны быть привлечены к ответственности // Amnesty International. – URL: <https://www.amnesty.org/ru/latest/news/2026/03/usa-iran-those-responsible-for-deadly-and-unlawful-us-strike-on-school-that-killed-over-100-children-must-be-held-accountable/> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 20.04.2026).
3. Конфликт в Судане: ООН предупреждает о масштабных нарушениях и призывает к немедленному прекращению боевых действий // UN news. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/10/1466722> (дата обращения: 20.04.2026).
4. В 2026 году в Иордании в рамках глобальной инициативы по усилению политической приверженности международному гуманитарному праву пройдет конференция, посвященная вопросам гуманности во время войны // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/statement/global-international-humanitarian-law-initiative-hold-high-level-conference-humanity-war> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Винничек, С.-В. В. К вопросу о международной уголовной ответственности физических лиц и государств за преступления против мира и безопасности человечества / С.-В. В. Винничек // 81-я науч. конф. студентов и аспирантов Бел. гос. ун-та : материалы конф., Минск, 15–25 мая 2024 г. : в 3 ч. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Блохин (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2024. – Ч. 2. – С. 580–585.
6. Калугин, В. Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ / В. Ю. Калугин. – Мн. : Тесей 2002. – 141 с.
7. Resolution 764 (1992) : adopted on 13 July 1992 : UN Doc S/RES/764(1992) // United Nations Digital Library. – URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unsc/1992/en/8010> (date of access: 20.04.2026).
8. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала : приняты на второй сессии Комиссии по международному праву ООН в 1950 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 20.04.2026).
9. Заявление Глав Правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая [Потсдамская декларация] : 26 июля 1945 г. // Консорциум Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883336> (дата обращения: 20.04.2026).

10. Prosecutor v. Dusko Tadic aka "Dule" : 7 May 1997 : Case No. IT-94-1-T / International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // UNHCR. – URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icty/1997/40193> (date of access: 20.04.2026).
11. Prosecutor v. Stanislav Galić : 5 Dec 2003 : Case No. IT-98-29-T / International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // UNHCR. – URL: <https://www.icty.org/x/cases/galic/tjug/en/> (date of access: 20.04.2026).
12. Prosecutor v. Pavle Strugar : 31 Jan 2005 : Case No. IT-01-42-T / International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // UNHCR. – URL: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/jud_supplement/supp50-e/strugar.htm (date of access: 20.04.2026).
13. Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu : 2 Sept. 1998 : Case No. ICTR-96-4-T / International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // UNHCR. – URL: https://hrli-brary.umn.edu/instree/ICTR/AKAYESU_ICTR-96-4/Judgment_ICTR-96-4-T.html (date of access: 20.04.2026).
14. Prosecutor v. Charles Ghankay Taylor : 18 May 2012 : Case No. SCSL-03-01-A / Special Court for Sierra Leone // UNHCR. – URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/scsl/2012/92206> (date of access: 20.04.2026).
15. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.04.2026).
16. The Prosecutor v. Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahman ("Ali Kushayb") : Case No. ICC-02/05-01/2 // International Criminal Court. – URL: <https://www.icc-cpi.int/darfur/abd-al-rahman> (date of access: 20.04.2026).
17. The Prosecutor v. Ahmad Al-Faqi Al-Mahdi : 27 Sept. 2016 6 : Case No. ICC-01/12-01/15 // International Criminal Court. – URL: <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-01/12-01/15-171> (date of access: 20.04.2026).
18. Вербальная нота постоянных представительств Канады и Нидерландов при Организации Объединенных Наций от 27 ноября 2001 г. на имя Ген. Секретаря : принята на 56-й сессии Генер. Ассамблеи от 4 дек. 2001 г. // Организация объединенных наций. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/56/677> (дата обращения: 20.04.2026).
19. Суд в Германии приговорил сирийца к пожизненному заключению за преступления режима Асада // BBC News. Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cgr5l9ewlx0o> (дата обращения: 20.04.2026).
20. Бадгаева, В. Б. Применение универсальной юрисдикции / В. Б. Бадгаева, Д. С. Шалхакова // Наука через призму времени. – 2022. – №12 (57). – С. 147–149.
21. Сафаров, Н. А. Универсальная юрисдикция в механизме преследования международных преступлений / Н. А. Сафаров // Моск. журнал междунар. права. – 2005. – № 4. – С. 190–212.
22. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции : доклад Генер. секретаря от 28 июня 2012 г. // Организация объединенных наций. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/67/116> (дата обращения: 20.04.2026).

Ostrovskaya A. A., Minsk, Belarusian State University, Faculty of International Relations student.

Academic advisor: Andrienko V. M., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of International Law.

ЭНЕРГОСИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ДИХОТОМИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

THE ENERGY SYSTEM AS A DUAL-USE FACILITY: THE DICHOTOMY OF LEGAL STATUS

Половинкина М. А.

Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Киселева О. А.

Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
доцент кафедры международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье представлен анализ дихотомии правового статуса энергосистем во время вооруженных конфликтов. Рассматривается проблематика назначения электросистем как объектов двойного назначения и последствия такого назначения для гражданского населения и их прав и гарантий во время ведения боевых действий сторонами конфликта.

Ключевые слова: военный объект, гражданский объект, объект двойного назначения, гражданское население, законная военная цель

Annotation. The article presents an analysis of the dichotomy of the legal status of energy systems during armed conflicts. It examines the issue of the dual-use nature of energy systems and the consequences of such use for civilians and their rights and guarantees during military operations.

Keywords: military facility, civilian facility, dual-use facility, civilian population, legitimate military target

Энергосистемы и их правовой статус в настоящее время вызывают множество споров. С точки зрения международного гуманитарного права они могут выступать и как гражданские объекты, и в то же время могут признаваться законной военной целью. Таким нехитрым образом, они получили статус объектов двойного назначения, чем породили множество дискуссий как с морально-этической точки зрения, так и с правовой. Ведь если они попадают под законную военную цель, то как решать вопрос с базовыми правами гражданского населения на доступ к системам электроснабжения? Какой все же статус этих систем наиболее подходящий и логичный в данном случае? На эти и многие другие вопросы предстоит найти ответы в настоящей статье.

Прежде всего стоит определить, какие объекты имеют статус гражданских, а какие могут признаваться законными военными целями. Гуманитарное право относит к гражданским объектам, все те объекты, которые не являются военными и наделяет их усиленной защитой, в том числе в отношении таких объектов запрещаются акты насилия, нападения или репрессалий, более того запрещаются нападения неизбирательного характера против гражданских объектов, а также под запрет попадают нападения, которые своей целью имеют терроризм в отношении гражданского населения. Стоит привести примеры объектов, на которые распространяется подобная защита, а именно это:

- медицинские формирования и санитарно-транспортные средства (ЖК I ст. 12 и 21; ЖК II ст. 11; Нормы обычного гуманитарного права 28–29);
- культурные ценности и места отправления культа (ЖК I ст. 53; ЖК II ст. 16; Нормы обычного гуманитарного права 38–41);
- объекты, необходимые для выживания гражданского населения (ЖК I ст. 54; ЖК II ст. 14; Норма обычного гуманитарного права 54);
- природная среда (ЖК I ст. 55; Нормы обычного гуманитарного права 43–45);
- установки и сооружения, содержащие опасные силы (ЖК II ст. 15; ЖК I ст. 56; Норма обычного гуманитарного права 42);
- не обороняемые местности (ЖК I ст. 59; Норма обычного гуманитарного права 37);
- демилитаризованные зоны (ЖК I ст. 60; Норма обычного гуманитарного права 36) [1].

Энергосистемы логично отнести к объектам, которые необходимы для и работа больниц, школ, жилого сектора в целом. Кроме того, особо крупные узлы электросистем могут попадать и под категорию установок и сооружений, содержащих опасные силы. Ввиду того, что подобные сооружения содержат большое количество электрической силы и высокое напряжение, то их разрушение может повлечь несоразмерный ущерб катастрофический для гражданского населения, поставив под вопрос уже не просто доступ к базовым нуждам, а выживание на такой обесточенной и разрушенной территории. Более того, все вышеуказанное тесно связано с базовыми правами мирных жителей, которые как раз предусмотрены IV Женевской Конвенцией 1949 г и включают в себя: право на жизнь, достоинство, защиту от нападений, пыток и мародерства. Кроме того, запрещены взятие в плен, коллективные наказания и использование гражданского в качестве «живых щитов» во время ведения боевых действий. Также гражданское население имеет полное право на доступ к электричеству, воде и отоплению, потому что это в совокупности представляет собой критически важную инфраструктуру необходимую для выживания. Для более детального представления стоит привести примеры из реальных вооруженных конфликтов, в ходе действий которых были затронуты объекты электросистем.

Вооруженный конфликт в Сирии. Начиная с 2011 года, в ходе гражданской войны пострадало более 60 % мощностей по производству электроэнергии, что в свою очередь повлекло перебои по всей стране еще на протяжении многих лет [2]. Совершенно недавние события в Йемене в 2024–2025 гг., связанные с массированными ударами Израиля и США по объектам электроснабжения. В ходе налетов пострадали такие электростанции как «Асар», «Хазиз», «Рас-Канатиб», что в свою очередь спровоцировало критический дефицит электроэнергии в регионе и создало коллапс в работе больниц и систем водоснабжения. Также сообщалось о погибших среди мирного населения во время атак на электростанции [3]. Таким образом, уничтожение энергосистемы создает некий «эффект домино», который затрагивает абсолютно все сферы жизни мирного населения. При повреждении систем электроснабжения прекращают работу насосы, которые обеспечивают подачу воды и тепла в дома. В регионах с суровыми зимами это создает смертельную угрозу жизням множества мирных жителей. Также немало важно отметить, что при разрушении электростанции энергия перестает поступать в больницы, что в свою очередь вынуждает их переходить на дизельные генераторы, мощностей которых не всегда хватает для того, чтобы справиться со столь внушительной нагрузкой. Операции весьма часто проводятся с фонариками; аппараты искусственной вентиляции легких терпят перебои, отключаются холодильники, в которых хранятся медицинские препараты и та же донорская кровь, столь необходимая для оказания помощи, когда имеются жертвы. И таких последствий еще множество, все они в совокупности значительно усложняют жизнь гражданского населения, а порой даже приводят к увеличению числа жертв среди мирных жителей. Международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, рассматривают систематические атаки на объекты энергетической инфраструктуры как действия, которые могут привести к непропорциональному ущербу для гражданского населения. Подобные действия, вследствие своей последовательной природы и целенаправленного характера, создают значительные риски для безопасности и благополучия мирных жителей, что вызывает беспокойство в международном сообществе. В этой связи необходимо рассмотреть обстоятельства, при которых подобные удары могут квалифицироваться как нарушения принципов соразмерности и различия. Важно также отметить, что оценка степени причиненного вреда должна основываться на комплексном учете всех факторов, влияющих на жизнь и безопасность гражданского населения, включая долговременные последствия для инфраструктуры и доступа к жизненно важным ресурсам.

Однако, весьма часто энергосистемы рассматриваются как законная военная цель, а следовательно, и как военный объект. Стоит дать определение терминам «военный объект» и «законная военная цель». Так, ст. 2 Гаагской конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. и ст. 43 и 52 Дополнительного протокола I 1977 г. к военным объектам относят: вооруженные силы, учреждения, постройки, а также позиции,

где находятся вооруженные группы и их имущество, иные объекты, которые вносят существенный военный вклад и дают преимущество противнику [4, с. 323].

Исходя из данного определения легко можно дать таковое и для термина «законная военная цель». Законной военной целью признается тот или иной объект, на который разрешено нападать с точки зрения международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта. Военная цель признается законной в случае, если она по своему характеру, расположению, использованию вносит внушительный вклад в военные действия и дает существенное преимущество противнику, а ее уничтожение или нейтрализация позволит «уравнять» позиции или по крайней мере снизить преимущество противника. Электросистемы могут быть законными военными целями, однако это весьма спорная позиция. Они могут быть использованы для питания и снабжения военных баз, отдельных видов вооружений, оборонных заводов, что непосредственно определяет их как военную цель, однако в то же время одна и та же электросистема может снабжать и гражданские объекты, а ее уничтожение уже будет несоразмерным в силу того, что приведет к коллапсу в гражданском секторе.

Проблема также еще заключается в том, как отделить систему, в большей степени снабжающую военные объекты от той, которая направлена именно на гражданские объекты, потому что чаще всего они едины и одновременно предоставляют энергию как одному виду объектов, так и другому.

Таким образом, разумным и логичным представляется разобрать именно объекты двойного назначения, их характеристики. Объектами двойного назначения могут признаваться сооружения, здания и т. д., которые в равной степени эксплуатируются как гражданским населением, так и вооруженными силами и могут давать последним преимущество перед противником. Международный Комитет Красного Креста неоднократно отмечал дискуссионную позицию статуса объектов критически важной инфраструктуры как объектов двойного назначения во время вооруженных конфликтов, а также отдельно уделял внимание тому, что слишком широкая или преждевременная квалификация как военного объекта всей системы электроснабжения (или иной электросети) страны или района, находящихся под контролем неприятеля, запрещена [5]. Также, немало важно заметить, что МККК множество раз подчеркивал в своих позициях, что международное гуманитарное право устанавливает запрет на совершение нападений на объекты энергетической инфраструктуры в тех случаях, когда основной целью таких действий является уменьшение экономического потенциала противодействующей стороны. Это положение сохраняет силу даже в ситуациях, когда данные объекты лишь косвенно способствуют поддержанию боеспособности стороны конфликта. Помимо этого, данный запрет распространяется на случаи, когда атаки направлены на принуждение противника к началу переговорного процесса, а также на попытки повлиять на общественное мнение или оказать давление на политических руководителей посредством устрашения.

Таким образом, в настоящей статье акцентируется внимание на ключевой проблеме, касающейся правового статуса энергосистем, а именно электростанций. В частности, рассматривается вопрос о том, какой именно правовой режим применим к таким объектам, учитывая, что их оценка вызывает неоднозначные мнения и интенсивные споры среди специалистов и правоприменителей. В международном сообществе до настоящего времени не сформировался единогласный подход к данному вопросу, что обусловлено сложностью оценки и многообразием точек зрения. Важнейшим аспектом при обсуждении данного правового статуса является обязанность лиц, принимающих решения, а также ответственных за планирование и реализацию возможных военных или иных действий, затрагивающих электросистемы, принимать во внимание широкий спектр последствий, включая потенциальный ущерб, который может быть причинен гражданскому населению. Особое внимание уделяется тому, что электросистемы могут иметь назначение, выходящее за рамки исключительно военных целей, что налагает дополнительные обязательства по оценке допустимости и соразмерности подобных действий. В ходе подготовки и реализации мероприятий, связанных с воздействием на электросистемы, необходимо применение всех разумных мер предосторожности, направленных на предотвращение или, по крайней мере, существенное сокращение негативных последствий и ущерба, особенно в отношении гражданского населения и инфраструктуры, не связанной с военными операциями. Принцип соразмерности требует того, чтобы любые воздействующие действия не приводили к ущербу, превышающему разумные и необходимо оправданные рамки, учитывая конкретные обстоятельства и возможные риски.

Таким образом, вопросы статуса электросистем и правовых норм, регулирующих их защиту и возможное воздействие на них в условиях вооруженных конфликтов или иных ситуаций, остаются предметом актуального изучения и требуют внимательного и комплексного подхода с учетом интересов всех сторон и специфики каждой конкретной ситуации. В заключение следует отметить, что объекты электросистемы по своей природе часто пребывают на весьма условной грани между статусом законной военной цели и гражданского объекта. В реальности они нередко становятся предметом атак в ходе различных вооруженных конфликтов. Приняв во внимание это обстоятельство, лица, обладающие полномочиями для принятия решений о нанесении ударов по таким объектам, обязаны исходить из необходимости максимально аккуратного и взвешенного подхода к определению их правового статуса. В частности, категорически важно избегать поспешной квалификации электросистемы исключительно как объекта, подлежащего законному поражению в военных действиях. Кроме того, следует тщательно учитывать все потенциальные риски, а также вероятный масштаб ущерба, который может быть нанесен в результате атаки. Если объект преимущественно относится к гражданской инфраструктуре и его разрушение способно вызвать значительные проблемы

в гражданском секторе без обеспечения соответствующего военного преимущества, то согласно положениями Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, а также нормам обычного международного гуманитарного права, подобные действия запрещены. Более того, такое разрушение может квалифицироваться как военное преступление. В итоге, ключевым моментом является тщательная и корректная квалификация статуса объекта перед тем, как планировать и непосредственно осуществлять удар. При этом исключается принятие поспешных решений, способных повлечь за собой нарушение норм международного гуманитарного права и негативные последствия для гражданского населения. Именно поэтому процесс оценки должен носить максимально комплексный, взвешенный и юридически обоснованный характер.

Список цитированных источников

1. Объекты, находящиеся под защитой // Словарь международного гуманитарного права // Врачи без границ. – URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/obekty-nakhodiashchiesia-pod-zashchitoi/> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Power grid obliterating Iran civilian life MinnPost. – URL: <https://www.minnpost.com/community-voices/2026/04/power-grid-obliterating-iran-civilian-life/> (date of access: 02.05.2026).
3. Йемен все глубже втягивается в региональную эскалацию на Ближнем Востоке // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/10/1457376> (дата обращения: 02.05.2026).
4. Чернявский, А. Г. Международное гуманитарное право: учебник / А. Г. Чернявский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – С. 323.
5. Frequently asked questions on IHL and the escalating conflict in the Middle East // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/ru/article/frequently-asked-questions-ihl-and-escalating-conflict-middle-east> (date of access: 02.05.2026).

Polovinkina M. A., Russia, Saint-Petersburg, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg State University», Law Faculty student.

Academic advisor: Kiseleva O. A., Russia, Saint-Petersburg, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg State University», Department of International Law, Associate Professor of the Department of International Law, Candidate of Law, Associate Professor.

СТАНАЎЛЕННЕ МІЖНАРОДНА-ПРАВАВЫХ НОРМ У СФЕРЫ ЗАБАРОНЫ БІЯЛАГІЧНАЙ ЗБРОЇ І АБАРОНЫ ГРАМАДЗЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ў ПЕРЫЯД УЗБРОЕННЫХ КАНФЛІКТАЎ

INTERNATIONAL LEGAL NORMS DEVELOPMENT IN THE FIELD OF BIOLOGICAL WEAPONS PROHIBITION AND PROTECTION OF THE CIVILIAN POPULATION DURING ARMED CONFLICTS

Савінава К. В.

Рэспубліка Беларусь,
г. Мінск,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
студэнт юрыдычнага факультэта

Навуковы кіраўнік

Емяльяновіч В. В.

Рэспубліка Беларусь,
г. Мінск,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
дацэнт кафедры дзяржаўнага кіравання,
намеснік дэкана па міжнародным супрацоўніцтве
і інтэрнацыяналізацыі адукацыі,
кандыдат юрыдычных навук

Анотацыя: У артыкуле раскрываецца паняцце біялагічнай і генетычнай зброі, адлюстраваны гістарычныя прыклады прымянення, вызначана пазіцыя Рэспублікі Беларусь і роля Міжнароднай Арганізацыі Чырвонага Крыжа ў галіне процідзеяння прымяненню біялагічнай зброі.

Ключавыя словы: біялагічная зброя, генетычная зброя, міжнароднае гуманітарнае права, абарона грамадзянскага насельніцтва, біялагічная бяспека, генна-інжынерная дзейнасць, зброя масавага паражэння, Міжнародная арганізацыя Чырвонага Крыжа.

Annotation. The article reveals the concept of biological and genetic weapons, reflects historical examples of their use, defines the position of the Republic of Belarus and the role of the International Organization of the Red Cross in the field of countering the use of biological weapons.

Keywords: biological weapons, genetic weapons, international humanitarian law, protection of civilians, biological safety, genetic engineering, weapons of mass destruction, International Organization of the Red Cross.

Тэндэнцыі развіцця міжнародных адносін на сучасным этапе характарызуюцца працэсам узнікнення новых відаў узбраення, пачатым з 2 стагоддзя і ўзмоцненым дзякуючы сінтэзу навуковых дасягненняў у сферы

біятэхналогіі і геннай інжынерыі ў 21 стагоддзі, нягледзячы на шэраг міжнародных забарон, якія датычацца стварэння і прымянення асобных відаў зброі. Таксама цяперашняя міжнародная абстаноўка характарызуецца крайняй ступенню нестабільнасці і ў многім станам паралізаванасці інстытутаў, якія забяспечваюць падтрыманне міжнароднага правапарадку, невыкананнем шэрагам суб'ектаў асноўных норм міжнароднага права ў ваенных канфліктах, што можа спарадзіць відавочную рызыку спроб выкарыстання мадыфікаваных ваенных тэхналогій высокай ступені паражэння. Агульныя аспекты дзейнасці асобных дзяржаў па дыскрэдытацыі міжнародных праваабарончых арганізацый былі раскрыты ў рабоце беларускага вучонага В. М. Талочка [1]. У сувязі з чым патрабавецца разгляд бягучай абстаноўкі ў гістарычным звязку для выяўлення асноўных тэндэнцый у сферы новых відаў узбраення і дзейнасці міжнародных праваабарончых арганізацый з мэтай вызначэння далейшых тэндэнцый у сферы генетычнай зброі і вызначэння эфектыўнасці прымяняемых мер у галіне абароны правоў мірнага насельніцтва.

Біялагічная зброя вызначаецца як сукупнасць патагенных арганізмаў, вірусаў ці іншых мікраарганізмаў, а таксама любых носьбітаў такіх, здольных прыводзіць да хуткіх заражэнняў і ў выніку прывядзенню арганізма ў стан хваробы, адпаведна, выводзячы яго ва ўмовах ваенных дзеянняў у стан, пры якім ён не здольны аказваць супраціў. Можна выявіць характэрныя рысы біялагічнай зброі і яе падвідаў, такімі рысамі з'яўляюцца, па-першае, накіраванасць гэтага віду зброі непасрэдна на чалавека, сельскагаспадарчую жывелу і прадукты харчавання, не руйнуючы пры гэтым у выніку прымянення матэрыяльна-тэхнічных рэсурсаў, будынкаў і іншай інфраструктуры, па-другое, некантраляванасць у часе і прасторы згубнага ўздзеяння [2, с. 20]. У якасці нагляднага прыкладу невыбарчасці і масавага ахопу паражэння пры выкарыстанні біялагічнай зброі можна прывесці інцыдэнт на востраве Груярд, які адбыўся з-за памылкі ў рамках брытанскай выпрабавальнай аперацыі «Веgetарыянец». У рамках дадзенай аперацыі на востраве праводзіліся выпрабаванні біялагічнай зброі, прадстаўленай сібірскай язвай, на жывел. Авечак высадзілі на востраве, з дапамогай лятальнай тэхнікі запусцілі ў іх бомбу з вірусам, праз некаторы час жывелы памерлі, пасля чаго іх трупы былі спалены. Але памылка вайскоўцаў заключалася ў тым, што адзін заражаны труп быў выпадковым чынам вынесены з вострава на ўзбярэжжа мацерыка, дзе памерлай жывелінай адразу ж зацікавіліся мясцовыя сабакі. Сабака, які з'еў частку мёртвай авечкі, стаў носьбітам віруса, у выніку чаго ў хуткім часе памер, перад гэтым заразіўшы некалькіх катой, кароў і паўсотні авечак [3].

Генетычная зброя з'яўляецца новай разнавіднасцю біялагічнай. Сутнасная яе ідэя заключаецца ў стварэнні віруса на аснове тэхналогій геннай інжынерыі, здольнай выбарча дзівіць пэўную групу насельніцтва, не аказваючы негатыўнага ўздзеяння на тыя, што не ўваходзяць у лік строга вызначанага круга суб'ектаў. Такая група ўздзеяння можа быць вызначана расавай ці этнічнай прыналежнасцю або быць накіравана на людзей

з канкрэтнымі генетычнымі мутацыямі. З чаго вынікае, што суперніку для ўжывання генетычнай зброі неабходна мець мэтавы геном, адрозны ад уласнага, і навучыцца ствараць вірус, здольны паражаць людзей толькі загадзя вызначанага мэтавага геному. Калі разглядаць у якасці мэтавага аб'екта ваеннага ўздзеяння генетычны код канкрэтнай нацыі, то такое дзеянне будзе кваліфікавана як генацыд адно з самых цяжкіх злачынстваў супраць чалавечнасці [2, с. 20; 4, с. 174]. Аднак стварэнне этнічнай зброі на аснове тэхналогій геннай інжынерыі на сённяшні дзень немагчыма. Асноўнымі перашкодамі выступае шэраг міжнародных забарон на вытворчасць і прымяненне, а таксама працэсы этнічнага змешвання, якія адбыліся ў выніку глабальнай міграцыі, у сувязі з чым «чыстых» нацый, за выключэннем цалкам ізаляваных адзінкавых народаў, проста не існуе, адпаведна, і прымяненне этнічнай зброі прывядзе да выключна некантралюемых і вельмі шырокамаштабных наступстваў. Значная этнічная аднастайнасць груп, паміж якім на працягу многіх пакаленняў адбываліся міжэтнічныя змешванні, пацверджана даследаваннем, праведзеным у 2013 годзе Расійскай акадэміяй медыцынскіх навук сумесна з Эстонскім геномным цэнтрам універсітэта Тарду, Латвійскім біямедыцынскім даследчым і навучальным цэнтрам і Чэшскімі медыцынскімі [6]. Аднак, нягледзячы на фактычную крайнюю складанасць стварэння генетычнай зброі ў найбліжэйшай будучыні, блізкую да немагчымасці, некаторыя краіны для забеспячэння бяспекі ўласнага насельніцтва разглядаюць неабходнасць увядзення забароны на вываз генетычных узораў і іх наступны аналіз за мяжой. Напрыклад, у Расійскай Федэрацыі ў лютым 2026 года былі ўнесены змяненні ў Федэральны закон «Аб дзяржаўным рэгуляванні ў галіне геннай інжынернай дзейнасці». У адпаведнасці са зменамі ўстанаўліваецца шэраг абмежаванняў на перадачу генетычных даных, якія атрымліваюцца ў ходзе правядзення папуляцыйных генетычных або імуналагічных даследаванняў, шырокаму колу асоб, якія не з'яўляюцца грамадзянамі Расійскай Федэрацыі, а ў адносінах да грамадзян, службовых асоб і іншага кола суб'ектаў устанаўліваецца адказнасць за парушэнні норм у сферы звароту генетычнымі дадзенымі чалавека [7, с. 2–4].

Біялагічная зброя і яе разнавіднасці ў адпаведнасці з нормамі міжнароднага права адносяцца да катэгорыі зброі масавага паражэння. Зброя масавага паражэння вызначаецца як віды ўзбраення, якія валодаюць высокай спараджальнай здольнасцю і мэтай прымянення якой з'яўляецца нанясенне буйнамаштабных страт і значных разбурэнняў [8, с. 105]. Адпаведная катэгорыя ступені небяспекі і разбуральнасці сілы ўзбраення атрымала афіцыйнае замацаванне ў 1948 годзе у рэзалюцыі камісіі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый (далей – ААН) па звычайных узбраеннях, якая па большай ступені ўстанаўлівала мноства прававых абмежаванняў па выкарыстанні ядзернай зброі, але спіс зброі характару масавага паражэння ў адпаведнасці з рэзалюцыяй не з'яўляўся вычарпальным, для аднясення да такой дастатковым было адпаведнасці ўзбраенне крытэра павышанай рызыкі, якая вынікае з іх прымянення [9]. Біялагічная зброя па сваёй сутнасці з'яўляецца аднесенай да дадзенай катэгорыі на ўвазе яе здольнасці

да масавай паразы, некантраляванасці наступстваў, высокай ступені ўтоненасці ўжывання, з чаго выцякае яе адрозненне ад зброі хімічнай, паколькі апошняе мае лакалізаваную і больш прадказальную зону паразы, яе кантраляванасць больш высокая і ўжыванне хімічнай зброі суправаджаецца некаторымі смакавымі, візуальнымі або маркерамі іншага тыпу, у сувязі з чым яе можна распазнаць. Біялагічная ж зброя, прадстаўленая вірусамі, бактэрыямі і гэтак далей, якасці, якія адчуваюцца, не мае, убачыць або адчуць яе не ўяўляецца магчымым без лабараторных даследаванняў на тэрыторыі, якая падверглася ўжыванню, што вельмі змяншае шанцы боку, які падвергся нападу з яго ўжываннем, прыняць аператыўныя меры абароны. Да яшчэ адной характарыстыкі біялагічнай зброі, з прычыны якой яна суадносіцца з паняццем зброі масавага знішчэння, з'яўляецца яе прынцыповая несумяшчальнасць з асноватворнымі нормаў міжнароднага гуманітарнага права. Яна парушае прынцып недатыкальнасці некамбатаў, паколькі яе прымяненне не здольна быць дыферэнцыраваным у дачыненні да тых ці іншых сацыяльных груп, заражэнне часцей за ўсё хутка выходзіць за рамкі ваеннаслужачых і дзіўна мірнае насельніцтва, тады як па нормах міжнароднага права, асобы, якія не ўдзельнічаюць у ваенных дзеяннях і не спрыяюць іх правядзенню не павінны падвяргацца гвалту, а таксама залішнія пакуты і празмерныя людскім страты недапушчальныя, што вельмі складана рэалізаваць на практыку, ужываючы дадзены выгляд зброі [5, с. 253–256].

Можна казаць аб тым, што падабенства біялагічнай зброі атрымала прымяненне са старажытнасці, аднак на той момант навуковыя веды ў галіне медыцыны, мікрабіялогіі заставаліся вельмі беднымі, у сувязі з чым адсутнічала дакладнае ўяўленне аб механізме распацоўкі тэхнічных сродкаў з выкарыстаннем вірусаў, бактэрыяў і гэтак далей, замест іх, як правіла, ужывалі заражаныя трупы. Адным з самых першых выпадкаў, якія знайшлі адлюстраванне ў пісьмовых крыніцах, прымяненні хваробатворных арганізмаў для заняволення ворага з'яўляецца выкарыстанне хетаў трупамі, заражаных тулярэміяй, на варожых землях у 150 г. да н. э. Таксама рукапісным сведчаннем, якое ў далейшым было падвергнута шэрагу сумневаў, прымянення біялагічнай зброі былі запіскі юрыста Габрыэля дэ Мюсі, які стаў сведкам масавага заражэння войскаў праціўніка чумой. Гэтыя дзеянні адбыліся ў выніку аблогі Каффы ў сярэдзіне 14 стагоддзя. Заражэнне адбылося ў выглядзе закіду трупамі людзей, якія памерлі ад чумы, на борт суперніка. Гісторыя захоўвае мноства іншых выпадкаў выкарыстання біялагічнай зброі або падобнага да яе, аднак першым дакументаваным фактам наўмыснага забойства з выкарыстаннем біялагічнай зброі сталі падзеі, якія адбыліся ў Паўночнай Амерыцы ў 1763 годзе, калі шляхам закідання заражаных воспай матрацаў у асяроддзі індзейцаў ўспыхнула эпідэмія [10].

Другое стагоддзе стала лідзіруючым па частаце выкарыстання новых відаў зброі і колькасці вучонага складу, які быў завязаны ў яго распацоўцы. Гэтаму паспрыяла развіццё мікрабіялогіі, навуковыя дасягненні якой змянілі характар прымянення зброі, паколькі працэс вытворчасці ў разы спрасціўся. Антыгуманымі даследаваннямі ў галіне біялагічнай зброі

праславілася Японія, дзе ў 1930-я гг. у 2 кіламетрах ад Харбіна быў узведзены навукова-даследчы комплекс, які праводзіў даследаванні на зняволеных, якія здзейснілі цяжкія злачынствы. Зняволеных заражалі разнастайнымі захворваннямі, затым даследавалі змены стану чалавека, што было неабходна для атрымання інфармацыі аб тым, як і колькі чалавек можа выжыць у розных умовах, для далейшага прымянення гэтых ведаў у ваенных дзеяннях. Частай практыкай было выкрыццё яшчэ жывога чалавека для назірання ўплыву таго ці іншага віруса на ўнутраныя органы чалавека, паколькі навукоўцы лічылі, што толькі дадзенага роду несувымерна жорсткімі мерамі можна атрымаць максімальна аб'ектыўныя вынікі эксперыменту. Ужыванне ведаў знайшло ў выпрабаванні ў 194 г. над кітайскім горадам Нінбо і ў 1941 годзе над горадам Чанда, тады былі ўжытыя парцэлянавыя бомбы, якія распылілі мноства розных бактэрый, у выніку чаго загінула больш за 10 тыс. чалавек. Ніводны з навукоўцаў, датычны да дзейнасці атрада, не быў прысуджаны да смяротнага пакарання, а чалавек, які ўзначальваў дадзеную арганізацыю, хірург Ісіра, заключыў сакрэтную дамову з амерыканскім урадам па перадачы досведу даследаванняў у абмен на сваю бяспеку, не нясучы ніякай адказнасці за бесчалавечныя дзеянні. У 1947 годзе, праз доўгі час пасля капітуляцыі Японіі, некаторыя спецыялісты лічаць, што ЗША прымянялі біялагічную зброю падчас вайны ў В'етнаме, дзе была распылена звыш 10 00 тон гербіцыдаў і дэфаліянтаў. І хоць у поўнай меры такія меры нельга назваць біялагічным зброям, па сваіх уласцівасцях яны бліжэй да хімічнай, але прынцып яго дзеяння быў вельмі блізкі да зброі біялагічнага характару, паколькі пестыцыды не валодаюць абсалютна выбарчым дзеяннем. Такім спосабам амерыканцы спрабавалі знішчыць зеляніну на дрэвах, каб убачыць атрады партызан з паветра. Удар па экасістэме быў такі, што прадуктыўнасць сельскай і рыбнай гаспадаркі знізілася ад 1 да 2 разоў і больш за 7 мільянаў чалавек былі вымушаны пакінуць заражаныя раены. З прыведзеных выпадкаў бачна, што асноўнымі пацярпелымі суб'ектамі пры выкарыстанні біялагічнай зброі з'яўляецца мірнае насельніцтва [11, с. 39–40].

Перспектывы развіцця новых відаў узбраення сёння дыктуюцца новым тэхналагічным укладам. Яго рысай, якая адрознівае ад папярэдніх укладаў, стала адначасовае развіццё навуковых дасягненняў у розных галінах, якое адбываецца ў выглядзе сінтэзу. Адбываецца менавіта напластоўванне тэхналогій, іх узаемаабумоўленае развіццё пры ўзаемаўзбагачэнні, чаго не было ў эпоху папярэдніх тэхналагічных укладаў, дзе на першы план выходзіла адна, якая лідыруе і стварае аблічча ўкладу. На сучасным этапе ў межах 6 укладу ідзе адначасовае развіццё дасягненняў у галіне біятэхналогіі, геннай інжынерыі, штучнага інтэлекту, фармацыі і іншых сферах. У сінтэзе тэхналогій і складаецца небяспека, паколькі, патрапіўшы ў негуманныя рукі, новыя тэхналогіі дазваляць зрабіць біялагічную зброю танней у набыцці, прасцей у выкарыстанні, больш смяротным па сваім уздзеянні і цяжэй выяўляным [12, с. 13–18].

Працэсам, які ідзе за развіццём новых тыпаў узбраення з'яўляецца дзейнасць міжнароднай супольнасці па замацаванні норм, якія абмяжоўваюць яе выкарыстанне. Але асноўнай праблемай хуткага развіцця зброі з'яўляецца апырэджанне ім працэсу імплементацыі абмяжоўвалых і забараняльных нормаў [8, с. 102]. Міжнароднае замацаванне норм, якія змяшчаюць забарону на біялагічную зброю было пачата Жэнеўскім пратаколам ад 17 чэрвеня 1925 г., у якім была ўстаноўлена забарона на прымяненне ў ваенных дзеяннях задушлівых, атрутных ці іншых падобных газаў і бактэрыялагічных сродкаў. Але важным недахопам пагаднення стала тое, што яно не змяшчала забароны на распрацоўку, вытворчасць і назапашванне такой зброі, акрамя таго шэраг дзяржаў прыняў дакумент з агаворкамі, а ЗША ратыфікавалі пратакол толькі ў 1975 годзе. За прыняццём пратакола было аслабленне міжнароднай эскалацыі, абумоўленае заканчэннем Другой сусветнай вайны, і працягнулася актыўная дзейнасць па выпрацоўцы розных стандартаў у галіне забеспячэння міжнародна-прававой стабільнасці. Базавым дакументам у галіне міжнароднага правапрадку стаў Статут ААН, прыняты 26 чэрвеня 1945 г. ў Сан-Францыска, які замацаваў асноўныя прынцыпы міжнароднага права і меры па раззбраенні, і механізмы кантролю над незаконным выкарыстаннем узбраення, якія рэгулююцца Саветам Бяспекі ААН [14, с. 163]. Прынцыпы міжнароднага права, якія знайшлі замацаванне У статуте ААН, затым былі канкрэтызаваны ў Дэкларацыі ААН аб прынцыпах міжнароднага права, прынятай рэзалюцыяй 2625 (XXV) Генеральнай Асамблеі ААН ад 24 кастрычніка 1970 года. Услед за імі было прыняцце новых норм, якія датычацца зноў непасрэдна забароны асобных відаў зброі. З 1972 года норма была больш жорсткай, прыняццём рэзалюцыяй 2826 (XXVI) Генеральнай Асамблеі ад 16 снежня 1971 г. Канвенцыі аб забароне распрацоўкі, вытворчасці і назапашвання запасаў бактэрыялагічнай (біялагічнай) і таксічнай зброі і аб іх знішчэнні, якая ўстанавіла ў развіцце пратакола 1925 г. ўсеабдымную забарону на распрацоўку, вытворчасць, назапашванне запасаў і набыццё біялагічнай і таксічнай зброі, абавязаўшы дзяржавы знішчыць наяўныя запасы на працягу дзевяці месяцаў. Паралельна забаронам развіваліся нормы, якія садзейнічаюць развіццю біятэхналогій у стваральным рэчышчы. У якасці прыкладу можна прывесці Канвенцыю аб біялагічнай разнастайнасці 1992 г., прынятую ў Рыа-дэ-Жанейра на Канферэнцыі ААН па навакольным асяроддзі і развіцці. Мэта прыняцця заключалася ў захаванні біяразнастайнасці праз дасягненне ўстойлівага развіцця ў галіне прыродакарыстання. За ей рушыла прыняцце 29 студзеня 2000 г. Картахенскага пратаколу па біябяспецы, які ўсталяваў правілы трансмежавага перасоўвання генетычна мадыфікаваных арганізмаў на аснове прынцыпу засцярогі, патрабуючы папярэдняй абгрунтаванай згоды імпартавальнага боку і правядзенні адзнакі рызык. Затым, у 2004 годзе, рэзалюцыя 145 Савета Бяспекі ААН абавязала дзяржавы ўстрымлівацца ад падтрымкі спроб распрацоўкі, набыцця або выкарыстання ядзернай, хімічнай або біялагічнай зброі, адносячы сюды

тэарарыстычныя мэты, і на падставе забароны, прыняць эфектыўныя нацыянальныя меры па прадухіленні такога распаўсюджвання.

У сучаснасці забеспячэнню біялагічнай бяспекі надаецца дастаткова шмат увагі. Адна з падстаў да ўзмацнення занепакоенасці ў адносінах да гэтых праблем стала эпідэмія каронавіруснай інфекцыі. Інфекцыя COVID-19 паказала, наколькі можа быць небяспечным звычайная дзейнасць па даследаванні віруса. У адпаведнасці з інфармацыяй, апублікаванай на афіцыйным сайце ААН ад віруса COVID-19 памерла больш за 2,6 мільёна чалавек, многія з іх прадстаўнікі груп насельніцтва пенсійнага і дзіцячага ўзросту, якія ў адпаведнасці з нормамі міжнароднага права знаходзяцца пад павышанай абаронай. Смерць людзей статуту падвышанай абароненасці кажа аб узмоцненасці вастрыні наступстваў нядбайнасці навукоўцаў, у рамках вывучэння віруса. Гэта яшчэ раз пацвярджае неабходнасць дакладных дзеянняў міжнароднай супольнасці па ліквідацыі для ўсіх суб'ектам любога роду магчымасці ў галіне стварэння патогенных арганізмаў няйначай, як для лячэння захворванняў, і ўстанаўленне павышанай адказнасці за халатнасць у рамках навуковай дзейнасці ў сферы небяспечных хваробатворных арганізмаў [13, с. 150–151; 15].

Беларусь, з'яўляючыся сузаснавальнікам ААН і членам АБСЕ, ажыццяўляе сваю знешнюю палітыку ў адпаведнасці з агульнапрызнанымі прынцыпамі міжнароднага права, прыхільнасць якім замацавана ў арт. 8 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. У гісторыі суверэннай Беларусі былі выключаны факты правядзення іспытаў, ажыццяўлення распрацовак і выкарыстання ўсіх відаў узбраення супраць іншай дзяржавы. У сферы гуманітарнага права Беларусь, у 1975 годзе, уваходзячы ў склад СССР, Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 13 лютага 1975 г. «Аб ратыфікацыі Канвенцыі забароне распрацоўкі, вытворчасці і назапашвання запасаў бактэрыялагічнай (біялагічнай) зброі і таксіннай зброі і аб іх знішчэнні». Таксама прыняты Закон ад 9 студзеня 2006 г. № 96-З «Аб бяспецы генна-інжынернай дзейнасці», у якім дзейнасць у сферы геннай інжынерны падпадзяляецца на 4 класа небяспекі, дзе даследаванні класа 4 нясуць сур'езныя рызыкі і здольныя прычыніць сур'езную шкоду здароўю, у сувязі з чым для ажыццяўлення дзейнасці класа 3 і 4 ўстанаўліваецца патрабаванне ў атрыманні спецыяльнага дазволу на ажыццяўленне дадзенай дзейнасці. Таксама вызначаны меры па неабходнасці сертыфікацыі прадукцыі, вырабленай з дапамогай тэхналогіі геннай інжынерны, і замацавана адказная асоба ў сферы дзяржаўнай экспертызы ў гэтай сферы, якой з'яўляецца Нацыянальны каардынацыйны цэнтр біябяспекі. А Крымінальным кодэксам Рэспублікі Беларусь у арт. 129 забаронены любыя дзеянні са зброяй масавага паражэння. Дзякуючы гэтым прававым мерам і фактычным дзеянням Рэспубліка Беларусь забяспечвае абарону не толькі ўласнага насельніцтва ад верагоднага выкарыстання забароненых відаў узбраення, але і прадстаўнікоў міжнароднай супольнасці ў цэлым, паколькі выключае любую верагоднасць яго прымянення са сваёй тэрыторыі.

Ва ўсёй сувязі несучасальных тэндэнцый у галіне ўзбраення МКЧК і яго тэрытарыяльныя падраздзяленні, якія з'яўляюцца бесстароннімі і нейтральнымі суб'ектамі, займаюцца актыўнай дзейнасцю па прадухіленні выкарыстання зброі масавага знішчэння, а ў выпадку выяўлення факта прымянення, прымаюць меры па неадкладным аказанні гуманітарнай і медыцынскай дапамогі мірнаму насельніцтву для забеспячэння абароны іх жыцця і здароўя, асабістай годнасці і аблягчэння іх пакут. У рэгіёнах, свабодных ад ваенных дзеянняў, дзейнасць МКЧК праводзіцца ў выглядзе культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў, на якіх усіх жадаючых навучаюць навыкам аказання першай медыцынскай дапамогі, правядзеннем інфармацыйнага суправаджэння аб дзеяннях па ратаванні ў выпадках наступлення ўзброенага канфлікту. МКЧК і Цэнтрам верыфікацыі, павышэння кваліфікацыі інфармацыі ў 2005 годзе, у юбілейную дату з моманту прыняцця Жэнеўскага пратакола 1925 г. і з часу ўступлення ў сілу ў 1975 годзе Канвенцыі аб біялагічнай і таксічнай зброі, быў распрацаваны тыпавы Закон аб злачынствах, звязаных з біялагічнай зброяй. У ім змяшчаюцца нормы, якія не маюць вузканацыянальнай прывязкі, распрацаваныя на аснове дзеючага на той момант заканадаўства некаторых краін англа-саксонскай прававой сям'і. Мэта прыняцця заключалася ў павышэнні ступені імплементацыі міжнародных норм у галіне забароны выкарыстання біялагічнай зброі праз інтэграцыю краінамі палажэнняў гэтага акта ва ўласнае заканадаўства. Практычная дзейнасць у галіне аказання дапамогі МКЧК пацярпелым ад біялагічнай зброі не такая відавочная, з прычыны вельмі рэдкасці яго прымянення [16, с. 230–240].

Адназначна, сучасная навука развіваецца ў напрамку, пры якім любы дасягненні, як правіла, маюць шлях падвойнага прызначэння: стваральны і дэструктыўны. Любая тэхналогія заўсёды мае нейтральны характар, пры гэтым неправамерныя дзеянні суб'екта здольныя паставіць кляймо на любое навуковае дасягненне. Разглядаючы праз прызму геннай інжынерыі, якая з'яўляецца найноўшым метадам біятэхналогій, відаць, што метады, якія дазваляюць, напрыклад, ствараць лекавыя сродкі, могуць быць ужытыя для стварэння зброі супраць мірнага насельніцтва. У сувязі з гэтым для забеспячэння стваральнага напрамку тэхналагічнай трансфармацыі 21 стагоддзя неабходна ўводзіць дакладныя юрыдычныя абмежаванні на выкарыстанне навуковых дасягненняў у ваеннай сферы, выбудаваць дакладную сістэму маніторынгу і ацэнкі выканання норм міжнароднага права і забеспячэння прыцягнення парушальнікаў гэтых норм да міжнародна-прававой адказнасці, стварыць дадатковыя меры гарантый для грамадзянскага насельніцтва, а таксама з прычыны таго, што адна толькі Рада Бяспекі ААН не здольная паўсюдна апэратыўна забяспечваць меры па падтрыманні міжнароднай бяспекі, неабходна перадача часткі яго функцый рэгіянальным арганізацыям адпаведнай накіраванасці [17, с. 21].

1. Толочко, О. Н. Международный уголовный суд: создание, деятельность, перспективы / О. Н. Толочко // Юстыцыя Беларусі. – 2008. – № 7 (78). – С. 57–59.
2. Кувырченкова, Т. В. Генетическое оружие: возможность и действительность / Т. В. Кувырченкова, В. В. Черевко // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2 : Юридические науки. – 2023. – № 2 (38). – С. 19–23.
3. Операция «Вегетарианец»: как Черчилль чуть не погубил всю Европу. – URL: <https://ren.tv/longread/1016117-operatsiia-vegetarianets-kak-cherchill-chut-ne-pogubil-vsiu-evropu> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Степанова, Е. А. Генное оружие и его разработка сегодня / Е. А. Степанова, И. П. Дашкевич // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер – 2017 : сб. материалов Всерос. конф. молодых исследователей, Москва, 5–7 дек. 2017 г. – М. : Моск. гос. ун-т дизайна и технологии», 2017. – Ч. 3. – С. 173–178.
5. Концевенко, А. С. Развитие биотехнологий и биотерроризм / А. С. Концевенко // Моск. журнал междунар. права. – 2009. – № 3. – С. 250–263.
6. Khrunin, A. V. A Genome-Wide Analysis of Populations from European Russia Reveals a New Pole of Genetic Diversity in Northern Europe / A. V. Khrunin [et al.] // PLoS ONE. – 2013. – Vol. 8, № 2. – P. e56039.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и ст. 2 закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» : Федер. закон от 2 февр. 2026 г. № 43-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602200064?index=1> (дата обращения: 29.05.2026)
8. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко ; под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Мн. : Тесей, 1999. – 308 с.
9. Commission for Conventional Armaments : resolutions adopted by the Commission at its 13th meeting, 12 August 1948, and a 2nd progress report of the Commission : UN Document S/C.3/32/Rev.1 : adopted 12 Aug. 1948. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/755665> (date of access: 29.05.2026).
10. Коновалов, П. П. Применение биологического оружия: история и современность / П. П. Коновалов, О. В. Арсентьев, А. Л. Буянов [и др.] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1170.
11. Арустамян, А. А. Убийцы в белых халатах: деятельность японского отряда / А. А. Арустамян, И. А. Рыбкин, А. О. Мещерякова // Молодежный инновационный вестник. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 39–40.
12. Глазьев, С. Ю. Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в Российской экономике / С. Ю. Глазьев, Д. Л. Косакян // Экономика науки. – 2024. – № 10 (2). – С. 11–29.
13. Кириченко, Е. В. Коронавирус – как мир вспомнил о биологическом оружии / Е. В. Кириченко, Р. А. Магомедов // Актуальные проблемы обеспечения безопасности в техносфере и защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., Ставрополь, 24–25 мая 2021 г. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. – С. 150–151.
14. Гришкевич, О. В. Международно-правовые механизмы обеспечения устойчивого развития и безопасности Республики Беларусь / О. В. Гришкевич [и др.] ; под ред. Е. Ф. Довгань ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Мн. : СтройМедиаПроект, 2016. – 395 с.

15. Многих самых тяжелых последствий пандемии можно было бы избежать. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1399222> (дата обращения: 30.04.2026).

16. Харленд, К. Б. Типовой закон: Закон о преступлениях, связанных с биологическим и токсинным оружием. Законодательный акт для имплементации обязательств по Конвенции о биологическом и токсинном оружии 1972 г. и Женевскому протоколу 1925 г. / К. Б. Харленд, А. Вудворд // Междунар. журнал Красного Креста. – 2005. – Т. 87, № 859. – С. 225–242.

17. Довгаль, Е. Ф. Обеспечение контроля Совета Безопасности Организации Объединенных Наций за деятельностью региональной организации в области поддержки международного мира и безопасности / Е. Ф. Довгаль // Влияние вооруженных конфликтов на международное право : сб. науч. ст. ; под ред. Е. Ф. Довгаль, Н. О. Мороз. – Мн. : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – С. 5–26.

Savinava K. V., Minsk, Belarusian State University, Law Faculty student.

Academic advisor: Yemialyanovich V. V., Minsk, Belarusian State University, Associate Professor of the Department of Public Administration, Deputy Dean for International Cooperation and Internationalization of Education, PhD.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ
КАК ОСОБОЙ КАТЕГОРИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF MINORITIES
AS A SPECIAL CATEGORY OF CIVILIAN POPULATION
IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICTS**

Середа О. Е.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. Данная статья посвящена анализу международно-правовых механизмов защиты населения, которые не достигли возраста совершеннолетия, а именно возрастной предел от четырнадцати до восемнадцати лет. Исследуются ключевые источники международного гуманитарного права, включая Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, Конвенцию о правах детей 1989, Римский статут Международного уголовного суда.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, несовершеннолетние, защита населения.

Annotation. This article analyzes the international legal mechanisms for protecting populations that have not reached the age of majority, specifically the age limit of fourteen to eighteen years. It examines key sources of international humanitarian law, including the Additional Protocols to the Geneva Conventions, the Convention on the Rights of the Child of 1989, and the Rome Statute of the International Criminal Court.

Keywords: international humanitarian law, minors, population protection.

В XXI веке несмотря на значительные изменения мира и принятия различных международных мирных соглашений, характер военных угроз остается актуальным. Традиционно международное гуманитарное право (далее – МГП) рассматривало детей преимущественно как объект защиты, то есть гражданское население, однако современные реалии требуют

воспринимать несовершеннолетнее лицо в качестве поколения способного защищать свою территорию. В соответствии со ст. 1 Конвенции о правах детей ребенком признается: «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [1].

Возрастная группа от четырнадцати до восемнадцати лет представляет в этом смысле наибольший интерес, так как именно на этом этапе происходит переход от абсолютной защиты детства к потенциальному признанию за лицом способности принимать осознанные решения, и как следствие нести ответственность. Конвенция о правах детей является самым ратифицированным документом во всем мире, поэтому в защиту подросткового населения Конвенция свидетельствует, что «государства-участники необходимы воздерживаться от призыва любого лица, не достигшего 15-летнего возраста, на службу в свои вооруженные силы» [1]. Кроме того, согласно обязательствам международно-гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, государства-участники обязаны принимать все меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей.

Ключевые положения о защите детей в международных вооруженных конфликтах содержатся в ст. 77 и 78 Дополнительного протокола I 1977 г. В ст. 77 закрепляется определенный комплекс гарантий, применяемый для несовершеннолетних «дети пользуются уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств» [2]. Данная норма характеризуется тем, что ребенок во время вооруженного конфликта находится в особом внимании вне зависимости от его статуса он остается под защитой, даже если попадает во власть противоположной стороны, он сам принимает участие в международном вооруженном конфликте.

Наиболее значимый в этом вопросе является п. 2 ст. 77 Дополнительного протокола I В нем установлен важный императив: стороны обязаны не только принимать меры, чтобы дети, не достигшие 15 лет, не принимали прямого участия в военных действиях, и воздерживаться от вербовки в свои вооруженные силы. «При вербовке из числа лиц, достигших пятнадцатилетнего возраста предпочтения, должно полагаться на лиц старшего возраста» [2]. Данный пункт в статье свидетельствует о том, что Протокол I 1977 г. не вводит полного запрета на призыв или добровольную вербовку лиц 15–18 лет, он лишь защищает тех, кто младше 15, тем самым устанавливая рекомендательную норму.

Для возраста 14–18 лет критически важны также два других пункта ст. 77. Пункт 4 отражает: «в случае ареста, задержания или интернирования по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, дети содержатся в помещениях, отделенных от помещений для взрослых, кроме тех случаев, когда семьи размещаются по отдельности» [2].

Пункт 5 устанавливает абсолютный запрет на приведение в исполнение смертного приговора в отношении лиц, совершивших правонарушение в возрасте до 18, это важнейшая процессуальная гарантия, прямо привязанная к рассматриваемой возрастной группе.

В ст. 78 Дополнительно протокола I к Женевским конвенция описано дополнение системы защиты, регламентируя тем самым эвакуацию детей. Эвакуация допускается лишь по неотложным медицинским причинам, связанным с состоянием здоровья, или в целях безопасности, с письменного согласия родителей или законных опекунов, под международным наблюдением.

Важным элементов системы защиты детей в условиях вооруженных конфликтов выступает механизм обеспечения их последующего возвращения в семьи, данный критерий закреплен в п. 3 ст. 78 Дополнительного протокола I В данной статье установлено обязательство «властей эвакуирующей и принимающей сторон заполнять на каждого ребенка индивидуальную карточку с фотографией, которая направляется в Центральное справочное агентство Международного Комитета Красного Креста» [2]. В карточку заносятся: фамилия и имя ребенка, пол, место и дата рождения, данные об отце и матери (включая девичью фамилию матери, сведения о ближайших родственниках, национальность, родной язык и иные языки, которыми владеет ребенок, адрес семьи, личный номер (при наличии), состояние здоровья, группа крови, отличительные приметы, а также обстоятельства обнаружения ребенка дата и место, где он был найден. Помимо этого, фиксируются дата выезда из страны и пункт отправления, религиозная принадлежность (при наличии), текущий адрес в принимающей стране, а в трагическом случае смерти ребенка до возвращения дата и место, обстоятельства смерти и место погребения.

Приведенный перечень на первый взгляд носит сугубо технический характер, однако его правовое значение выходит далеко за рамки данной процедуры. Столь детальная регламентация преследует несколько целей. Во-первых, она служит гарантией реализации принципа сохранения семейных связей, являющегося одним из основополагающих в международно-правовой защите детей. Во-вторых, она создает доказательственную базу, которая может быть использована впоследствии для восстановления семейных отношений. В-третьих, указание на необходимость фиксации таких данных, как религия, родной язык и сведения о родителях, отражает признание международным сообществом права ребенка на сохранение своей идентичности даже в экстремальных условиях вооруженного конфликта.

Применительно к возрастной группе 14–18 лет данная процедура приобретает особое значение: подростки, эвакуированные без сопровождения, зачастую являются носителями достаточного объема информации о себе и своей семье, однако их показания могут быть неточными, а психологическое состояние препятствовать достоверному воспроизведению

фактов. Заблаговременное и независимое документирование со стороны властей снижает эти риски. Таким образом, п. 3 ст. 78 представляет собой не просто техническое предписание, а юридический механизм, обеспечивающий право ребенка на индивидуальность, семейные связи и, в конечном счете, на возвращение к мирной жизни.

Принятие в 2000 году Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касается участия детей в вооруженных конфликтах (далее – Факультативный протокол). Протокол ввел концепцию, согласно которой государства-участники обязаны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица младше «18 лет не принимали прямого участия в боевых действиях» [3]. С принципиальной точки зрения, это означает, что государство не может легально призывать на службу лиц младше 18 лет (хотя допускается добровольная служба с 16 лет при соблюдении строгих гарантий. Для негосударственных вооруженных групп вербовка и использование лиц младше 18 лет запрещены полностью и безоговорочно.

Таким образом, к началу XXI века в международном праве сложилась императивная норма: несовершеннолетние 14–18 лет не могут объектом вербовки и, тем более, принуждения к боевым действиям. Статья 8 Римского статута Международного уголовного суда (1998 г.) квалифицирует «набор (призыв) или вербовку детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях» [5] как военное преступление.

Несмотря на наличие жестких правовых запретов, несовершеннолетние именно этой возрастной группы чаще всего становятся непосредственными участниками вооруженных конфликтов. Причины этого носят многофакторный характер, которые необходимо учитывать при правовом анализе. Во-первых, физические и психологические особенности: в отличие от детей младшего возраста, подростки 14–18 лет обладают достаточными физическими данными для использования легкого стрелкового оружия. Во-вторых, социально-экономический контекст: отсутствие доступа к образованию, бедность, потеря семьи все это создает среду для добровольного или вынужденного вступления в вооруженные группы. Ребенок 16 лет, оставшийся сиротой в зоне конфликта, может видеть в принадлежности к вооруженной группе способ выживания или даже форму социального лифта.

Наиболее сложным аспектом с точки зрения международного права является определение ответственности несовершеннолетних, совершивших преступные деяния в период пребывания в вооруженных формированиях. Международно-правовая доктрина исходит из презумпции жертвенности несовершеннолетнего: любой ребенок, завербованный в вооруженную группу, является прежде всего жертвой преступления, предусмотренного международным правом.

В случае, если подросток 14–18 лет совершает деяния, подпадающие под категорию тяжких преступлений, международное право не предусматривает полного иммунитета для несовершеннолетних исключительно по возрастному признаку. Как подчеркивает ООН, государства должны уделять первостепенное внимание реабилитации и реинтеграции таких детей, а не уголовному преследованию.

В случае же судебного разбирательства применительно к несовершеннолетним должны действовать специальные принципы реализации правосудия с учетом возрастных особенностей. Для рассматриваемой возрастной группы ситуация осложняется тем, что возраст наступления уголовной ответственности по национальному праву многих стран как раз приходится на этот период (чаще 14 или 16 лет). Возникает коллизия между международно-правовым статусом подростка как гражданского лица, подлежащего особой защите и его фактическим положением как лица достигшего возраста уголовной ответственности. Разрешение этой коллизии должно идти по пути приоритетного применения принципу согласности 3 Конвенции о правах ребенка «наилучшему обеспечению интересов ребенка» [1], что означает приоритет мер воспитательного и реабилитационного характера над карательными.

Таким образом, международно-правовой режим защиты несовершеннолетних в условиях вооруженных конфликтов прошел значительный путь эволюции: от упоминаний в Женевских конвенциях до формирования целостной системы, основанной на концепции, согласно которой государства-участники обязаны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица младше «18 лет не принимали прямого участия в боевых действиях» [3]. Ключевые международные акты формируют императивный запрет на использование детей в военных действиях, однако возрастная специфика группы 14–18 лет создает существенные правовые вызовы. Двойственность статуса этих лиц как жертв преступленных посягательств со стороны вербовщиков и как лиц, потенциально способных нести ответственность за собственные деяния. Как отмечено в ст. 39 Конвенции о правах детей: «Государства-участники принимают все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой: любых видов пренебрежения, эксплуатации или злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, наказания или вооруженных конфликтов. Такое восстановление и реинтеграция должны осуществляться в условиях, обеспечивающих здоровье, самоуважение и достоинство ребенка» [1].

Список цитированных источников

1. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи 2 нояб. 1989 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 07.05.2026).

2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 07.05.2026).

3. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах : принят резолюцией 54/263 Генер. Ассамблеи от 25 мая 200 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (дата обращения: 07.05.2026).

4. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 07.05.2026).

Sereda O. E., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Law Faculty student.

Academic advisor: Slivko O. Y., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

SYSTEMATIC VIOLENCE AGAINST WOMEN AND CHILDREN IN ARMED CONFLICT: INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE FACE OF ITS IMPLEMENTATION

Соу М.

Российская Федерация,
г. Нижний Новгород,
Институт международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского»,
аспирант по специальности «История международных отношений
и внешней дипломатии»

Научный руководитель

Хохлышева О. О.

Российская Федерация,
г. Нижний Новгород,
Институт международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского»,
заведующий кафедрой мировой дипломатии и международного права,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы сравнить защитные нормы международного гуманитарного права с их применением на местах, показать, что они не работают хорошо из-за структурных препятствий, и предложить способы устранить этот разрыв. В современных вооруженных конфликтах систематическое насилие в отношении женщин и детей стало тактикой ведения войны. Несмотря на то, что международное гуманитарное право (далее – МГП) хорошо развито, разница между практикой и нормативными запретами остается катастрофической. Это преступления, нарушающие гуманитарное право и показывающие, что государства не могут защитить своих граждан, будут иметь последствия для следующих поколений. Исследование конкретного случая (кейс-стади), анализ документов, дискурсивный анализ и сравнительный метод были использованы в качестве методологического подхода. В качестве источников использованы работы, российских, африканских ученых и международных организаций. В этом исследовании используется комплексный и международный подход, чтобы изучить и выявить системные причины, по которым нормы международного гуманитарного права, защищающие женщин и детей от насилия в условиях вооруженного конфликта, не работают. Исследование также

предлагает методы для повышения эффективности этих норм на основе анализа правовых пробелов и эмпирических данных. Исследование исследует изменения норм МГП и классификацию систематических сексуальных насилий как военных преступлений и преступлений против человечности. Он также исследует разрывы между нормативными обязательствами и реальностью современных конфликтов, определяет юридические и институциональные препятствия для судебного преследования и разрабатывает предложения по улучшению применения МГП.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право (МГП), Вооруженные конфликты, нарушения МГП, организованные вооруженные группы (ОВГ), международно-правовая база, систематическое насилие, женщины, дети.

Annotation. The article aims to compare the protective norms of international humanitarian law with their application on the ground, to demonstrate that their effectiveness is undermined by structural obstacles, as well as to suggest ways to reduce this gap. In modern armed conflicts, systematic violence against women and children has become a war tactic. Despite the existence of well-developed international humanitarian law (IHL), the gap between regulatory prohibitions and actual practice remains catastrophic. This crime, which violates humanitarian law and demonstrates the inability of States to protect their citizens, has consequences for future generations. Within the framework of the methodological approach, a qualitative method of case study (case study), document analysis, discursive analysis, as well as a comparative method were applied. The research of Russian, African scientists and international organizations is used as sources. This study is based on a comprehensive and international approach to studying and identifying the systemic causes of the ineffectiveness of the implementation of international humanitarian law norms that protect women and children from violence in armed conflict, and suggesting ways to improve the effectiveness of these norms based on the analysis of empirical evidence and legal gaps. The study is based on an analysis of the evolution of international humanitarian law (IHL) and the typology of systematic sexual violence as war crimes and crimes against humanity, analyzes gaps between normative obligations and the reality of modern conflicts, identifies legal and institutional obstacles to prosecution and develops recommendations to strengthen the implementation of IHL.

Keywords: International humanitarian law (IHL), Armed conflicts, violations of IHL, organized armed groups (OGS), international legal framework, systematic violence, women, children.

Систематическое насилие в отношении женщин и детей используется как тактика ведения войны в современных вооруженных конфликтах, будь то в международных или внутренних конфликтах. Несмотря на то, что МГП развивалось в законодательстве, существует существенный разрыв между этими нормами и практикой в реальной жизни. Примеры действий Израиля против Газы и эскалации в ДРК с 2025 года имеют серьезные гуманитарные и экологические последствия.

Данное исследование обращает внимание на нормы международного гуманитарного права, запрещающие насилие в отношении женщин и детей, а также на то, как они применяются и не применяются, а также на правовые и организационные механизмы реализации этих норм, такие как наблюдение, расследование и судебное преследование.

Актуальность исследования важна потому, что необходимо понять причины неэффективности МГП и предложить методы борьбы с безнаказанностью, особенно в условиях новых форм конфликтов, таких как террористические группы и гибридные войны.

Исследовательский вопрос заключается в следующем: какие факторы способствуют систематическим нарушениям норм МГП, прямо запрещающих насилие в отношении женщин и детей в ситуации вооруженного конфликта, и какие правовые и институциональные механизмы могут гарантировать их эффективное выполнение? Несмотря на существование подробной международно-правовой базы в области гуманитарного права, проблематика заключается в противоречии, связанном с причинами сохранения и даже обострения систематического насилия в отношении женщин и детей в вооруженных конфликтах. И какие препятствия (правовые, политические) препятствуют ее реальному осуществлению?

I. Эволюция норм международного гуманитарного права и типология систематического сексуального насилия как военных преступлений и преступлений против человечности.

МГП определяет стандарты, которые должны соблюдать государства и организованные вооруженные группы (ого) во время конфликтов. При условии, что нарушение может быть приписано исполнителю, исполнителю, будь то государству или ГАО, будет отвечать за нарушение любого международного обязательства, независимо от его источника [1, с. 129]. Поскольку оно относится к гражданским нападениям в немеждународных вооруженных конфликтах под страхом наказания за военные преступления, это обоснование с осторожностью применяется к организованным вооруженным группам [2, с. 74]. Межгосударственное гуманитарное право защищает сексуальное насилие без физического контакта или проникновения. По международным судам, ООН и Римскому статуту это рассматривается как военное преступление или преступление против человечности, когда оно совершено военными служащими [3, с. 5]. Поскольку насильственные исчезновения представляют собой непрекращающиеся преступления, до тех пор, пока судьба или местонахождение исчезнувших лиц остаются неизвестными, они демонстрируют распространение МГП на длительные нарушения [4, с. 40].

Международное гуманитарное право может запретить использование белого фосфора в Газе до тех пор, пока оно продолжается в случае чрезвычайных травм или неизбирательного воздействия [2, с. 74]. Межгосударственное гуманитарное право запрещает использование определенных типов оружия и возлагает ответственность как на непосредственное командование, так и на неформальную динамику за насилие в условиях конфликта [5, с. 3]. Возможно, что чрезмерно иерархичное толкование МГП позволит некоторым преступникам избежать ответственности. Статья 12 позволяет включать региональные или индивидуальные обязательства, такие как обязательства по Берлинскому процессу в отношении пропавших без вести на Балканах в 1990-х годах из-за ее универсальности («независимо от происхождения») [4, с. 40]. Благодаря этим программам семьи погибших без вести могут узнать и вернуть останки своих родственников посредством регионального сотрудничества и нормативных рамок [6, с. 46].

Эта требовательная, но гибкая структура основана на мерах защиты, более тяжелых преступлениях и конкретных инструментах, направлена на наказание за военные преступления.

МГП отличается от международного права прав человека, когда речь идет о ситуациях вооруженного конфликта, поскольку оно регулирует ведение боевых действий и защищает лиц, не участвующих в боевых действиях, таких как граждане, раненые, заключенные, дети и медицинский персонал [7]. Международные Женевские конвенции требуют гуманного отношения во время войны. Государство может нарушать права человека в случае чрезвычайного положения в стране (ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах) [8, с. 209]. Несоразмерность военной необходимости запрещает использование неизбирательного оружия, такого как белый фосфор, и нападения на граждан [2, с. 74]. Этот запрет соответствует логике военных действий, в отличие от прав человека. Международное гуманитарное право относится к преступлениям, которые продолжаются, таким как насильственные исчезновения, до тех пор, пока судьба жертв не известна. [4, с. 40]. Такие преступления, как сексуальное рабство женщин или принудительная вербовка детей, в межгосударственных делах показывают, что нормы международного гуманитарного и международного уголовного права соответствуют друг другу, подтверждая их правовую автономию [9, с. 140].

Несмотря на официальные обязательства МГП в отношении женщин и детей, их применение в современных войнах остается в значительной степени недостаточным, что свидетельствует о сохраняющемся разрыве между нормами и реалиями на местах.

II. Расхождения между нормативными обязательствами и реальностью в современных конфликтах.

Международное гуманитарное право устанавливает четкие нормы, однако в контексте современных конфликтов нормативные обязательства часто отделяются от практических реалий войны пропастью. В результате женщины и дети часто становятся жертвами нападения во время конфликтов. Фактически, международное гуманитарное право считает сексуальное и гендерное насилие чрезвычайно тяжким преступлением. Организация Объединенных Наций отмечает, что пытки используются стратегически как в Газе, так и в Демократической Республике Конго. Римский статут квалифицирует их как военные преступления или преступления против человечности. Кроме того, может быть достаточно доказательств, чтобы установить, что нет согласия, что предотвращает повторную виктимизацию [3, с. 5]. Долгосрочные последствия сексуального насилия по признаку пола включают стигму, отвержение в семье, ИППП, самоубийства и нежелательную беременность. Неудачные индивидуальные подходы, такие как миграция или изоляция, требуют поддержки со стороны сообщества и более широкого доступа к психологической помощи [10, с. 1]. В районах конфликтов безнаказанность распространена из-за слабых институтов, правовых пробелов, страха жертв репрессий и цифровых угроз. Это вызывает «правовую

анархию», разрушающую защитные механизмы. Несмотря на то, что международное право имеет всеобъемлющую основу, существует значительный разрыв между стандартами и практикой, что приводит к необходимости укрепления национальных систем. Международная группа по гендерным вопросам предлагает проактивный подход, который включает женщин на всех этапах мирных процессов, чтобы защита женщин перестала быть просто ответной реакцией [3, с. 5]. Расширенное толкование теоретически способствует более быстрому ответу с обеих сторон. Однако оно также подчеркивает разницу между политическим прагматизмом и формальной законностью, когда эта структура применяется к сложным реалиям современных гражданских войн. Это гендерное повествование скрывает структурные властные отношения, а также сложные мотивы насилия, совершаемого гражданами или интимными партнерами [5, с. 3]. Эти причины показывают, что сведение сексуального насилия в конфликтных ситуациях к простой тактике скрывает его многочисленные источники.

В конфликтных процессах жертвы являются объектом иерархии. Выдвижение определенных групп на первый план не гарантирует равного обращения, а сообщения о сопротивлении или действиях часто замалчиваются. Эта асимметрия создает впечатление пассивных жертв. С другой стороны, из-за отсутствия гендерного опыта и психологической поддержки женщины имеют неравный доступ к правосудию [11, с. 149]. Таким образом, избавление от этих паттернов требует не только глубокого анализа институционального языка, но и внимания к практическим механизмам, которые регулируют включение или исключение.

В зонах конфликтов вербовка детей-солдат объясняется как структурными факторами, такими как бедность, отсутствие образования, крах институтов, так и контекстуальными факторами, такими как культура, демография и психологические проблемы. Высокопоставленные лица в Демократической Республике Конго демонстрируют это явление, которое усугубляется «ловушкой конфликта» и проблемами с проверкой возраста. Профилактика должна быть эффективной, если она сочетает право и социологию, адаптированные к местным условиям. Такие осторожные рассуждения могут создать более прочную основу для действий, направленных на постоянное сокращение, вербовку и использование детей-солдат, которые наносят глубокий и долгосрочный ущерб их когнитивному и эмоциональному развитию. С психологической точки зрения у них часто наблюдаются поведенческие проблемы, серьезные депрессии и посттравматические стрессовые расстройства (в некоторых исследованиях более 60 % случаев). Их образование сокращается примерно на год, доступ к высококвалифицированной работе сокращается вдвое, а доходы снижаются на треть. С эмоциональной точки зрения военная идеология вызывает постоянную агрессию и мешает мирному поведению. Насилие нарушает нейробиологические связи между миндалиной и префронтальной корой, что затрудняет эмоциональный контроль. Без эффективных программ реинтеграции эти подростки рискуют увековечить цикл насилия, ставя под угрозу их социальную реинтеграцию и их будущие возможности [12, с. 16].

III Правовые и институциональные препятствия для судебного преследования и рекомендации по усилению применения международного гуманитарного права.

Судебные системы, функционирующие в условиях вооруженных конфликтов, страдают от институциональных, политических и оперативных препятствий, препятствующих реализации МГП. Например, в Газе переговоры с местными властями или вооруженными группами, в том числе в труднодоступных районах, часто приводят к гуманитарному доступу, что усложняет операции и затрудняет судебные разбирательства. Нехватка опыта работы на местах также ограничивает возможности НПО фиксировать нарушения МГП. Однако данные, особенно в отношении репродуктивного здоровья и здоровья детей, недоступны и ограничены [13]. Доказательства нарушений, включая сексуальное насилие, и наказание за них препятствуют отсутствию надежных данных и институциональных недостатков, таких как доступ, ресурсы и правовые пробелы. Цифровые угрозы, проблемы с климатом и хрупкость государства усугубляют безнаказанность, создавая «беззаконие» [3, с. 5]. Стыд и страх мешают выжившим говорить о себе, создавая тишину, которая препятствует судебному преследованию. Но только репрессивное правосудие может не остановить гендерное насилие [5, с. 3]. Сосредоточение судебного анализа только на военных исключает злоупотребления со стороны гражданского населения вне боевых действий, увековечивает дискриминацию и вызывает медленное и фрагментарное многостороннее сотрудничество, как это было в Боснии [4, с. 40]. Институциональные препятствия свидетельствуют о укоренившейся дискриминации, которая маргинализирует политическую роль женщин даже в системах, призванных восстановить справедливость. Предотвращение сексуального насилия как средства ведения войны требует юридической ответственности и государственной реформы, но без учета гендерных отношений и других форм насилия такой подход может увековечить неравенство. В конфликтном контексте дискриминация опирается на два рычага: гендерную и военизированную дискурсивную конструкцию профилей жертв и преступников [5, с. 3]. Несмотря на то, что законодательство обязано поддерживать отслеживание жертв, политизация и утаивание фактов мешают осуществлению правосудия. Из-за отсутствия национального укрепления структурные, процессуальные, законодательные и стратегические недостатки судебных систем в условиях конфликта ставят под угрозу применение международного права.

Кроме того, несмотря на прочную правовую базу, международные гуманитарные нормы не применяются из-за отсутствия политической воли. Продолжающаяся блокада насильственных исчезновений в Боснии и Герцеговине, политика, отсутствие расследований и сокрытие могил препятствуют осуществлению правосудия и усугубляют страдания семей, нарушая их право на жизнь в отсутствие эффективных расследований [4, с. 40]. Недостаточная вовлеченность некоторых ключевых игроков, обусловленная политическим выбором, а не техническими ограничениями, препятствует возмещению ущерба окружающей среде и людям, а также восстановлению.

Когда дело доходит до борьбы с сексуальным насилием в конфликтных ситуациях, это отсутствие является причиной политических и судебных проблем [3, с. 5]. Власти сталкиваются с более чем 25 делами, и им трудно действовать, если нет значительной политической мобилизации. Не только нехватка ресурсов, но и отсутствие политических инициатив. Некоторые критики отмечают, что сосредоточение внимания только на судебном аспекте означает игнорирование части проблемы [5, с. 3]. Ограниченный доступ показывает, что нет политической воли проводить всеобъемлющую реформу. Не было предпринято конкретных действий в Боснии после ратификации Конвенции о насильственных исчезновениях [4, с. 40]. Нехватка политической воли препятствует расследованиям, нарушениям закона, реформам и поверхностным мерам. Таким образом, международное гуманитарное право не работает, если нет политической воли.

Необходимо предпринять ряд конкретных мер, чтобы повысить эффективность МГП, основанного на практике государств, деятельности таких организаций, как Международный Комитет Красного Креста (МККК) и Организация Объединенных Наций, а также на достижениях правовой доктрины. Первым шагом должно быть принятие действий на национальном уровне. Это означает включение МГП в внутреннюю правовую систему с помощью законов и указов для наказания за серьезные нарушения, приравняемые к военным преступлениям. Кроме того, это предполагает назначение соответствующих органов, таких как юридические консультанты, интегрированные в Вооруженные силы, а также обеспечение профессиональной подготовки и обучения всех заинтересованных сторон [14]. По этой же логике крайне важно, чтобы МГП были включены в учебные программы правоохранительных органов, гражданского персонала и вооруженных сил, участвующих в конфликтах, а также регулярно проводились занятия для судей, юристов и парламентариев по их обязанностям в этой области. Кроме того, необходимо укрепить механизмы контроля и подотчетности. Это означает, что расследования предполагаемых нарушений должны проводиться быстро, объективно и эффективно, а виновные должны быть привлечены к ответственности в национальных или международных судах (например, Международный уголовный суд или специальные трибуналы), а также должны быть созданы независимые международные комиссии по расследованию, как это было в случае с деятельностью ООН в секторе Газа [15]. Защита эмблем и охраняемых объектов имеет первостепенное значение. Государствам следует запретить неправомерное использование эмблем, таких как Хрустально-красный, Красный Крест и Красный Полумесяц. Они также должны четко обозначить медицинские учреждения, места отправления культа, культурные ценности и гражданские районы. Не менее важно облегчить доступ к гуманитарным услугам и обеспечить безопасность соответствующих сотрудников. Это можно сделать, обеспечив беспрепятственный доступ к гуманитарным учреждениям и гарантии безопасности сторон в конфликте, а также установив уголовную

ответственность за преднамеренные нападения на медицинский персонал, больницы и гуманитарные конвои [16, с. 380]. Использование новых технологий и информационно-пропагандистская деятельность дает больше возможностей влиять. К ним относятся документирование нарушений с помощью спутниковых изображений, беспилотных летательных аппаратов или цифровых свидетельских показаний, а также проведение кампаний публичного дипломатического давления с целью напомнить об обязательствах, вытекающих из МГП [17]. В то же время необходимо расширить международное сотрудничество, в том числе путем обмена передовым опытом и доказательствами в рамках таких сетей, как Международная комиссия по контролю за соблюдением МГП или европейская сеть МГП, а также путем включения положений, касающихся МГП, в мандаты операций, мирные соглашения и другие мирные инструменты санкций. Наконец, очень важно поддерживать превентивные меры. Это включает в себя поощрение правительств к принятию законов, запрещающих оружие, не соответствующее нормам МГП, таким как противопехотные мины, кассетные боеприпасы и химическое оружие, а также создание национальных комиссий по МГП для совместного руководства и координации действий правительства. Постоянная политическая воля и активное участие со стороны государств, региональных организаций, гражданского общества и вооруженных негосударственных организаций необходимы для реализации этих мер [18].

Сегодняшние вооруженные конфликты показывают недостатки международного гуманитарного права, особенно в отношении защиты граждан, женщин и детей. Из-за институциональных, политических и культурных препятствий серьезные нарушения, такие как разрушение окружающей среды, сексуальное насилие и вербовка детей-солдат, являются распространенными и часто остаются безнаказанными. Установить ответственность организованных вооруженных групп сложно, поэтому требуются механизмы, которые выходят за рамки индивидуального подхода. Кроме того, реализация мер защиты усложняется противоречиями между гуманитарным правом и правом человека. Сравнение сексуального насилия с «оружием войны» является упрощением, поскольку оно недостаточно жестко преследуется.

Программы реинтеграции, учитывающие нейropsychологические травмы, необходимы для вербовки детей-солдат. Продолжающиеся конфликты, слабые суды и политическая неволя оставляют людей безнаказанными. Чтобы исправить ситуацию, необходим комплексный подход, который включает в себя институциональные изменения, адаптацию к законодательству и трансформацию культуры. Наконец, гуманитарное право работает только с политической и коллективной мобилизацией, которая объединяет юридическую строгость, социальную чуткость и политическую решимость для защиты населения и его достоинства от вооруженного насилия.

Список цитированных источников

1. Bradley, M. M. The collective responsibility of organised armed groups for sexual and gender-based violence during a non-international armed conflict / M. M. Bradley, A. de Beer // Stellenbosch Law Review. – 2021. – Vol. 32, No. 1. – URL: <https://repository.up.ac.za/server/api/core/bitstreams/7cc36c8b-64de-43bc-b34c-10a89b087e3b/content> (date of access: 15.04.2026).
2. Putra, M. R. S. Protection of civilian victims of armed conflict based on international law (case study of the israeli and palestinian conflict) / M. R. S. Putra, A. A. Zimah, F. Febriany, V. N. Rusli // IJRAEL: International Journal of Religion Education and Law. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – P. 74.
3. Karvatska, S. Sexual and gender-based violence in armed conflicts: Problems of defining and creating a prevention mechanism / S. Karvatska, T. Gnatuyk, A. Labyk // Baltic Journal of Legal and Social Sciences. – 2024. – No. 2. – P. 5.
4. Bringing IHL Home // ICRC.org. – URL: <https://casebook.icrc.org/highlight/bringing-ihl-home> (date of access: 07.05.2026)
5. Evrard, E. The language of inclusion: Using critical corpus-based methods to study the presence and representation of “women, children and vulnerable groups” in liberia’s truth commission / E. Evrard // Social Justice Research. – 2024. – Vol. 37, No. 1. – P. 149–179.
6. Політова, А. Міграція та торгівля людьми в умовах збройного конфлікту: взаємозв’язок і наслідки 2022 / А. Політова // Migration & Law – 2022. – Вип. 2, № 3–4. – С. 46–62.
7. Bolborici, A. M. Children’s rights in conflict according to the international humanitarian law / A. M. Bolborici // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series VII : Social Sciences & Law. – 2024. – No. 16 (65). – P. 15–20.
8. Ashri, M. Reconciliation of humanitarian law and human rights law in armed conflict / M. Ashri // Hasanuddin Law Review. – 2019. – Vol. 5, No. 2. – P. 209–219.
9. Oyewole, O. O. A critical analysis of the prosecution of sexual and gender-based violence at the international criminal court / O. O. Oyewole // ABUAD Law Journal (ALJ). – 2023. – Vol. 11, No. 1. – P. 140–178.
10. Tewabe, D. S. Gender-based violence in the context of armed conflict in northern ethiopia Conflict and Health / D. S. Tewabe [et al.]. – 2024. – Vol. 18, No. 1. – P. 1.
11. García-Giraldo, J. P. Aportes y desafíos de la narrativa violencia sexual como arma de guerra para la prevención de crímenes atroces basados en el género / J. P. García-Giraldo // Revista CS. – 2024. – No. 42. – P. a03.
12. Rasakandan, S. Breaking the risk of conflict trap: Way forward for limiting child soldiers’ phenomenon / S. Rasakandan, H. Begum // Journal of Politics and Law. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – P. 16.
13. Southall, D. Abuse of women and children in armed conflict and domestically: More effective safeguarding systems urgently needed to prevent these crimes and ensure protection / D. Southall, R. MacDonald, S. MacKenzie // Medical Research Archives. – 2024. – Vol. 12, No. 2. – URL: <https://esmed.org/MRA/mra/article/view/5048/99193547748> (date of access: 15.04.2026).
14. Bringing IHL home through domestic law and policy / Fifth Universal Meeting of National Committees and Similar Entities on International Humanitarian Law International Review of the Red Cross, November 29 to December 2, Geneva. – Geneva : International Committee of the Red Cross, 2022. – 60 p. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/bringing_ihl_home_through_domestic_law_and_policy.web_.pdf (date of access: 15.04.2026).

15 Lubell, N. Whose perception of justice? Real and perceived challenges to military investigations in armed conflict / N. Lubell // International Review of the Red Cross. – 2021. – Vol. 103, No. 916–917.

16. Pictet, J. (ed.). Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949: Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field (Convention I). – Geneva : International Committee of the Red Cross, 1952.

17. Millett, E. Deploying OSINT in armed conflict settings: law, ethics, and the need for a new theory of harm / E. Millett // ICRC Humanitarian Law & Policy Blog. – URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2023/12/05/deploying-osint-in-armed-conflict-settings-law-ethics-theory-of-harm/> (date of access: 15.04.2026).

18. Haseljić, M. A. Violation of human rights and enforced disappearance in Bosnia and Herzegovina / M. A. Haseljić // Frontiers in Law. – 2023. – Vol. 2.

Sou M., Nizhny Novgorod, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), graduate student specializing in the History of International Relations and Foreign Diplomacy.

Academic advisor: Khokhlysheva O. O., Nizhny Novgorod, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Head of the Department of World Diplomacy and International Law, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЗАЩИТА ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

LEGAL STATUS AND PROTECTION OF MISSING PERSONS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Старовойтова М. Ю.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Дорина В. В.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права

Аннотация. В статье дан подробный анализ международного права, регулирующего защиту пропавших без вести военнослужащих в условиях международного конфликта.

Ключевые слова: пропавший без вести, вооруженный конфликт, военнослужащий.

Abstract. The article provides a detailed analysis of international law governing the protection of missing military personnel in situations of international conflict.

Keywords: missing person, armed conflict, military personnel.

Столько, сколько существует человечество, столько существуют и войны. И вопрос о необходимости защиты невинных жертв войны от ее негативных последствий и связанных с ними страданий не является чем-то новым. В древности в войнах практически не было каких-либо установленных правил, кроме права сильного, значащего, что побежденный подчиняется победителю, и принципа *vae victus* (горе побежденным), провозглашенного предводителем галлов Бренном после завоевания Рима в 39 г. до н. э., когда обнаружили на весах выплаты гири, и вождь галлов сказал: «Горе побежденным!» и бросил свой меч на весы, показывая тем самым, что победитель сам устанавливает свои правила.

Однако уже на ранних этапах развития человечества можно найти доказательства гуманизма во время войн: так археологи обнаружили, что в эпоху неолита за ранеными ухаживали, им вправляли суставы и даже лечили травмы черепа. Также практиковались различные устные, а позже и письменные договоренности, такие, как перемирие или обмен пленными,

что можно проследить в монгольских преданиях, где есть упоминания об обмене пленными, где в качестве выкупа могли выступать люди или драгоценности.

Развитие хозяйственных отношений и социальная организация в древних цивилизациях, где экономика была построена на рабстве, не могли не отражаться на войне и ее обычаях. В таких цивилизациях война часто была средством расширения территории и поддержания экономической и политической силы, а насилие и жестокость могли восприниматься как нечто естественное во время ведения боевых действий. Но даже тогда уже появлялись попытки установить определенные правила в поведении воюющих сторон. Например, у древних шумеров были организованы военные действия с объявлением войны и перемирия, а также с правилами обращения с пленными и ранеными, что говорит о том, что существовало понимание необходимости ограничений в войне [1].

История позволяет проследить длительную эволюцию норм, призванных защитить человека от жестокостей войны. Сегодня эта основа глубоко вплетена в международное гуманитарное право, стремящееся защитить жизнь, здоровье и достоинство человека даже в условиях вооруженных конфликтов. Особое значение поиск пропавших без вести имеет как с гуманитарной, так и с правовой точки зрения. Во-первых, установление судьбы военнослужащих позволяет их семьям получить долгожданные ответы, завершить этап неопределенности и начать процесс психологического исцеления. Во-вторых, обнаружение захоронений и правильное проведение похоронных ритуалов отвечает религиозным и культурным традициям, что важно для сохранения памяти и уважения к погибшим. С правовой стороны, признание человека пропавшим без вести или погибшим влияет на оформление наследственных прав, получение социальных пособий и компенсаций, а также на реализацию других юридических прав членов семьи. Таким образом, поиск пропавших без вести способствует не только восстановлению исторической справедливости, но и защите прав и интересов родственников, поддержанию общественной стабильности и гуманитарных ценностей.

Многие люди пропадают без вести на войне, и это причиняет страдания их семье и друзьям, создает у них ощущение неопределенности. Люди имеют право знать, что случилось с их близкими. Из-за постоянной неясности родственники могут не иметь возможности даже выразить свою скорбь. Согласно определению, данному Международным Комитетом Красного Креста (далее – МККК), пропавший без вести лицо, о котором нет никаких известий, и (или) о котором достоверно известно, что оно пропало в результате вооруженного конфликта или ситуации насилия внутри страны. В Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (далее – МКЗВЛНИ) используется термин «исчезнувшее лицо», который обозначает лиц, исчезнувших после «ареста, задержания, похищения или лишения свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами

или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона» (МКЗВЛНИ, ст. 2). Исчезновения, совершенные негосударственными группами, действующими без разрешения, поддержки или согласия государства, также подпадают под действие МКЗВЛНИ (ст. 2 и 3) [2].

Международное гуманитарное право (далее – МГП) устанавливает три важные обязанности в отношении лиц, пропавших без вести, и их семей: предотвращать случаи их безвестного исчезновения; устанавливать судьбу и местонахождение пропавших, а также сообщать об этом их родственникам; а также проводить расследование военных преступлений, связанных с исчезновениями и насильственными исчезновениями, а при необходимости привлекать виновных к ответственности.

В международных и немеждународных вооруженных конфликтах МГП включает в себя ряд норм, касающихся предотвращения исчезновений, в частности в случае разлучения с родственниками, тюремного заключения или смерти. В нем содержатся правила, направленные на то, чтобы, наконец, предоставить информацию о судьбе людей и обеспечить возможность предотвращения их исчезновения. Также актуальны нормы обращения с гражданскими лицами и лицами, которые больше не связаны с военными действиями, нарушение данных норм зачастую влечет за собой исчезновение по неизвестной причине.

В условиях международных вооруженных конфликтов семьи имеют законное право получать сведения о судьбе и местонахождении своих родственников, пропавших без вести. Это право прямо закреплено в Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I которые устанавливают юридические обязательства для государств-участников и других сторон конфликта. Согласно ст. 32 Дополнительного протокола I (далее – ДП I), государства и гуманитарные организации должны признавать и уважать право семей на получение информации о судьбе близких, находящихся в плену, пропавших или раненных. Положение акцентирует важность необходимости обеспечения доступа к информации, что позволяет семьям уменьшить неопределенность и страдания, связанные с отсутствием сведений о пропавших родственниках. Оно обязывает стороны конфликта активно сотрудничать в сборе и передаче информации, а также организовывать процедуры, которые помогают устанавливать судьбу пропавших лиц. Помимо вышеуказанных международных договоров, обычное международное гуманитарное право содержит обязательное требование для всех участников конфликта как международного, так и немеждународного характера прилагать все возможные усилия для установления судьбы пропавших без вести и обеспечивать родственников любой доступной информацией о них [3; 4].

Международное право прав человека содержит нормы и стандарты, которые связаны с предупреждением безвестных исчезновений и выяснением участи и местонахождения тех, кто пропал без вести в результате не только вооруженного конфликта, но также бедствий и катастроф или

в ходе миграции. Кроме того, оно включает в себя нормы, связанные с расследованием серьезных нарушений прав человека и судебным преследованием виновных в них лиц. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. первый универсальный договор, который включает в себя конкретные обязательства государств-участников предупреждать насильственные исчезновения людей и защищать от них. В случае заявлений или подозрений о насильственном исчезновении государства должны принимать все надлежащие меры для розыска, определения местонахождения и освобождения пропавших без вести лиц, а также расследовать случаи насильственных исчезновений и привлекать виновных к ответственности. Наконец, государства должны принимать все соответствующие меры для осуществления права пострадавших знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе пропавшего без вести лица.

В соответствии с МППЧ существуют обязательства, связанные с розыском пропавших без вести лиц, а также с соответствующими правами и потребностями их семей.

В отношении предполагаемых или подозреваемых насильственных исчезновений МКЗВЛНИ предусматривает, что государства-участники принимают все надлежащие меры для розыска, установления местонахождения и освобождения исчезнувших лиц, а в случае смерти для установления местонахождения, обеспечения уважения и возвращения их останков (МКЗВЛНИ, ст. 24 (3)). Она также предусматривает, что государства-участники сотрудничают друг с другом и оказывают друг другу самое полное содействие в эксгумации, установлении личности исчезнувших и возвращении их останков (МКЗВЛНИ, ст. 15). Она предусматривает право жертв знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица и требует, чтобы государства-участники приняли надлежащие меры с этой целью (МКЗВЛНИ, ст. 24 (2)).

Комитет ООН по насильственным исчезновениям принял руководящие принципы розыска пропавших без вести лиц, определяющие механизмы, процедуры и методы, с помощью которых государства должны выполнять свои обязательства по розыску пропавших без вести в соответствии с МКЗВЛНИ. Например, в контексте миграции руководящие принципы признают особую уязвимость мигрантов и призывают государства заключить соглашения о сотрудничестве, а компетентные органы обеспечить эффективную координацию в розыске пропавших без вести лиц на каждом этапе миграции.

Кроме того, договорные органы ООН и региональные суды интерпретируют положения о правах человека как порождающие обязательства государств, относящиеся к розыску пропавших без вести лиц в целом, а также к правам и потребностям их семей. В частности, право на жизнь налагает на

государства процессуальную обязанность проводить эффективное расследование незаконных или подозрительных смертей в пределах своей юрисдикции. Основываясь на праве на эффективное средство правовой защиты и обязанности государственных органов проводить эффективное расследование обстоятельств исчезновения или других грубых нарушений прав человека, органы по правам человека и региональные суды также признали право на установление истины. При соблюдении этих обязательств они могут способствовать выяснению участи и местонахождения пропавших без вести [2].

Однако необходимо повышение эффективности поиска пропавших и защиты их прав и прав их семей. В связи с этим предлагается создать международный реестр пропавших без вести (далее – МРП), объединяющий сведения из правоохранительных, военных, медицинских и волонтерских источников, а также обеспечивающий централизованный доступ к этим данным для оперативного реагирования и координации поисковых мероприятий. Для этого необходимо разработать и принять специализированный закон «О пропавших без вести», в котором будет определен статус «пропавший без вести» с уточнением юридических и социальных последствий, утверждением прав родственников на доступ к информации и порядка признания лица пропавшим без вести и снятия этого статуса, установлением механизмов оперативного поиска и идентификации с применением современных технологий. А также утвердить порядок внесения, обновления и использования данных в МРП и определить ответственность за своевременное и точное предоставление сведений в МРП. Уполномочить государственный орган (например, МВД) ответственностью за ведение реестра, сформировать межведомственную комиссию для координации работы и обмена информацией между различными государственными органами и гражданами. Также следует разработать защищенную цифровую платформу с функцией разграничения доступа к ней и обеспечить ее интеграцию с существующими государственными информационными системами, а также с МККК, Интерполом и другими структурами для обмена данными и опытом. В последствии следует разработать образовательно-информационную программу по обучению сотрудников и волонтеров работе с реестром и информированию населения о возможностях и важности реестра.

Также предлагается применять современные технологии при поиске пропавших без вести, например, ДНК-анализ, искусственный интеллект, использование дронов с камерой и тепловизором, создание мобильного приложения для граждан, как платформы для сообщений о пропавших лицах, получения уведомлений и обмена информацией. Рассмотрим каждую технологию отдельно:

1. ДНК-анализ:

Во время Великой Отечественной войны пропало около 4 млн советских солдат, многие из которых не найдены до сих пор. Основная сложность

идентификации связана с тем, что в большинстве случаев военные «смертельные медальоны» с личными данными отсутствовали, а останки зачастую обнаруживались в больших братских могилах. Современные технологии ДНК-анализа позволяют извлекать генетический материал из костей даже спустя почти век в неблагоприятных условиях и с высокой точностью сопоставлять его с биоматериалом родственников погибших, что значительно повышает шансы на установление личности.

Необходимо создать специализированные базы ДНК найденных останков, которые со временем будут дополняться биоматериалами живущих родственников для проведения сравнительных исследований. Такие базы дадут возможность восстановить индивидуальность солдат, ныне считающихся безымянными, и обеспечить достойные захоронения с полной идентификацией. Можно взять за основу государственную программу Российской Федерации по поиску и идентификации воинов Великой Отечественной войны, включающую в себя обучение поисковиков, создание координационных центров, финансовое стимулирование за находки и планирование масштабных ДНК-лабораторий с целью массового анализа останков.

В будущем ДНК-анализ также сможет применяться для анализа останков в современных зонах военных действий, где традиционные методы опознания ограничены. Такой способ опознания позволяет отказаться от субъективных и менее точных методов идентификации, таких как опознание внешних личных знаков или использование вещдоков.

2. Искусственный интеллект (далее – ИИ).

Модели предсказания и аналитики на основе ИИ могут изучать предыдущие пропажи с учетом сезонных, географических и социальных факторов для прогнозирования вероятных зон поиска. Также автоматический выбор радиуса поиска, создание текстовых описаний и ключевых меток для фотографий позволяет свести к минимуму человеческий фактор и ошибки, повысить эффективность действий поисковых групп.

Такие ИИ-системы, как программный комплекс Find face от компании NtechLab способны с рекордной точностью (более 99,9 %) и высокой скоростью анализировать видеопотоки с камер наблюдения, идентифицируя лица пропавших за доли секунды. Такая технология уже применена в России, и она помогла найти десятки пропавших без вести и раскрыть сотни преступлений [4], ее можно взять за основу и существенно повысить оперативность и эффективность работы правоохранительных органов.

Задействование беспилотных средств и видеомониторинга местности значительно повысит скорость расследования дел по поиску пропавших без вести, так как беспилотники, оснащенные ИИ для обработки камер и тепловизоров, способны быстро покрывать большие территории и выявлять аномалии, возможные признаки присутствия пропавших. Например, дрон обследует 0,5 кв. км местности за 15 минут, в то время как пешая

группа потратит до 6 часов, при этом ИИ в реальном времени передает оператору точки интереса для дальнейшего реагирования.

Таким образом, ИИ в сочетании с другими современными технологиями (дронами, биометрией) значительно меняет парадигму поиска пропавших без вести, делая процесс более быстрым, точным и масштабируемым.

3. Мобильное приложение для граждан.

Мобильное приложение для граждан, предназначенное для поиска пропавших без вести, может стать важным элементом международной системы по поиску пропавших без вести, позволяющее вовлекать широкое общество в процесс поиска и обмена информацией. Основными функциями данного приложения будут:

Регистрация и сообщение о пропаже. Пользователи смогут мгновенно сообщить о пропаже человека, добавляя фотографии, описание, дату и место исчезновения.

Геолокация и оповещения. Приложение будет автоматически определять локацию пользователя и уведомлять о пропажах в непосредственной близости от его текущего местоположения. Также будут использоваться уведомления для оповещения тех, кто находится рядом с предполагаемым местом исчезновения, что повысит вовлеченность граждан и скорость реакции.

Обратная связь и взаимодействие. Предлагается создание личного кабинета, в котором пользователи смогут отслеживать статус своих заявок и получать обновления. Также добавить чат для обмена информацией между родственниками, волонтерами и поисковыми службами, с возможностью для пользователей отправлять фото- и видеоотчеты о потенциальных свидетелях и находках.

Интеграция с государственными системами. Приложение будет взаимодействовать с сервисами государственных услуг для расширения функционала и синхронизацией с национальными реестрами пропавших лиц и правоохранными базами данных.

В России, например, приложение «Госуслуги» интегрируют с волонтерской системой «ЛизаАлерт» [15], где пользователи получают уведомления о пропавших в своем регионе и могут быстро подключиться к поиску. В Беларуси же уже есть проекты волонтерских поисковых отрядов, которые используют мобильные и онлайн-системы для координации, что может быть основой для создания единого международного приложения.

Следовательно, для улучшения поиска пропавших без вести необходимо интегрировать современные технологии в правовую и организационную систему. Законодательство должно предусмотреть создание специализированных баз ДНК для идентификации останков, включая механизм сбора биоматериалов родственников и организацию государственных лабораторий. Необходимо внедрять искусственный интеллект для анализа

данных, прогнозирования мест поиска и ускорения идентификации лиц с использованием видеомониторинга и беспилотников. Также важно разработать нормативно-правовые основы для создания мобильного приложения, обеспечивающего быструю регистрацию пропаж, информирование граждан и взаимодействие с государственными системами. В законодательстве следует закрепить основные требования к защите персональных данных и координации всех участников поиска. Такой комплексный подход позволит повысить эффективность и точность работы правоохранительных и волонтерских служб.

Список цитированных источников

1. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право / В. Ю. Калугин. – Мн. : Тесей, 1999. – 44 с.
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 23.10.2025).
3. Женевская конвенция об обращении с военнопленными : принята 12 августа 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения: 23.10.2025).
4. Право и политика // Missing Persons Platform. – URL: <https://missingpersons.icrc.org/ru/law-policies> (дата обращения: 24.10.2025).
5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. Минск, 2003–2024. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 24.10.2025).
6. Чурсина, А. С. Признание неизвестного отсутствия физического лица в Республике Беларусь: теория и практика / А. С. Чурсина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9. – С. 263–265.
7. Механизмы по пропавшим без вести // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://missingpersons.icrc.org/ru/mechanisms> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Архивы. Ничего, кроме правды. Совместный проект Министерства юстиции Республики Беларусь и БелТА ; под общ. ред. С. Н. Хоменко, И. Б. Акулович ; автор вступит. статьи, сост. С. В. Кулинок. – Мн. : БЕЛТА, 2023.
9. Судебные и нормативные акты РФ // Суд Акт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bvi6oymC0UJP/> (дата обращения: 05.11.2025).
10. Гигевич, А. И. Методика расследования неизвестного исчезновения граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Гигевич Александр Игоревич ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Мн., 2019. – 25 с.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН информ.-поисковая система (дата обращения: 08.11.2025).
12. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений : принята резолюцией 61/177 Генер. Ассамблеи от 2 дек. 2006 г. // Организация Объединенных Наций (дата обращения: 08.11.2025). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 23.10.2025).

14. Фесечко, Л. И. Проблемы поиска лиц, пропавших без вести в результате вооруженного конфликта / Л. И. Фесечко // Альманах міжнар. права. – 2009. – № 1. – С. 195–202.

15. Стовер, Э. Лица, пропавшие без вести в результате войны: когда сталкиваются интересы семей жертв войны и международных трибуналов по расследованию военных преступлений? / Э. Стовер, Р. Шигекане // Междунар. журнал Красного Креста. – 2002. – № 848. – С. 141–165.

Starovoitova M. Yu., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Law Faculty student.

Academic advisor: Dorina V. V., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Senior Lecturer in the Department of Constitutional and Criminal Law.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

THEORETICAL AND PRACTICAL BASES OF THE INTERNATIONAL RED CROSS AND RED CIVILIAN PROTECTION COMMITTEE'S ACTIVITIES DURING ARMED CONFLICTS

Шевцова В. И.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,

студент юридический факультета

Научный руководитель

Дорина В. В.

Республика Беларусь,

г. Новополоцк,

УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,

старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права,

магистр юридических наук

Аннотация. В статье анализируются теоретические основы и практическая деятельность МККК по защите гражданского населения во время вооруженных конфликтов, включая современные вызовы.

Ключевые слова: Международный Комитет Красного Креста, гражданское население, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, защита жертв войны.

Annotation. The article analyzes the theoretical foundations and practical activities of the ICRC to protect civilians during armed conflicts, including contemporary challenges.

Keywords: International Committee of the Red Cross, civilian population, armed conflict, international humanitarian law, protection of war victims.

Во время вооруженных конфликтов одними из наиболее актуальных вопросов являются вопросы о защите гражданских объектов и самого гражданского населения, акцентируя внимание на их уязвимом положении. Уязвимость гражданского населения выражается в прямой угрозе их жизни, здоровью и разрушению их привычного образа жизни и механизмов выживания посредством воздействия на гражданские объекты. В международном гуманитарном праве установлен принцип, выражающийся в запрете

нападения на гражданских лиц и гражданские объекты, которые при любых условиях являются исключительными и получающие защиту и уважение вне зависимости от различий в идеологических, моральных, социально-экономических суждениях в различных странах [1, с. 220]. В поддержании правила о запрете нападения на гражданских лиц и гражданские объекты, данный вопрос подвергается постоянному исследованию, анализу, и рассматривается в рамках вооруженных конфликтов. Действуют различные организации, в компетенцию которых входит рассмотрение вопросов о защите населения и объектов. К примеру, организация «Международный комитет Красного Креста» (далее – МККК), основанная в 1863 году в Женеве, центральной задачей которой является защита жертв войны, их жизни и достоинства, а также поддержка жизненно важных потребностей [2, с. 52]. Деятельность МККК основывается на четырех Женевских конвенциях и трех Дополнительных протоколах к ним. Эти документы вступают в силу с момента начала или же объявления вооруженного конфликта и прекращаются с окончанием вооруженного конфликта, что закрепляется в общей статье для четырех конвенций [3, с. 155].

Международный Комитет Красного Креста является независимой, нейтральной, беспристрастной организацией. На основе этих принципов, а также принципов гуманности, добровольности, единства и универсальности и действует организация [4]. К вопросу о защите гражданского населения и гражданских объектов было изучено масштабное исследование, в котором МККК с участием известных экспертов систематизировал нормы обычного международного гуманитарного права, применяемые в вооруженных конфликтах. В части первой труда «Принцип проведения различий» в главе 1 закрепляются различия между гражданскими лицами и комбатантами (лицами, принимающими участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон вооруженного конфликта).

В исследовании закрепляется, что конфликтующие стороны должны проводить различие в любое время между гражданскими лицами и комбатантами. Устанавливается, что стороны, которые состоят в вооруженном конфликте в любое время должны проводить различие между военными объектами и гражданскими. Нападения происходят только на военные объекты. Это положение закреплено во всех Дополнительных протоколах и, безусловно, не является предметом оговорок. Нападения направляются на комбатантов, но не на гражданских лиц. Санкт-Петербургской декларацией был впервые закреплён этот принцип. В Гаагском положении, что следует из анализа ст. 25, не прямо, но также присутствует этот принцип: запрещено «атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения» [5, с. 4]. В Дополнительном Протоколе I также изложен этот принцип в ст. 48, 51 (2), 52 (2). В Оттавской конвенции, Протоколе I Протоколе II Протоколе с поправками III закрепляется запрещение отдельных видов обычного оружия, а в Оттавской конвенции установлен запрет на противопехотные наземные мины.

В Дополнительном протоколе II ст. 13 запрещает превращать гражданское население и отдельных гражданских лиц в объект нападения. Умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях, а также умышленное нанесение ударов по гражданскому населению, согласно Статуту Международного уголовного суда, является военным преступлением. В уголовном законодательстве многих стран существуют нормы, которые в том числе закрепляют уголовную ответственность за прямые нападения на гражданских лиц. В труде указывается, что официальной практики, которая каким-то образом могла бы противоречить этому положению не было найдено, это касается и международных вооруженных конфликтов, и немеждународных вооруженных конфликтов. Возможные нарушения этой нормы осуждаются вне зависимости от того, каким по своей сути является вооруженный конфликт: международным или немеждународным [5, с. 32].

В качестве примера можно обратиться к ситуации в секторе Газа. К середине 2025 года система здравоохранения региона оказалась на грани полного разрушения. Столкнувшись с нехваткой мест, персонала и медикаментов, МККК был вынужден экстренно развернуть полевой госпиталь. Ежедневно это учреждение работало на пределе своих возможностей, принимая раненых гражданских лиц, тогда как регулярные больницы неоднократно выходили из строя из-за боевых действий. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Рафахе и Хан-Юнисе, где доступ гуманитарных организаций был серьезно ограничен, а медицинские работники подвергались смертельным рискам [6]. Осознавая масштаб катастрофы, соседние государства, в частности Иордания и Египет, совместно со Всемирной организацией здравоохранения организовали медицинскую эвакуацию. Тысячи раненых палестинцев, включая тяжелобольных детей, были вывезены для лечения в специализированные клиники [7].

На Дипломатической конференции, где были приняты Дополнительные протоколы, Мексика заявила, как страна, традиционно занимающая активную позицию в вопросах международного права, что ст. 51 и 52 о запрете актов насилия и угрозу насилия гражданского населения важна столь сильно, что ни в коем случае не может быть предметом каких-либо оговорок, иначе, она будет несовместима с поставленными задачами и целями Протокола I Закрепляется, что нарушение данной нормы во многих странах влечет за собой уголовную ответственность. Великобритания, являющаяся постоянным членом Совета Безопасности ООН заявила, что ст. 51 (2) подтверждает действующую норму обычного международного права [5, с. 4]. Норма той же главы закрепляет за собой определение комбатантов. Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны в конфликте являются комбатантами, кроме медицинского и духовного персонала. Эта норма берет свои истоки еще с Гаагского положения в котором указывается, вооруженные силы воюющих стороны могут состоять как из сражающихся, так и не сражающихся. Данная норма в настоящее время закрепляется в ст. 43 (2), Протоколе I Когда медицинский и духовный персонал входит в состав

Вооруженных сил, он все еще считается некомбатантом. Временные медицинские работники пользуются уважением и защитой до того момента, пока они выполняют свои медицинские обязанности, закрепляясь в Первой Женевской конвенции. Таким образом, были изучены некоторые теоретические аспекты, на которых базируется деятельность Международного Комитета Красного Креста и построено в целом международное гуманитарное право.

Рассмотрим практические аспекты деятельности МККК. В соответствии с принципами нейтральности, беспристрастности, Международный комитет, во время вооруженного конфликта стремится вести диалог со всеми участниками этого конфликта, а также с пострадавшим населением в ходе него. Этот подход, а именно нейтральное посредничество комитета помогает ему эффективно и четко выполнять поставленные задачи. Чтобы получить доступ, например, в больницы или в зоны боевых действий, необходимо вести переговоры с соответствующими сторонами. Комитет действует только с согласия соответствующей стороны. Как пример посреднической роли Комитета также выступает организация обмена семейными новостями через границу или линиями фронта.

Показательным примером такой работы в 2025 году стала деятельность МККК в Демократической Республике Конго. Там обе стороны конфликта подтвердили нейтральную роль Комитета в освобождении задержанных и транспортировке лекарств через линии фронта. Благодаря этим переговорам, больницы МККК в Гоме и Букаву оставались одними из немногих работающих учреждений в активных зонах конфликта, приняв более 200 раненых только за первые два месяца 2025 года [8]. Еще одним примером является миссия в Судане, где делегаты МККК провели диалог с Силами быстрого реагирования на высоком уровне, обсуждая правила защиты гражданского населения [9].

МККК действует сотрудничая с другими организациями. Для поддержания обязательств, которые закрепляются в соглашениях о правилах ведения вооруженных конфликтов, Международный Комитет Красного Креста ведет конфиденциальные диалоги между сторонами, вступившими в вооруженный конфликт, напоминая им об обязательствах, и гуманитарным последствиям, которые могут возникнуть в случае нарушения ими возложенных на них обязательств.

Также во время конфликтов МККК отслеживает само соблюдение норм международного гуманитарного права. Комитет отслеживает их разными способами: это могут быть сообщения от самих сторон, либо же от пострадавших в ходе конфликта, а также собственные наблюдения комитета во время [10].

Одним из ключевых практических направлений деятельности МККК является защита прав лиц, содержащихся под стражей. Используя свой статус нейтральной организации, делегаты МККК получают доступ в места лишения свободы для мониторинга условий содержания и соблюдения гарантий справедливого обращения. Они проводят беседы с заключенными без

свидетелей, а затем передают конфиденциальные доклады удерживающим властям. При необходимости содействуют оказанию медицинской помощи или передаче вещей. При этом МККК принципиально не дает правовой оценки причинам задержания, фокусируясь исключительно на гуманитарном аспекте [11].

Примером эффективной реализации мандата по защите заключенных в условиях затяжного конфликта является работа МККК в Мозамбике. В 2025 году, несмотря на продолжающееся насилие и перемещение населения в провинциях Кабо-Делгаду и Нампула, Комитет активно взаимодействовал с тюремными властями. Основной целью было не юридическое пересмотр дел, а исключительно гуманитарный мониторинг: проверка санитарных норм, обеспечение доступа к питьевой воде и медицинской помощи. Кроме того, важнейшей задачей являлось восстановление связи заключенных с семьями, многие из которых также стали перемещенными лицами. Используя статус нейтрального посредника, делегаты МККК организовывали телефонные звонки и обмен «сообщениями Красного Креста», что позволяло сохранять семейные узы в условиях гуманитарной катастрофы [12].

В защите гражданских лиц акцентируется особое внимание на уязвимых группах людей: дети, больные или раненные, женщины, умершие, их родственники и другие. Международный Комитет Красного Креста оказывает помощь при ухудшении условий жизни гражданского населения в связи с изменением состояния гражданских объектов. Людям, которые оказались в зоне конфликта, МККК стремится обеспечить крышу над головой, создать или улучшить базовые условия для жизнедеятельности человека. Реализуются инженерные и строительные проекты. Восстанавливается нормальное действие электроснабжения, водоснабжения, канализации, производится ремонт объектов инфраструктуры [13].

В 2025 году МККК провел одну из самых сложных логистических операций в Демократической Республике Конго, выступив в роли гаранта безопасности при перемещении разоруженных комбатантов и их семей. Речь шла о транспортировке тысяч человек из Гомы в Киншасу расстояние, превышающее 200 километров, которое пролегалось через территории, контролируемые различными вооруженными группировками. Благодаря нейтральному посредничеству Комитета удалось договориться о «гуманитарном коридоре», что позволило не только предотвратить возможные массовые убийства гражданских лиц, оказавшихся в зоне конфликта, но и доставить гуманитарные грузы в изолированные районы. Эта операция наглядно демонстрирует, как дипломатическая работа МККК напрямую спасает жизни гражданского населения [14].

Проведя анализ теоретической базы и практической направленности МККК мы выявили, что МККК уделяет особое внимание созданию необходимых условий, где он сможет помогать гражданскому населению, которое оказалось в условиях вооруженного конфликта. Как показывает практика, и изучив вопрос в отечественной и зарубежной литературе о направлении

развития вооруженных сил в развитых странах мира установилось, что страны переходят от традиционных средств ведения войны к роботехническим средствам, беспилотным летательным аппаратам различного назначения с внедрением технологий искусственного интеллекта. Такие изменения, несомненно, усиливают информационно-психологическую составляющую вооруженных конфликтов, и требуют детальное изучение в рамках защиты населения [15, с. 2].

МККК в связи с постоянным анализом на соответствие МГП действий государств в ходе вооруженных конфликтов, уже не раз давал свои комментарии о применении искусственного интеллекта и автономных систем вооружений, в виде отчетов, докладов, где принимается во внимание важность роли человека в разработке этих технологий. Искусственный интеллект является программой, которую создал человек, но ИИ самостоятельно обучается на основе существующей информации. Позиция МККК по этому вопросу предельно жесткая и активно продвигается на площадке ООН. В мае 2025 года президент МККК Мирьяна Сполярнич выступила на Генеральной Ассамблее ООН с требованием установить юридически обязательный запрет на «оружие-убийцу» (системы LAWS), которые могут принимать решение об отборе и поражении цели без участия человека. Она заявила, что «машины с возможностью лишать жизни без человеческого контроля морально отвратительны». Генеральный секретарь ООН поддержал этот призыв, поставив дедлайн на 2026 год для достижения юридического соглашения [14].

Международное гуманитарное право закрепляет за собой принцип проведения различия, который предписывает человеку обязанность отличать комбатанта от некомбатанта, но, используя автономные системы вооружения, нельзя быть полностью уверенным в технической точности. На основе данного тезиса предлагается разработать превентивный протокол оценки систем вооружений с искусственным интеллектом, в соответствии с принципом проведения различия. МККК уже активно работает в этом направлении, сотрудничая с университетами EPFL и ETH Zurich для создания так называемого «цифрового креста» цифровой эмблемы, которая защитит гуманитарные киберсети от атак, и проводит полевые испытания дронов для разминирования, которые должны быть абсолютно безопасны для гражданских [16].

Подчеркивается, что не все автономные системы вооружения базируются на искусственном интеллекте, но он может послужить основой для всех автономных систем, что сможет сделать вооружения еще менее предсказуемыми.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что защита гражданского населения и гражданских объектов во время вооруженных конфликтов не является задачей только одной организации это комплексная проблема всего мирового сообщества. МККК играет в этом процессе уникальную роль «стража» Международного гуманитарного права, сочетая

полевую гуманитарную деятельность (эвакуация, восстановление инфраструктуры, поддержка больниц) с дипломатическим давлением и нормотворчеством.

Деятельность Комитета сталкивается с серьезными вызовами современности. Как показывают кейсы 2025 года в Газе, Мозамбике и ДРК, соблюдение принципа различия между комбатантами и гражданскими лицами остается наиболее уязвимым местом современных конфликтов. Быстрое развитие технологий (ИИ, кибероружие) требует от МГП такой же стремительной адаптации, при этом Комитет уже сейчас предлагает конкретные механизмы контроля, такие как превентивная оценка систем вооружений.

Тем не менее, анализ текущих полевых отчетов показывает, что без нейтрального и беспристрастного посредничества МККК масштаб гуманитарных катастроф был бы неизмеримо выше. Учитывая, что к 2025 году 204 млн человек оказались в зонах влияния вооруженных групп, становится очевидным, что принцип гуманности и человеческого достоинства, заложенный в Женевских конвенциях, остается абсолютным императивом. Технологическое развитие государств неизбежно требует совершенствования существующих правовых норм, однако любое вооружение, включая автономные системы, должно оцениваться через призму запрета на неизбирательное поражение гражданских лиц.

Список цитированных источников

1. Сибилева, О. П. Международно-правовые основы защиты гражданского населения и гражданских объектов в условиях современных вооруженных конфликтов / О. П. Сибилева // Военное право. – 2020. – № 2 (60). – С. 220–229.
2. Асадов, Б. Р. Механизмы партнерства Международного Комитета Красного Креста и других международных гуманитарных акторов / Б. Р. Асадов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 1 (46). – С. 49–58.
3. Богданова, Ю. А. Анализ международно-правовых актов, регламентирующих положение жертв вооруженных конфликтов / Ю. А. Богданова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – Т. 4-2 (67). – С. 155–159.
4. Наши основополагающие принципы // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/our-fundamental-principles> (дата обращения: 07.05.2026).
5. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право : в 2 т. / Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек при участии К. Алверман, К. Дермана, Б. Ролла ; пер. с англ. // Междунар. Комитет Красного Креста. – М. : МККК, 2006. – Т. 1 : Нормы. – 819 с.
6. Gaza's healthcare system on verge of total collapse // ICRC Bernama. – URL: <https://www.bernama.com/en/region/news.php?id=2432094> (date of access: 07.05.2026).
7. Gaza: Which countries are hosting patients evacuated by the WHO? // UNRIC (United Nations Regional Information Centre). – URL: <https://unric.org/en/gaza-which-countries-are-hosting-patients-evacuated-by-the-who/> (date of access: 07.05.2026).

8. Responding to interconnected crises in DRC, Rwanda, Burundi and beyond May 2025. – URL: <https://mygoodness.benevity.org/zh-hant/community/cause/840-986001029/project/4MSXSG9DJK/> (date of access: 07.05.2026).
9. Humanity in Action: ICRC Annual Report 2025. – URL: <https://mygoodness.benevity.org/it/community/cause/840-986001029/project/5WPLJNLHF9> (date of access: 07.05.2026).
10. Нейтральный посредник: наша исключительно важная роль // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/what-we-do/neutral-intermediary> (дата обращения: 07.05.2026).
11. Содержание под стражей: посещение военнопленных и других лишенных свободы // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/what-we-do/detention> (дата обращения: 07.05.2026).
12. Hammouch, I. The ICRC in 2025: On the front line for humanity, always / I. Hammouch // The Belgium Times интернет-издание. – 2026. – 12 янв. – URL: <https://belgium-times.be/2026/01/the-icrc-in-2025-on-the-front-line-for-humanity-always/> (date of access: 07.05.2026).
13. Предоставление защиты: защита прав людей, пострадавших от вооруженных конфликтов // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/what-we-do/protection> (дата обращения: 07.05.2026).
14. DRC: 1,359 disarmed members of government forces and their families have arrived safe and well in Kinshasa, with the support of the ICRC // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/news-release/drc-1359-disarmed-members-government-forces-arrived-safely-kinshasa-icrc-support> (date of access: 07.05.2026).
15. Воронцова, Н. А. Особенности международно-правовой защиты гражданского населения и гражданских объектов в условиях информатизации вооруженных конфликтов / Н. А. Воронцова, О. П. Сибилева // Право в вооруженных силах: военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11 (316). – С. 16–29.
16. ICRC at GCF 2025: Putting the Humanitarian Voice at the Heart of Cybersecurity // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/article/icrc-gcf-2025-putting-humanitarian-voice-heart-cybersecurity> (date of access: 07.05.2026).

Shevtsova V. I., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Law Faculty student.

Academic advisor: Dorina V. V., Novopolotsk, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Senior Lecturer in the Department of Constitutional and Criminal Law, Master of Laws.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСОБАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ КАК КАТЕГОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

LEGAL STATUS AND SPECIAL PROTECTION OF CHILDREN AS A CATEGORY OF CIVILIANS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Ярёменко М. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Чайкина А. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры международного права

Аннотация. В настоящей статье анализируется международно-правовая основа защиты детей в условиях вооруженных конфликтов. Дети рассматриваются в качестве уязвимой категории гражданских лиц, нуждающейся в повышенных гарантиях защиты. Исследуются основные источники международного гуманитарного права Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы 1977 года, Конвенция о правах ребенка 1989 г. и Факультативный протокол 2000 г.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, дети, гражданские лица, особая защита, вооруженный конфликт, вербовка детей, правовой статус.

Annotation. The article analyzes the international legal framework for the protection of children in armed conflict. Children are considered a vulnerable category of civilians requiring enhanced protection guarantees. The main sources of international humanitarian law the Geneva Conventions of 1949, the Additional Protocols of 1977, the Convention on the Rights of the Child of 1989, and the Optional Protocol of 200 are examined.

Keywords: international humanitarian law, children, civilians, special protection, armed conflict, child recruitment, legal status.

Международное гуманитарное право применяется во всех ситуациях, связанных с вооруженным конфликтом как международного, так и немеждународного характера. В случае вооруженного конфликта дети пользуются общей защитой, которая предоставляется гражданским лицам, не принимающим участия в военных действиях. Однако, учитывая особую уязвимость детей, Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны и Дополнительный протокол

I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г., устанавливают ряд конкретных норм, предоставляющих детям особую защиту.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на широкий спектр международно-правовых гарантий, дети продолжают оставаться одними из наиболее пострадавших категорий населения в зонах вооруженных конфликтов. По данным Организации Объединенных Наций, в 2024 году 22 495 детей по всему миру пострадали от вооруженных конфликтов, подвергаясь вопиющим нарушениям и злоупотреблениям в отношении своих прав [1].

Определение понятия «ребенок» в международном гуманитарном праве не является унифицированным. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. и Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. оперируют возрастным критерием в 15 лет. Однако Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций от 2 ноября 1989 г. определяет ребенка как «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее».

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принят резолюцией Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 года повышает возраст возможного призыва до 18 лет, устанавливая, что лица, не достигшие 18-летнего возраста, не подлежат обязательному призыву в вооруженные силы. Данная коллизия возрастных критериев создает определенные сложности в правоприменительной практике, однако общая тенденция заключается в постепенном повышении возрастного порога специальной защиты детей.

С точки зрения объема и целей правовой режим специальной защиты, в сущности, аналогичен режиму общей защиты. Отличительная особенность норм, определяющих режим специальной защиты состоит в том, что они устанавливают, в частности, дополнительные меры, направленные на обеспечение защиты гражданских лиц в условиях вооруженного конфликта и, как правило, подробно регламентирует порядок предоставления такой защиты и условия, при которых она перестает действовать [2, с. 156].

В соответствии со ст. 77 Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. дети пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств. Стороны, находящиеся в конфликте, обеспечивают детям защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине. Важно отметить, что дети, принимающие непосредственное

участие в военных действиях, не утрачивают этой защиты. Данный принцип распространяется как на международные, так и на немеждународные вооруженные конфликты [3].

Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. закрепляют положение о том, что детей нельзя разлучать с их родителями. Находящиеся в конфликте стороны обязаны принимать необходимые меры, чтобы дети, осиротевшие или разлученные со своими семьями вследствие войны, не были предоставлены сами себе. Эта норма имеет критическое значение, поскольку вооруженные конфликты неизбежно приводят к разлучению детей с родными, что оборачивается страданиями и лишениями.

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 года осуждает непосредственные нападения на объекты, в которых обычно присутствует большое количество детей, такие как школы и больницы. Специальный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросу о детях и вооруженных конфликтах отмечает, что стороны конфликтов наносят удары по школам и больницам, а дети не получают гуманитарную помощь, в которой остро нуждаются [4]. Атаки на школьную инфраструктуру и соответствующий персонал продолжают фиксироваться на тревожно высоком уровне, причем особенно часто страдает образование девочек.

Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. предусматривает, что родители или опекуны должны принимать меры для временного удаления детей из района боевых действий. Государства-участники обязуются принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей и ухода за ними.

Одним из наиболее значимых достижений международного гуманитарного права является установление запрета на вербовку и использование детей в военных действиях. Вербовка детей до 15 лет в вооруженные силы является нарушением норм международного гуманитарного права. Международное право категорически запрещает вербовать или использовать детей в возрасте до 15 лет как солдат или допускать их к участию в боевых действиях.

Статья 38 Конвенции о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций от 2 ноября 1989 г., устанавливает комплекс обязательств государств. Государства-участники обязуются уважать нормы международного гуманитарного права, применимые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение. Они принимают все возможные меры для того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях, а также воздерживаются

от призыва лиц, не достигших 15-летнего возраста, на службу в свои вооруженные силы. При вербовке из числа лиц в возрасте от 15 до 18 лет государства стремятся отдавать предпочтение лицам более старшего возраста.

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принятый резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 года, значительно усилил защиту. Он установил, что лица, не достигшие 18-летнего возраста, не подлежат обязательному призыву. Кроме того, вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях лиц, не достигших 18 лет.

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. устанавливает особую защиту женщин и детей. В частности, детям должна быть обеспечена защита от любого рода непристойных посягательств; дети не достигшие 15-летнего возраста, не должны принимать участие в военных действиях; детей, не достигшим 18-летнего возраста, не может выноситься смертный приговор; на всех эвакуированных детей (и потерявших родителей) в целях облегчения возвращения в свои семьи и в свою страну должна заполняться карточка с максимальной информацией о ребенке (фамилия, имя, пол, место и дата рождения, полное имя матери, отца, национальность, родной язык, группа крови, отличительные приметы, адрес т. д.), которая направляется в Центральное справочное агентство Международного Комитета Красного Креста [5, с. 587].

Несмотря на наличие разветвленной нормативной базы, практическая реализация норм международного гуманитарного права о защите детей сталкивается с серьезными проблемами. Одной самой масштабной проблемой стали нарушения и злоупотребления в отношении прав детей. В 2024 году практика вербовки детей стала использоваться вооруженными группами, а также правительственными силами еще чаще, в том числе в Колумбии, Демократической Республике Конго, бассейне озера Чад, Мозамбике, Сахеле, Судане, Сомали, Сирии и Гаити. Большинство пострадавших детей были похищены и завербованы насильно. Девочек похищали с целью сексуальной эксплуатации, выросло число браков по принуждению [4].

К шести наиболее серьезным нарушениям в отношении детей в условиях вооруженных конфликтов относятся: убийство и нанесение увечий; вербовка детей в вооруженные силы противника и использование в боевых действиях; изнасилование и другие формы сексуального насилия; похищение; нападения на школы и больницы; отказ в доступе к гуманитарной помощи [6].

Некоторые эксперты указывают, что действующее международное гуманитарное право не в полной мере отвечает вызовам современных вооруженных конфликтов и не способно адекватно защищать гражданских

лиц, включая детей [7, с. 83]. Разрастание существующих или появление новых вооруженных субъектов, межобщинное насилие, возобновление или эскалация конфликтов, использование взрывного оружия в густонаселенных районах повышают риск для детей стать жертвами серьезных нарушений.

Специальный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросу о детях и вооруженных конфликтах отмечает, что наиболее быстрым и эффективным способом прекращения и предотвращения серьезных нарушений в отношении детей, пострадавших от конфликта, является конструктивное взаимодействие, прекращение военных действий, мирные процессы и диалог для достижения устойчивого мира [8].

Международное гуманитарное право создало прочную нормативную основу для защиты детей как особой уязвимой категории гражданских лиц в вооруженных конфликтах. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г., Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций от 2 ноября 1989 г. и Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 года формируют комплексную систему гарантий от принципа особого уважения до запрета вербовки и уголовного преследования нарушителей.

Вместе с тем современные вооруженные конфликты демонстрируют сохраняющийся разрыв между нормативными предписаниями и реальной практикой. Дети продолжают гибнуть и получать увечья, подвергаться вербовке и сексуальной эксплуатации, лишаться доступа к образованию и здравоохранению. Как справедливо отметила Специальный представитель Организации Объединенных Наций Вирджиния Гамба, «их боль пятно на нашей коллективной совести» [4]. Устранение этого разрыва требует не только совершенствования правовых механизмов, но и политической воли государств, эффективного мониторинга соблюдения норм и безусловного привлечения к ответственности за их нарушения.

Список цитированных источников

1. Дети и вооруженные конфликты: доклад Генер. секретаря ООН (A/79/878-S/2025/247). – URL: <https://childrenandarmedconflict.un.org/wp-content/uploads/2025/06/Secretary-General-Annual-Report-on-Children-and-Armed-Conflict-Covering-2024.pdf> (дата обращения: 07.05.2026).
2. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко. – Мн.: Тесей, 1999. – 305 с.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. –

URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

4. Спецпредставитель по правам детей: 2025 год должен стать годом сострадания и надежды // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2024/12/101828/specpredstavitel-po-pravam-detey-2025-god-dolzhen-stat-godom> (дата обращения: 06.05.2026).

5. Бекашев, К. А. Международное публичное право : учебник / К. А. Бекашев. – М. : Проспект, 2021. – 1048 с.

6. Шесть серьезных нарушений Управление Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах. – URL: <https://childrenandarmedconflict.un.org/ru/six-grave-violations/> (дата обращения: 07.05.2026).

7. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов создание культуры соблюдения МГП для защиты гуманности в конфликтах настоящего и будущего. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/media_file/2025-07/MGP_Vysovy_conflicts.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

8. Франц, Ш. Защита детей в условиях войны ключ к прочному миру, предупреждает высокий представитель ООН / Ш. Франц // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/en/story/2026/02/1166948> (дата обращения: 07.05.2026).

Yaremenko M. A., Minsk, International University "MITSO", Faculty of Law student.

Academic advisor: Chaikina A. V., Minsk, International University "MITSO",
Lecturer of the Department of International Law.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION FOR THE PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY DURING ARMED CONFLICTS

Ярмольчик А. А.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,

г. Брест,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. В статье исследуется эволюция международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов от Гаагских конвенций 1899/1907 и 1954 гг. до решений международных уголовных трибуналов.

Ключевые слова: культурные ценности, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, Гаагская конвенция 1954 г., Второй протокол 1999 г., военное преступление.

Annotation. This article examines the evolution of international legal regulation of the protection of cultural property during armed conflicts from the Hague Conventions of 1899/1907 and 1954 to the decisions of international criminal tribunals.

Keywords: cultural property, armed conflict, international humanitarian law, 1954 Hague Convention, 1999 Second Protocol, war crime.

Намеренное уничтожение и повреждение культурных ценностей с целью унижения культуры целого народа не является абсолютно новым явлением: от разрушения шедевров архитектуры Афин персидской армией в 48 г. до н. э. до разграбления и уничтожения памятников Пальмиры в Сирии в XXI в. [1, с. 146–147]. Однако именно в XX веке проблема «оборота» культурных ценностей во время войн стала объектом системного международно-правового сотрудничества государств.

В конце XX начале XXI в. в научном дискурсе сформировалось устойчивое понятие «культурная чистка» (cultural cleansing) как комплексное обозначение умышленных, целенаправленных действий по уничтожению культурного наследия в рамках военной стратегии. Указанный термин фиксирует переход от эпизодических разрушений к системным практикам, включающим нападение на культурные объекты, их разграбление и вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий.

В последние десятилетия наблюдается эскалация вооруженных столкновений на территориях африканских государств, Ближнего Востока и Центральной Азии с участием военных формирований и международных террористических группировок, которые повсеместно используют практику нападения и разграбления культурных ценностей в качестве военной стратегии. В этих условиях комплексное исследование эволюции международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов приобретает особую актуальность [8, с. 32–36].

Настоящее исследование ставит своей целью выявление основных этапов и направлений эволюции международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов от первых кодификаций XIX начала XX в. до практики международных уголовных трибуналов начала XXI в.

Начальный этап формирования международно-правового режима защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов приходится на вторую половину XIX в. Брюссельская декларация о законах и обычаях войны 1874 г. стала первым релевантным документом, содержащим положения о необходимости щадить при бомбардировках заведение, служащие науке, искусству и благотворительности [1, с. 142–144].

Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Конвенция IV) и приложенный к ней Положение о законах и обычаях сухопутной войны, принятые в 1907 году, содержали две ключевые нормы [5]. Статья 27 Положения обязывала при бомбардировках принимать все необходимые меры для защиты церквей, зданий, служащих целям науки, искусства, а также исторических памятников при условии, что они не используются одновременно в военных целях [5]. Статья 56 устанавливала, что имущество общин, церквей, благотворительных, образовательных, художественных и научных учреждений должно быть охраняемо и не может служить предметом захвата [5].

Однако, как отмечается в доктрине, эти нормы носили характер «декларативных правил приличия» и не предусматривали эффективного механизма принуждения к их соблюдению. Первая и Вторая мировые войны продемонстрировали их практическую неэффективность: масштабные бомбардировки, разграбление музейных коллекций и намеренное уничтожение архитектурных памятников носили системный характер.

Качественно новый этап в развитии международно-правового регулирования защиты культурных ценностей был связан с принятием под эгидой ЮНЕСКО 14 мая 1954 г. Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (далее – Гагская конвенция 1954 г.) [5].

Впервые в истории международного права была создана специализированная универсальная конвенция, предметом регулирования которой стала исключительно защита культурных ценностей. Статья 1 Конвенции дала развернутое определение культурных ценностей, охватив как движимые, так и недвижимые объекты, имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа: памятники архитектуры, искусства или истории, археологические объекты, произведения искусства, рукописи, книги и другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции и собрания книг [5].

Конвенция ввела базовое различие между охраной и уважением культурных ценностей. Государства обязались подготовить еще в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта, а также воздерживаться от использования культурных ценностей в военных целях и от совершения враждебных актов, направленных против этих ценностей. Статья 4 Конвенции прямо закрепила принцип уважения культурных ценностей: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других Высоких Договаривающихся Сторон» [5].

Конвенция предусмотрела также институт специальной защиты для ограниченного круга культурных ценностей, внесенных в Международный реестр. Такие объекты могли пользоваться иммунитетом от любых военных действий, однако, как обоснованно отмечается в литературе, режим специальной защиты оказался фактически нефункционирующим из-за сложности процедуры включения в Реестр и сохранявшейся возможности применения оговорки о «необходимой военной необходимости» [5].

Наряду с Конвенцией был принят Первый протокол, направленный на предотвращение вывоза культурных ценностей с оккупированной территории [4]. Согласно Протоколу, каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязалась предотвращать вывоз с территории, оккупированной ею во время вооруженного конфликта, культурных ценностей, определенных в ст. 1 Конвенции [4].

Несмотря на несомненный прогресс, Гагская конвенция 1954 г. сохранила ряд существенных недостатков. Ключевым из них оставалась неопределенность в толковании термина «военная необходимость» [5]. Конвенция допускала отступление от обязательств по уважению культурных ценностей только в тех случаях, когда «военная необходимость настоятельно требует такого отступления». Однако Конвенция не давала определения этому понятию, что создавало возможности для злоупотреблений.

Кроме того, Конвенция не содержала норм, охраняющих напрямую нематериальное культурное наследие, что остается недостатком всего массива международно-правовых норм в этой сфере [5].

Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (Протокол I касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов [4], и Протокол II касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов [3]) закрепили нормы о защите культурных ценностей в контексте общей системы международного гуманитарного права.

Статья 53 Протокола I «Защита культурных ценностей и мест отправления культа» установила, что без ущерба для положений Гаагской конвенции 1954 г. запрещается: совершать какие-либо враждебные акты, направленные против исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов; использовать такие объекты для поддержки военных усилий; делать такие объекты объектами репрессалии [4].

В литературе обосновывается вывод о вспомогательном характере специальных норм Дополнительных протоколов 1977 г. по отношению к нормам Гаагской конвенции 1954 г. Нормы Протоколов были призваны не заменить, а дополнить положения Гаагской конвенции, распространив их действие на более широкий круг ситуаций, включая немеждународные вооруженные конфликты [7, с. 76–80].

Протокол II 1977 г. (ст. 16) распространил аналогичные запреты на немеждународные вооруженные конфликты, что имело принципиальное значение, поскольку к концу XX в. большинство вооруженных конфликтов приобрели именно немеждународный характер [3].

Недостатки Гаагской конвенции 1954 г., проявившиеся в ходе многочисленных вооруженных конфликтов второй половины XX в., потребовали ее пересмотра. Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 г., принятый 26 марта 1999 г., внес ряд принципиальных изменений в систему защиты культурных ценностей [3].

Во-первых, Второй протокол заменил неэффективный режим специальной защиты на режим усиленной защиты для специально выделенных категорий культурных ценностей [3]. Усиленная защита предоставлялась культурным ценностям, которые являются культурным наследием огромного значения для человечества, защищены надлежащими национальными правовыми и административными мерами и не используются в военных целях. Во-вторых, и это наиболее значимо, Второй протокол ввел четкие критерии для применения оговорки о военной необходимости [3]. Протокол установил, что культурные ценности, пользующиеся усиленной защитой, могут быть объектом нападения только в том случае, если такое нападение «без всяких сомнений оправдано военной необходимостью» и, если не существует альтернативы [3]. Такой подход существенно ограничил возможности злоупотребления оговоркой о военной необходимости. В-третьих, Второй протокол (ст. 15) впервые в международном праве предусмотрел индивидуальную уголовную ответственность за серьезные

нарушения норм о защите культурных ценностей: за нападение на культурные ценности, пользующиеся усиленной защитой, за кражу, разграбление, присвоение или акты вандализма в отношении культурных ценностей, пользующихся защитой, а также за использование культурных ценностей в военных целях [3]. Второй протокол обязал государства-участники устанавливать уголовную ответственность за указанные деяния в своем национальном законодательстве и осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении таких преступлений [3].

Ключевой этап эволюции правового регулирования защиты культурных ценностей связан с деятельностью международных уголовных трибуналов, которые впервые применили нормы об уголовной ответственности за разрушение культурного наследия.

Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) с первых своих дел подтвердил, что разрушение культурного наследия является преступлением по обычному международному праву. В решении по делу о Дубровнике (1991 г.) Трибунал установил, что систематическое разрушение исторических памятников может квалифицироваться не только как военное преступление, но и как преступление против человечности, если оно совершается в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. Эта позиция МТБЮ стала важным прецедентом, признавшим культурное наследие не просто объектом собственности, но неотъемлемой частью идентичности и достоинства народов [7, с. 82–89].

Новый этап наступил с деятельностью МУС. Римский статут Международного уголовного суда (далее – МУС) 1998 г. (вступил в силу 1 июля 2002 г.) включил умышленное нападение на культурные ценности в число военных преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС [6].

Статья 8 (2) Римского статута относит к военным преступлениям в международных вооруженных конфликтах «преднамеренное направление нападений на здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, исторические памятники, госпитали и места сосредоточения больных и раненых при условии, что они не являются военными объектами» [6]. Статья 8 (2) предусматривает аналогичный состав военного преступления для немеждународных вооруженных конфликтов [6].

Таким образом, Римский статут закрепил кодифицированное определение военного преступления в виде умышленного нападения на культурные ценности, придав универсальный характер юрисдикции МУС в отношении таких деяний [6]. Однако, как будет показано далее, имплементация этих норм в судебной практике заняла почти два десятилетия.

В 2012 году в результате вторжения вооруженных группировок «Ансар-ад-Дин» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба» в северную часть Мали был установлен режим, при котором в городе Тимбукту объекте

Всемирного наследия ЮНЕСКО систематически уничтожались мавзолеи суфийских святых. В течение десяти дней в конце июня начале июля 2012 г. было разрушено девять мавзолеев и одна мечеть, внесенные в список ЮНЕСКО [2, с. 118–121].

27 сентября 2016 г. Палата первой инстанции МУС вынесла приговор Ахмаду Аль-Факи Аль-Махди, признав его виновным в военном преступлении, предусмотренном ст. 8 (2) Римского статута [6], и приговорив к девяти годам лишения свободы (позднее срок был сокращен до семи лет). Аль-Махди признал свою вину, что позволило суду сконцентрироваться на вопросах квалификации и назначения наказания [2, с. 123–125].

Дело Аль-Махди стало первым в истории МУС приговором за военное преступление в виде умышленного нападения на культурные ценности. Суд подчеркнул, что умышленное уничтожение культурного наследия затрагивает не только местное население, но и все человечество. Однако, как отмечается в доктрине, этот приговор стал и упущенной возможностью [2, с. 127–130]. По мнению ряда исследователей, Суд вышел за рамки содержания военного преступления, как оно закреплено в Римском статуте: «нападение» в контексте Статута имеет особый смысл и относится к нанесению удара в ходе боевых действий, в то время как нападение на культурные ценности в деле Аль-Махди не совершалось в ходе боевых действий, а было частью исполнения законов, установленных вооруженными группировками на контролируемых ими территориях [6]. Судом была упущена возможность квалифицировать эти деяния в качестве преступления против человечности в виде преследования (*persecution*) или «другого бесчеловечного деяния».

Несмотря на эти критические замечания, дело Аль-Махди стало сигналом вооруженным группам и государствам о том, что намеренное нападение на культурные ценности не может оставаться безнаказанным. Оно также продемонстрировало, что признание вины обвиняемым может служить эффективным инструментом ускорения правосудия при сохранении его качеств [2, с. 132].

Несмотря на впечатляющую эволюцию правового регулирования от декларативных норм Гаагских конвенций начала XX в. до реально действующих механизмов уголовной ответственности в практике МУС, современная система защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов сохраняет ряд существенных пробелов [8, с. 35–38].

Первое отсутствует самостоятельный состав «преступления против культурного наследия» в категории преступлений против человечности. Как справедливо отмечается в литературе, существующая система международного уголовного права все еще не содержит независимого преступления против культурного наследия, которое могло бы преследоваться даже в мирное время. Это создает ситуацию, при которой разрушение культурного наследия вне контекста вооруженного конфликта (например, в ходе внутренних беспорядков или террористических актов) не может быть квалифицировано как международное преступление.

Вторым пробелом является то, что остается неурегулированным вопрос об охране нематериального культурного наследия в период вооруженных конфликтов. Существующие договорные акты ориентированы преимущественно на охрану материальных объектов памятников архитектуры, произведений искусства, архивов. Однако вооруженные конфликты наносят не меньший ущерб нематериальному культурному наследию языкам, традициям, обрядам, устному творчеству. Этот пробел требует отдельного международно-правового регулирования.

И третье: сохраняются проблемы имплементации норм об усиленной защите культурных ценностей в национальное законодательство государств, а также проблемы, связанные с деятельностью негосударственных вооруженных формирований, которые часто не признают обязательность норм международного гуманитарного права.

Эволюция правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов прошла путь от фрагментарных декларативных норм Гаагских конвенций 1907 г. через создание специализированного режима Гаагской конвенции 1954 г. и ее Второго протокола 1999 г. к кодификации военного преступления против культурных ценностей в Римском статуте МУС и его реальному применению в судебной практике международных трибуналов. Ключевым достижением этого процесса стало признание того, что культурные ценности это не просто объекты собственности, а неотъемлемая часть идентичности народов и достояние всего человечества [7, с. 89–91]. Умышленное их уничтожение в период вооруженного конфликта квалифицируется как военное преступление, а в определенных случаях как преступление против человечности, влекущее индивидуальную уголовную ответственность.

Вместе с тем сохраняющиеся пробелы отсутствие самостоятельного состава преступления против культурного наследия в категории преступлений против человечности и недостаточная охрана нематериального культурного наследия требуют дальнейшего совершенствования международно-правового регулирования. Перспективным направлением является признание «преступления против культурного наследия» в качестве самостоятельного международного преступления, что позволило бы осуществлять уголовное преследование за его разрушение не только в период вооруженного конфликта, но и в мирное время, а также создать эффективные механизмы репарации и реконструкции уничтоженного наследия.

Список цитированных источников

1. Абдуллин, А. И. Международно-правовая охрана культурного наследия во время вооруженных конфликтов: история становления и современные механизмы (к 70-летию конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.) / А. И. Абдуллин, Т. Д. Гибадуллин // Государство и право. – 2024. – № 5. – С. 142–152.

2. Арутюнян, А. Дело Аль-Махди и нападение на культурные ценности как международное преступление / А. Арутюнян // Международное правосудие. – 2017. – № 2 (22). – С. 118–132.
3. Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года, Гаага, 26 марта 1999 г. // Организация Объединенных наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_cultural_property_second_protocol.shtml (дата обращения: 08.04.2026).
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/2540377/> (дата обращения: 08.04.2026).
5. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта : заключена в г. Гааге 14 мая 1954 г. // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/12118701/> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 08.04.2026).
7. Пузырева, А. А. Эволюция международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов / А. А. Пузырева // Моск. журнал междунар. права. – 2023. – № 3. – С. 75–91.
8. Бакунин, М. А. М. А. Бакунин и лиминальность концепции защиты культурных ценностей во время вооруженных конфликтов / М. А. Бакунин // Право между Востоком и Западом. – 2024. – № 3. – С. 29–38.
9. Hausler, K. A landmark case for the ICC / K. Hausler // The Global Legal Post. – URL: <https://www.globallegalpost.com/blogs/a-landmark-case-for-the-icc-84068027> (date of access: 08.04.2026).

Yarmolchik A. A., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Law Faculty student.
Academic advisor: Slivko O. Ya., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)

**«Проблемы международно-правовой защиты женщин
в условиях вооруженных конфликтов»**
(учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
17 февраля 2026 г. – 21 апреля 2026 г.)

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Коновков Н. В.

Республика Беларусь,
г. Гомель,
УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»,
студент

Научный руководитель

Копыткова Н. В.

Республика Беларусь,
г. Гомель,
УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

ЖЕНЩИНЫ В ВОЕННОМ ПЛЕНУ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В ПЛЕНУ

Международное гуманитарное право (далее – МГП) представляет собой одну из наиболее развитых отраслей международного права, направленных на минимизацию страданий людей в условиях вооруженных конфликтов. Особое место в этой системе занимают нормы, защищающие женщин, оказавшихся в военном плену. Третья Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными в ст. 14 устанавливает фундаментальное правило: «Военнопленные имеют право в любых обстоятельствах на уважение к их личности и чести. Женщины должны пользоваться особым уважением, которое им причитается в соответствии с их полом». Статьи 25 и 97 Конвен-

ции конкретизируют это положение, требуя отдельного размещения женщин от мужчин, предоставления отдельных гигиенических помещений и медицинской помощи с учетом физиологических особенностей [1].

Дополнительный протокол I 1977 года к Женевским конвенциям усиливает защиту женщин в плену, прямо запрещая любые формы сексуального насилия, включая изнасилование, принуждение к проституции и любые другие посягательства на честь и достоинство женщин-военнопленных (ст. 75 и 76) [2]. Римским статутом Международного уголовного суда 1998 г. была дана квалификация ряда преступлений против женщин, таких как изнасилование, насильственная беременность и сексуальное рабство, как преступлений против человечности (ст. 7 и 8) [3]. В Резолюциях Совета Безопасности ООН № 1325 (2000) и № 182 (2008) в рамках программы «Женщины, мир и безопасность» была подчеркнута необходимость в гендерно-чувствительном подходе при осуществлении и анализе военных конфликтов, что естественно включало в себя защиту прав женщин в плену от посягательства на их честь и достоинство, что еще раз показывает существенную важность данной проблемы не смотря на десятилетия правового регулирования [4].

К сожалению, стоит обратить внимание, что несмотря на существование широкой правовой базы, ее практическая реализация находится на крайне неудовлетворительном уровне. Согласно Докладу Генерального секретаря ООН о сексуальном насилии связанном с конфликтом за 2024 год (S/2025/389), в 2024 году было верифицировано более 460 случаев такого насилия на 25 % больше, чем в предыдущем году. Женщины и девочки составили 92 % всех зарегистрированных жертв. Эти данные охватывают 21 страну, где сексуальное насилие использовалось как тактика войны, пытки, террора и политического подавления как государственными, так и негосударственными субъекты [5]. Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) в своем ежегодном отчете за 2024 год сообщил о посещении 678 мест содержания под стражей, где находилось свыше 737 тысяч человек. При этом организация неоднократно отмечала ограниченный доступ к женщинам-военнопленным, систематические нарушения условий их содержания и недостаточную реализацию специальных гендерных гарантий [6]. Таким образом, при наличии прочной правовой основы разрыв между международными обязательствами государств и реальной ситуацией в местах плена не только сохраняется, но и усугубляется в условиях роста числа немеждународных и гибридных конфликтов.

Исторический опыт XX–XXI веков убедительно демонстрирует системный характер проблемы. Во Второй мировой войне в рядах Красной Армии служило около 80 тысяч женщин, многие из которых медсестры, связистки, летчицы и другие военнослужащие попадали в немецкий плен. В большинстве случаев они не признавались полноценными комбатантами в соответствии с нормами Гаагских конвенций 1907 г. и Женевской конвенции 1929 г. (предшественницы современной Третьей конвенции). Это приводило к массовым репрессиям, принудительному труду, медицинским экспериментам

и систематическому сексуальному насилию. По оценкам историков, тысячи советских женщин-военнопленных подверглись жестокому обращению, а многие были казнены на месте как «партизанки» или «коммунистки» [7]. Аналогичные нарушения фиксировались в конфликтах 1990-х годов на территории бывшей Югославии. По данным Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), сексуальное насилие применялось как инструмент этнических чисток: от 2 до 5 тысяч женщин подверглись систематическому изнасилованию и сексуальному рабству. В Руанде в 1994 году, по оценкам ООН и Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), от 25 до 50 тысяч женщин и девочек стали жертвами массовых изнасилований, которые были квалифицированы как акт геноцида. В деле «Прокурор против Акайесу» МУТР впервые признал изнасилование формой геноцида, поскольку оно было направлено на уничтожение этнической группы тутси путем разрушения общинных связей и предотвращения деторождения. В деле «Прокурор против Ныирамасухуко» впервые была осуждена женщина высокопоставленный политический лидер за организацию массовых изнасилований. Из 93 обвиняемых МУТР 52 лица (56 %) были обвинены в изнасилованиях или других формах сексуального насилия, что стало значительным прогрессом по сравнению с Нюрнбергским и Токийским трибуналами, полностью игнорировавшими эту категорию преступлений [8].

В современных условиях вызовы приобретают новые, еще более сложные формы. В гибридных конфликтах стороны часто отказываются применять нормы Третьей Женевской конвенции, квалифицируя захваченных женщин как участниц незаконных вооруженных формирований, «террористок» или «шпионов». Это лишает их права на статус военнопленной и соответствующих гарантий отдельного содержания, гигиены и защиты от насилия. Даже при формальном признании статуса требования статей 25 и 97 Конвенции систематически игнорируются: женщины размещаются в общих помещениях без надлежащих санитарных условий, а репродуктивная, психологическая и медицинская помощь либо отсутствует, либо оказывается некачественно. Отчеты МККК за 2024 год подчеркивают, что доступ международных наблюдателей к таким категориям пленных остается ограниченным, а случаи сексуального насилия со стороны персонала лагерей или охранников остаются безнаказанными. В конфликтах в Сирии, Ираке, Демократической Республике Конго, Судане и Эфиопии женщины-военнопленные регулярно подвергаются использованию сексуального насилия как тактики войны. По данным ООН, только в 2024 году в этих регионах было зарегистрировано сотни верифицированных случаев, где насилие применялось для запугивания, получения разведданных или контроля над территорией [5].

Отдельную проблему представляет период после плена. Даже после освобождения женщины сталкиваются с длительной социальной стигматизацией, экономической маргинализацией, отсутствием документов и практически полной недоступностью национальных механизмов правосудия

и репараций. Национальные суды в постконфликтных государствах редко расследуют преступления против военнопленных, а международные механизмы (МУТР, МТБЮ, МУС) охватывают лишь незначительную часть случаев, сосредотачиваясь на лидерах и организаторах. В результате пережитое насилие превращается в пожизненную травму: посттравматическое стрессовое расстройство, проблемы со здоровьем, рождение детей в результате насилия, потеря средств к существованию и отвержение со стороны общины. В лагерях беженцев и перемещенных лиц женщины часто становятся жертвами повторного насилия или вынужденной эксплуатации в обмен на гуманитарную помощь [9].

Для преодоления указанных проблем требуется комплексное совершенствование механизмов реализации норм МГП. Государствам-участникам Женевских конвенций необходимо ввести обязательную гендерную подготовку для военнослужащих, персонала мест содержания под стражей и миротворческих контингентов. Ключевым элементом должно стать обеспечение беспрепятственного и регулярного доступа МККК ко всем женщинам-военнопленным независимо от характера конфликта. Целесообразно разработать факультативный протокол к Женевским конвенциям, специально посвященный гендерным аспектам защиты в плену, с четкими механизмами мониторинга и ответственности. В постконфликтных зонах следует создавать мобильные программы реабилитации, включающие медицинскую, психологическую, юридическую помощь и упрощенные процедуры репараций. Важным шагом является включение соответствующих обязательств по расследованию и наказанию преступлений против женщин-военнопленных в тексты мирных соглашений и национальные стратегии переходного правосудия [10].

Таким образом, международно-правовая защита женщин в военном плену демонстрирует значительный прогресс в нормативном регулировании, однако ее эффективность напрямую зависит от политической воли государств, усиления международного мониторинга и практической реализации существующих норм. Только при условии системного устранения разрыва между декларациями и реальностью можно обеспечить реальное уважение достоинства, чести и прав женщин, оказавшихся в условиях вооруженного конфликта. Дальнейшее развитие МГП в этом направлении должно стать приоритетом для всего международного сообщества, поскольку от этого зависит не только гуманитарная защита отдельных лиц, но и долгосрочная стабильность постконфликтного мира.

Список цитированных источников

1. Конвенция (III) об обращении с военнопленными : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gciii-1949> (дата обращения: 18.04.2026).

2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 18.04.2026).
3. Римский статут Международного уголовного суда: принят в г. Риме 17 июля 1998 г.: с изм. от 16 янв. 2002 г., вступ. в силу 1 июля 2002 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).
4. Резолюция 1325 (2000): принята Советом Безопасности ООН 31 окт. 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/RES/1325\(2000\)&Lang=R](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/RES/1325(2000)&Lang=R) (дата обращения: 18.04.2026).
5. Доклад Генерального секретаря ООН о конфликто-связанном сексуальном насилии (S/2025/389) // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2025/08/report/report-of-the-secretary-general-on-conflict-related-sexual-violence/SG-Report-2024-FINAL.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).
6. Annual Report 2024 // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/report/icrc-annual-report-2024> (date of access: 18.04.2026).
7. Женщины на войне: Почему для советских женщин-военнослужащих плен был страшнее боевых действий? // Культурология.ру. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/090817/35565/> (дата обращения: 18.04.2026).
8. Шамаров, П. В. Преследование сексуального насилия Международным трибуналом по Руанде / П. В. Шамаров // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2021. – С. 58–64. – URL: <https://lawbulletin.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/4/2021/08/699.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).
9. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II): принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/> (дата обращения: 18.04.2026).
10. Отчет о деятельности МККК в 2024 году (выдержки по посещению мест содержания) // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://library.icrc.org/library/docs/DOC/icrc-annual-report-2024.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).

Konovkov N. V., Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, student.

Academic advisor: Kopytkova N. V., Gomel, Francisk Skorina Gomel State University, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, PhD, Associate Professor.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Крицын Е. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
курсант

Научный руководитель

Лемешевский О. О.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Военная академия Республики Беларусь»,
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск,
магистр военных наук

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Современные вооруженные конфликты все чаще приобретают гибридный характер, в котором интернет становится полем боя наряду с боевыми действиями. В связи с этим современная наука приобрела новый термин «технологически опосредованное гендерное насилие», представляющий собой способность наносить удары по репутации женщин, их психологическому здоровью, карьере. Международное гуманитарное право, разработанное прежде всего для регламентации традиционных вооруженных конфликтов, в современный период остается недостаточно совершенным в области установления правил на кибербезопасность среди конфликтующих сторон.

Информационная война в условиях вооруженного конфликта принимает многообразные формы, одна из которых нацелена на подрыв безопасности, достоинства и социального статуса женщин. Следует обратить внимание на «киберсексторшн» это использование личных или интимных материалов для шантажа и вербовки, и «доксинг» публикация личных данных для буллинга и распространение дезинформации, с целью запугивания женщин-журналисток и военных женщин [1].

Особую угрозу в информационной войне представляет создание своеобразных «дипфейков», а именно фотореалистичных порнографических изображений, генерируемых искусственным интеллектом без согласия человека. До 95 % всех дипфейков в сети являются порнографическими, и 99 % их жертв женщины. В условиях вооруженного конфликта данный инструмент используются для травли, деморализации, вербовки.

Анализ вооруженных конфликтов подтверждают масштаб рассматриваемого вопроса. Во время конфликта в Йемене, начавшегося в 2014 году киберсексторшну подверглись многие женщины и девочки [2]. В Северо-Западной части Сирии, как отмечается в докладе Фонда ООН в области народонаселения United Nations Population Fund, интернет насилие в отношении женщин приобрело масштабы, сравнимые с физическим насилием, и усугубляется низкой цифровой грамотностью и отсутствием правовых механизмов регулирования [3, с. 7].

Женщины сообщали, что их телефоны взламываются, личные фото распространяются среди родственников и соседей, что ведет к социальной изоляции и даже «убийствам чести» в условиях строгости мусульманских религиозных правил. В условиях гражданской войны в Мьянме Facebook превратился в инструмент тиражирования информации, дискредитирующей местных женщин, которые неоднократно перерастали в реальное насилие [1].

Рассматриваемая проблема заключается в том, что действующее международное право не успевает за технологическим развитием и инструментами ведения гибридных войн.

Следует отметить, что Международный Комитет Красного Креста, (далее – МККК), настаивает на том, что кибероперации во время вооруженных конфликтов регулируются международным гуманитарным правом, (далее – МГП), в той же мере, что и любое другое оружие, средства и методы ведения войны [4].

На данном этапе отсутствует общепринятое понимание того, что именно следует считать «кибератакой» и каков порог последствий, необходимый для применения норм МГП [5]. Более того, значительная часть кибернасилия в отношении женщин может не достигать уровня «нападения» в понимании МГП, оставаясь в «серой зоне» правового регулирования. Дополнительную сложность создает позиция ряда государств, которые считают, что многие важные положения МГП не применимы к кибероперациям и требуют дополнительного толкования [5].

Отсутствие компромисса по данному вопросу препятствует формированию универсальных правовых стандартов защиты женщин в цифровом пространстве в условиях конфликта. В рамках работы групп экспертов Организации Объединенных Наций по вопросам международной безопасности не были согласованы даже базовые термины, такие как «кибернападение» и «кибероружие».

Нормативным правовым актом, закладывающим основы регламентации этого вопроса в международном праве следует считать разработанную в декабре 2025 года международным уголовным судом «политики в отношении киберпреступлений» [6, с. 10]. В документе указано, что военные преступления могут совершаться полностью или частично с помощью киберсредств [6, с. 16]. Международный уголовный суд заявляет о намерении расследовать случаи насилия в отношении женщин, опосредованного технологиями. Однако документ лишь начинает процесс осмысления того, как могут быть доказаны такие преступления в цифровой среде [7].

По данным ООН, лишь менее 4 процентов стран мира приняли законы, которые прямо регулируют преследования в интернете и кибербуллинг [1, с. 15]. Республике Беларусь является передовым правовым государством, часто обгоняя другие государства в разработке актуальных нормативных правовых актов, тут следует отметить Закон от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Ключевыми документами, регулирующими рассматриваемый вопрос стали Указ Президента № 269, направленный на противодействие несанкционированным финансовым операциям, и Указ № 367, регулирующий оборот криптовалют. Дополнительно в июле 2025 года были внесены изменения в Закон «О правах ребенка», возложившие на родителей обязанность защищать несовершеннолетних от вредоносной интернет-информации. Постановление Совета Министров № 476 упростило процедуру оперативной блокировки фишинговых сайтов, а Указ Президента № 326 предоставил Министерству внутренних дел полномочия на подписание Конвенции ООН против киберпреступности. В целях повышения социальной роли женщины в обществе, сохранения семейных ценностей и стимулирования демографических процессов Указом Президента Республики Беларусь 2026 год официально объявлен Годом белорусской женщины. Данное решение инициирует комплексную государственную программу, направленную на консолидацию усилий всех ветвей власти и общественных организаций для решения актуальных задач женской повестки. В совокупности перечисленные акты формируют одну из наиболее проработанных в мире условий для противодействия кибербуллингу и иным правонарушениям в цифровой среде в отношении женщин.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 1325 «Женщины, мир и безопасность» признает, что женщины более сильно страдают от вооруженных конфликтов и должны быть активными участницами процессов миростроительства. Однако ни одна из этих резолюций прямо не упоминает технологически опосредованное насилие как препятствие для участия женщин в мирных процессах [1, с. 24].

По данным исследований 73 % женщин, участвовавших в онлайн-кампаниях за мир и права человека в зонах конфликтов, сталкивались с серьезными угрозами в сети, и каждая третья из них в итоге сократила свою публичную активность [8]. Это прямо подрывает цели резолюции № 1325, которая призывает к полному и равноправному участию женщин на всех этапах урегулирования конфликтов.

Таким образом, необходимо продолжить работу по адаптации принципов МГП к киберпространству. Следует продолжать работу по совершенствованию цифровой грамотности женщин в зонах конфликтов. Защита женщин от кибернасилия в условиях вооруженных конфликтов представляет собой одну из наиболее острых и пока не решенных проблем современного международного гуманитарного права. «Кибератаки» имеют реальные последствия для жизни, здоровья и социального положения женщин.

Список цитированных источников

1. Mishra, S. Platforms as New Frontlines: Gendered Digital Violence and the Gaps in UNSCR / S. Mishra // V P. Singh India Quarterly: a Journal of International Affairs. – 2025. – Vol. 81, No. 3. – P. 288–307.
2. Kovac-Strom, V. When Digital Violence is Weaponized in Conflict Settings: Cyber-Sextortion's Growing Threat in Yemen / V. Kovac-Strom, D. El-Mamoun // Center for Civilians in Conflict (CIVIC). – URL: <https://civiliansinconflict.org/blog/when-digital-violence-is-weaponized-in-conflict-settings-cyber-sextortions-growing-threat-in-yemen-2/> (date of access: 03.04.2026).
3. Technology-facilitated gender-based violence (TFGBV) in Northwest Syria // UNFPA. – URL: <https://arabstates.unfpa.org/en/publications/technology-facilitated-gender-based-violence-tfgbv-northwest-syria> (date of access: 12.04.2026).
4. МККК. Двадцать лет спустя: международное гуманитарное право и защита гражданских лиц от последствий киберопераций во время вооруженных конфликтов // МККК International Review of the Red Cross. – 2021. – № 913. – URL: <https://international-review.icrc.org/ru/> (дата обращения: 03.04.2026).
5. Козюлин, В. Б. Выступление на международной конференции «Кибер-стабильность: подходы, перспективы, вызовы» / В. Б. Козюлин // Международная жизнь. – 2023. – 7–8 дек. – URL: <https://interaffairs.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Policy on Cyber-Enabled Crimes under the Rome Statute // Office of the Prosecutor. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-cyber-eng.pdf> (date of access: 04.04.2026).
7. Karsu, Ö. ICC OTP Issues First Policy on Cyber-Enabled Crimes / Ö. Karsu // American Society of International Law (ASIL). – URL: <https://asil.org/ilib/icc-otp-issues-first-policy-cyber-enabled-crimes/> (date of access: 03.04.2026).
8. Искусственный интеллект способствует распространению цифрового насилия в отношении женщин // UN News. – 2025. – 25 нояб. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466876> (дата обращения: 04.04.2026).

Kritsyn E. S., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, cadet.

Academic advisor: Lemeshevsky O. O., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, Master of Military Sciences.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Ядова А. А.

Российская Федерация,
г. Тамбов,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»,
студент

Научный руководитель

Шадский О. Г.

Российская Федерация,
г. Тамбов,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»,
доцент кафедры конституционного и международного права
Института права и национальной безопасности,
кандидат исторических наук, доцент

МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ И УЯЗВИМОСТЬЮ: ЖЕНЩИНА-КОМБАТАНТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Исторически сложилось так, что в правовом сознании образ женщины в вооруженном конфликте прочно ассоциируется с уязвимой фигурой гражданского лица, нуждающегося в защите. Поэтому особую сложность представляет защита женщин, участвующих в боевых действиях. Они оказываются на пересечении правовых режимов, одновременно выступая и как участницы конфликта, и как объекты защиты.

Рост числа женщин в военной сфере это признанный, но медленно реализуемый международный тренд. Как справедливо отмечает Т. Юклова, «женщины принимают активное участие во многих вооруженных конфликтах во всем мире и на протяжении всей истории человечества играли в войнах определенную роль», приводя в пример СССР (8 % личного состава), США (14 % и 4 тыс. участниц операции «Буря в пустыне»), Никарагуа (30 % Сандинистской армии) [2, с. 223]. Кроме того, совокупная мировая статистика свидетельствует об устойчивом и повсеместном росте доли женщин, включенных в вооруженные структуры: от регулярных армий (10–20 % личного состава в ведущих государствах) [4] до миротворческих контингентов ООН (с плановыми показателями 15–25 % к 2028 году) и негосударственных вооруженных формирований (до 30 % в отдельных повстанческих движениях) [7]. Эта тенденция, фиксируемая как национальными министерствами обороны, так и международными организациями, превращает женщину-комбатанта из исключения в норму современного вооруженного конфликта. Такой рост

численности женщин-комбатантов создает серьезные вызовы для международного гуманитарного права (далее – МГП), которое, как представляется, не успевает за изменениями.

МГП, в частности Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., предоставляет женщинам сложную, но противоречивую систему защиты. С одной стороны, провозглашается принцип недопустимости дискриминации (недискриминации), согласно которому все лица, независимо от пола, должны пользоваться общей защитой. Так, III Женевская конвенция гарантирует женщинам-военнопленным, наравне с мужчинами, право на гуманное обращение, но с учетом их пола, предписывая, например, их размещение в отдельных спальных помещениях и обеспечение надзора со стороны женщин. С другой стороны, в МГП закреплён принцип особой защиты женщин. Статья 12 I Женевской конвенции гласит, что «к женщинам будут относиться со всем полагающимся их полу особым уважением». Эта норма, на первый взгляд, направлена на усиление защиты, но именно в ней и кроется главная проблема современного МГП в контексте защиты женщин-комбатантов, которая заключается в правовой неопределенности. Несмотря на кажущуюся широту, содержание понятия «особое уважение» нигде не раскрыто, и это порождает серьезные сложности в правоприменении. Как отмечает Т. В. Вербицкая, «ни в Женевских конвенциях, ни в действующем военном законодательстве как Российской Федерации, так и зарубежных стран не закреплено, в чем состоит указанное „особое уважение“» [1, с. 5]. Эта оценочная категория оставляет широкий простор для произвольного толкования. Должна ли женщина-комбатант иметь право на отказ от выполнения определенных видов работ? Какие дополнительные медицинские гарантии ей положены? Как «особое уважение» должно влиять на процесс задержания или допроса? Ответы на эти вопросы отсутствуют, что делает данную норму декларативной и труднореализуемой на практике. Однако неопределенность содержания «особого уважения» сама по себе не создавала бы правовой проблемы, если бы не его столкновение с иными принципами МГП.

Так, острая коллизия возникает при столкновении с принципом проведения различия, который обязывает воюющие стороны отличать комбатантов от гражданских лиц и направлять атаки только против первых. Для защиты гражданских лиц МГП устанавливает важную презумпцию: «в случае сомнения, является ли лицо гражданским, оно считается таковым» (ст. 5 Дополнительного протокола I). На первый взгляд, эта норма направлена на минимизацию жертв среди мирного населения. В условиях, когда лицо не может быть четко идентифицировано как комбатант, презумпция гражданского статуса действует лишь до момента его задержания. После задержания к лицу, подозреваемому в участии в боевых действиях, применяются иные правила, в частности ст. 5 IV Женевской конвенции, позволяющая лишить его статуса военнопленного.

По предложению Т. В. Вербицкой, женщина, не имеющая явных признаков комбатанта, может быть отнесена к так называемой категории «незаконных комбатантов», под которыми в доктрине понимаются гражданские лица, непосредственно участвующие в боевых действиях. Согласно ст. 5 IV Женевской конвенции, такое лицо может быть лишено статуса военнопленного, если будет признано, что оно представляет угрозу безопасности государства [1, с. 5]. Однако, предложенный Вербицкой термин не закреплен в системе МГП и отражает скорее попытку доктрины заполнить пробел между статусами комбатанта и гражданского лица.

Предложенная Вербицкой правовая конструкция исходит из презумпции добровольного участия лица в боевых действиях. Однако именно это допущение ставится под сомнение эмпирическими исследованиями, которые показывают, что чаще всего за внешним участием женщины в боевых действиях стоит принуждение, а не свободный выбор.

Исследование Д. Коэн, установило, что вооруженные группы, практикующие принудительную вербовку (похищения), используют насилие, включая принуждение к совершению убийств и изнасилований, как метод «социализации», разрывающий связь новобранца с прошлой жизнью и доказывающий его лояльность группе [3, с. 2]. В своей монографии Коэн подчеркивает, что в таких условиях женщина действует не как свободный агент, а как орудие, и ее «выбор» совершить преступление это выбор между смертью и соучастием [3, с. 7].

Хотя Коэн анализирует преимущественно немеждународные вооруженные конфликты (гражданские войны), ее выводы имеют прямое отношение к международному гуманитарному праву. Во-первых, механизмы принудительной «социализации» через насилие универсальны и воспроизводятся в вооруженных группах любого типа, независимо от юридической квалификации конфликта. Во-вторых, запрет сексуального насилия закреплен как в международных, так и в немеждународных конфликтах (общая статья 3 Женевских конвенций, подп. «д» п. 2 ст. 4 Дополнительного протокола II), поэтому документированные Коэн нарушения подпадают под действие МГП.

Механизм, рассматриваемый Коэн, зафиксирован в документах правозащитных организаций. В докладе Human Rights Watch о гражданской войне в Сьерра-Леоне говорится о том, что похищенных женщин и девочек принудительно призывали в боевые отряды. Они проходили военную подготовку и отправлялись в бой, однако внутри повстанческой иерархии оставались на низшей позиции им назначались «мужья» из числа бойцов. Как отмечается в докладе, «принудительно призванные женщины-комбатанты во многих отношениях были столь же уязвимы, как и гражданские похищенные, и, возможно, решали оставаться со своими повстанческими «мужьями» из-за стыда, отсутствия альтернатив и экономической зависимости» [5]. Этот пример наглядно показывает, что женщины, принужденные стать комбатантами, оставались жертвами систематического насилия, а их «участие» в боевых действиях не было свободным выбором.

Именно здесь возникает юридический капкан. При задержании такая женщина предстает перед военным судом как лицо, которое носило оружие, участвовало в боевых действиях, а возможно, и в актах насилия. Ее же внутреннее состояние «меня заставили под дулом автомата» в рамках формальной квалификации по ст. 5 IV Женевской конвенции, как правило, не учитывается. Она не защищена как гражданское лицо, поскольку принимала непосредственное участие в боевых действиях, но и не пользуется защитой III Женевской конвенции, так как не признана законным комбатантом. Единственной гарантией для нее остается ст. 75 Дополнительного протокола I которая обеспечивает минимальные судебные гарантии, но не дает полноценной защиты, включая отдельное размещение, надзор со стороны женщин или право на переписку.

Таким образом, проблема международно-правовой защиты женщин-комбатантов приобретает трагическую двойственность. Женщина, которую принудили к участию в конфликте и сделали орудием насилия, при задержании рискует оказаться в правовом вакууме: она утрачивает защиту как гражданское лицо, но не приобретает защиту как комбатант. Показательно, что даже Международный уголовный суд, рассматривая дело бывшего ребенка-солдата Доминика Онгвена, столкнулся с невозможностью провести четкую грань между жертвой и палачом и отклонил защиту на основании принуждения [6]. Для женщин-комбатантов эта проблема стоит еще острее ввиду систематического использования сексуального насилия как метода войны. Действующая правовая модель МГП, в недостаточной степени учитывающая фактор принуждения, рискует вторично наказать ту, кто и так была жертвой.

Таким образом, МГП, создав сложную систему защиты женщин в вооруженных конфликтах, столкнулось с внутренним противоречием. Декларативная норма об «особом уважении» и благая по своей сути презумпция гражданского статуса, вступая в противоречие с принципом различия, приводит к фактическому снижению уровня международно-правовой защиты женщин. Эта коллизия ставит их в уязвимое положение, лишая полноценной защиты, предусмотренной для военнопленных, и в то же время делая их законной военной целью. Для устранения этого пробела требуется не только доктринальное толкование, но и, возможно, выработка дополнительных международно-правовых норм, которые четко определяли бы статус и гарантии для женщин, участвующих в боевых действиях, особенно в случаях, когда их идентификация в качестве комбатанта затруднена. Без этого «особое уважение» к женщинам на войне так и останется благим пожеланием, а не действующим принципом права.

Список цитированных источников

1. Вербицкая, Т. В. К вопросу о защите женщин в условиях вооруженного конфликта / Т. В. Вербицкая // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 11. – С. 3–6.

2. Юклова, Т. Г. Женщины под защитой международного гуманитарного права / Т. Г. Юклова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2013. – №3 (36). – С. 221–231.
3. Cohen, D. K. Rape during Civil War / D. K. Cohen. – Ithaca : NY Cornell University Press, 2016. – 28 p.
4. Facts and figures: Women, peace, and security // UN Women. – URL: <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-women-peace-and-security> (date of access: 30.03.2026).
5. We'll Kill You If You Cry" Sexual Violence in the Sierra Leone Conflict // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/report/2003/01/15/well-kill-you-if-you-cry/sexual-violence-sierra-leone-conflict> (date of access: 01.04.2026).
6. Moczydłowski, Z. Zero-Sum Failure: The Intersection of Sexual Violence & Child-Soldier Culpability in Ongwen / Z. Moczydłowski // Harvard International Law Journal. – URL: <https://journals.law.harvard.edu/ilj/2025/04/zero-sum-failure-the-intersection-of-sexual-violence-child-soldier-culpability-in-ongwen> (date of access: 01.04.2026).
7. Women's participation in violent non-state armed groups: re-thinking international law? The University of Waikato. – URL: <https://www.waikato.ac.nz/int/news-events/events/find-event/womens-participation-in-violent-non-state-armed-groups-re-thinking-international-law/> (date of access: 31.03.2026).

Yadova A. A., Tambov, Derzhavin Tambov State University, student.

Academic advisor: Shadskiy O. G., Tambov, Derzhavin Tambov State University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law Institute of Law and National Security, PhD in History, Associate Professor.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Шилов А. А.

Российская Федерация,
г. Белгород,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
студент

Научный руководитель

Пасенов А. Н.

Российская Федерация,
г. Белгород,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института, кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН ПРИ ОПАСНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Вооруженные конфликты современности причиняют личности необратимый ущерб, наиболее тяжким и системным проявлением которого выступает практика массового сексуального насилия в отношении женщин, используемого, по существу, в качестве самостоятельного инструмента деморализации и подавления. Полагаем, что проблема защиты прав женщин на половую неприкосновенность в условиях вооруженного противостояния носит структурный характер и не сводима лишь к дефектам нормативного регулирования: она обусловлена, прежде всего, отсутствием заинтересованности органов военной власти в расследовании преступлений своих подчиненных, что лишает институты ответственности реального содержания.

Международные судебные органы, декларируя целью неотвратимость наказания, функционируют нередко в логике геополитической целесообразности, превращая расследование обстоятельств произошедшего и привлечение виновных к ответственности в инструмент давления, а не справедливости. Вместе с тем сексуальное насилие выходит далеко за рамки угрозы индивидуальной безопасности: оно подрывает нравственные основы общества, разрушает социальную сплоченность и влечет долгосрочные гуманитарные последствия для целых сообществ. Так, С. А. Бокерия и А. Р. Андропова выявили и систематизировали наиболее распространенные проблемы, обусловленные сексуальным насилием в рамках вооруженного конфликта: к числу системных проблем авторы относят: 1) стигматизацию жертв;

2) изнасилование; 3) детей, рожденных в результате насилия; 4) политизацию проблемы; 5) торговлю людьми; 6) внутреннее перемещение; 7) рабство; 8) репродуктивное здоровье [2, с. 28].

Ответом процессуальной доктрины на реалии международного уголовного судопроизводства явилось введение Правила № 96 Процедурного положения Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ): данная норма закрепила принцип, согласно которому по делам об изнасиловании и иных формах сексуального насилия, квалифицируемого как военное преступление, к доказательствам могут быть отнесены довольно скудные материалы. Зачастую только показания потерпевших признаются достаточным доказательством и не требуют обязательного подкрепления иными доказательными материалами. Объективное основание такого подхода точно сформулировал Н. Ю. Антонов: как обоснованно указывает данный автор, с момента предполагаемого совершения преступления во многих делах истекал значительный срок, что делало обнаружение достоверных вещественных доказательств сексуального насилия крайне затруднительным [1, с. 328]. При этом принципиально важно осознавать: сексуальное насилие в контексте вооруженного конфликта нередко выполняет функцию, лишь опосредованно связанную с половым влечением по своей глубинной природе оно представляет инструмент господства, физического и психического подчинения, унижения личности противника [13]. В более широкой перспективе посредством подобных деяний воюющая сторона транслирует свое стремление к тотальному контролю над населением, возводя насилие в ранг террора. Что касается субъектного состава, Глория Гаджولي выделяет следующие категории лиц, способных совершать подобные деяния в отношении жертв: 1) представители государственных структур; 2) члены организованных негосударственных вооруженных формирований; 3) участники международных миротворческих миссий; 4) сотрудники частных военных и охранных компаний; 5) частные лица, действующие в условиях конфликта [12, с. 4].

Представляется необходимым отдельно остановиться на принципиальном значении общего запрета на сексуальное насилие в отношении гражданского населения запрета, распространяющегося равным образом на международные вооруженные конфликты и конфликты немеждународного характера. Данный запрет носит конвенциональное закрепление в системе III и IV Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. (далее – ЖК), а также в I и II Дополнительных протоколах к ним 1977 г. (далее – ДП). В системе указанных актов I ДП устанавливает особую защиту женщин «от изнасилования, принуждения и любых других форм непристойных посягательств» (ч. 1 ст. 76), II ДП же расширяет данную гарантию, запрещая «изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме» (п. «е» ч. 2 ст. 4).

Полагаем, что окончательное утверждение сексуального насилия в качестве самостоятельного состава международного преступления стало

прямым следствием прецедентного правотворчества международных трибуналов этот вывод согласуется с позицией А. Г. Кибальника и Р. Э. Невского, рассматривающих практику трибуналов как определяющий фактор подобного признания [8, с. 25]. В уставах соответствующих трибуналов в качестве военных преступлений поименованы «изнасилование» и «бесчеловечное обращение», а критерии и условия отнесения конкретных актов сексуального насилия к категории международных преступлений были последовательно выработаны именно в решениях МТР и МТБЮ. Вместе с тем было бы неверным искать проблему в деятельности судов. Основная проблема в государствах и лицах, скрывающих такие зверства, в свою очередь, международные трибуналы являются относительно новыми явлениями и не могут в полной мере подменять органы государственной власти в расследовании таких преступлений.

Самостоятельного рассмотрения требует проблема командной ответственности за сексуальное насилие, совершаемое подчиненными. Международное уголовное право выработало устойчивый стандарт в данной области: согласно ст. 28 Римского статута Международного уголовного суда, военный командир несет уголовную ответственность за преступления, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем, при условии, что он «знал или, в сложившихся обстоятельствах, должен был знать» об их совершении и не принял всех необходимых и разумных мер для предотвращения или пресечения таких деяний. Данный стандарт, восходящий к прецеденту Ямаситы (1945), фиксирует принципиально двойственную правовую ситуацию: рядовые военнослужащие непосредственно совершают акты сексуального насилия, тогда как командование, осознавая происходящее либо располагая достаточными основаниями для осознания, молчаливо попустительствует подобным деяниям, воздерживаясь от вмешательства. Международное право квалифицирует подобное бездействие командира как самостоятельный состав преступной деятельности: обязанность принять меры возникает не только при наличии прямого умысла, но и при обстоятельствах, порождающих презумпцию осведомленности так называемое «конструктивное знание». Тем самым доктрина командной ответственности последовательно устраняет фигуру «неосведомленного командира» как основание для безнаказанности, распространяя нормативные требования на весь командный уровень военной иерархии.

Статья 3, общая для всех четырех Женевских конвенций, возлагает на стороны конфликта конкретное и безусловное обязательство: обеспечивать гуманное обращение с лицами, не принимающими активного участия в вооруженных действиях, одновременно запрещая «посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности все виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания», а также «посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение». Необходимо учитывать, что

сложившееся прецедентное право международных трибуналов квалифицирует сексуальное насилие как одно или совокупность деяний, охватываемых общей статьей 3, тем самым существенно расширяя пределы ее применения и придавая соответствующим нормам универсальное юрисдикционное значение для целей уголовного преследования. Это обстоятельство имеет самостоятельную доктринальную ценность: через данный механизм сексуальное насилие встраивается в базовую систему защитных обязательств МГП вне зависимости от характера конфликта. Дополнительный уровень защиты применительно к международным вооруженным конфликтам обеспечивает ст. 27 IV ЖК, содержащая специальное положение, «ограждающее женщин от покушений на их честь, в частности от изнасилования, принуждения к проституции и непристойных посягательств».

Международно-правовое регулирование в данной области представляет собой многоуровневую нормативную систему, выходящую за рамки Женевских конвенций и включающую институциональные механизмы, созданные Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН). Ключевую роль в формировании организационной основы реагирования сыграли резолюции СБ ООН: резолюция 1888 (2009) учредила мандат Офиса Специального представителя Генерального секретаря по сексуальному насилию в вооруженных конфликтах, обеспечив тем самым институциональную персонификацию ответственности на высшем уровне, тогда как резолюция 196 ввела институт Механизмов мониторинга, анализа и отчетности (далее – ММАО) специализированного инструмента систематического сбора и оценки доказательной информации о фактах сексуального насилия в зонах конфликтов.

В сфере судебной практики принципиальное прецедентное значение приобрело дело *Prosecutor v. Furundžija* (МТБЮ, IT-95-17/1-T, решение от 1 декабря 1998 г.): именно это решение позволило утвердить вывод о том, что совершение изнасилования в условиях вооруженного конфликта специальным субъектом влечет его квалификацию в качестве военного преступления со всеми вытекающими последствиями для юрисдикции и применимого права [11]. Прецедент Фурундзии демонстрирует механизм трансформации общеуголовного состава: деяние, стандартно преследуемое на основании национального законодательства, приобретает в военном контексте принципиально иное международно-правовое измерение. Параллельно существует самостоятельная и не менее значимая интерпретационная линия, квалифицирующая сексуальное насилие через призму запрета на посягательство на человеческое достоинство: ст. 4 II ДП прямо относит «изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме» к числу деяний, грубо попирающих достоинство личности. Уголовные трибуналы, рассматривая подобные действия в контексте сухопутных боевых операций, традиционно квалифицировали их как «бесчеловечное обращение» состав, подпадающий под юрисдикцию Международного уголовного суда.

Обеспечение защиты женщин во время вооруженных конфликтов равным образом отражает цели III и IV Женевских конвенций, в виду защиты жертв войны. Следует нынешние правовые механизмы защиты жертв войны усилить новеллами для противостояния международным гуманитарным проблемам.

Список цитированных источников

1. Антонов, А. Н. Некоторые аспекты квалификации и расследования органами международного правосудия сексуального насилия, совершенного в контексте вооруженных конфликтов / А. Н. Антонов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 327–329.
2. Бокерия, С. А. Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА / С. А. Бокерия, А. Р. Андропова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 20–36.
3. Бокерия, С. А. Подходы государств к проблеме сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта: основные противоречия при выработке согласованной позиции на полях ООН. Подходы / С. А. Бокерия, А. Р. Андропова, М. А. Двуреченский [и др.] // Международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 34–46.
4. Бокерия, С. А. Партнерство ООН и Африканского союза в реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность»: политика, форматы и стратегии / С. А. Бокерия, А. Киамба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 307–321.
5. Воронина, И. А. Женский «гендер» при вооруженных конфликтах: правовой аспект / И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 125–126.
6. Калашникова, А. Ю. Сексуальное насилие в условиях вооруженного конфликта: причины и меры противодействия / А. Ю. Калашникова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 531–533.
7. Кибальник, А. Г. Сексуальное насилие как военное преступление или акт геноцида в решениях международных трибуналов ad hoc / А. Г. Кибальник, Р. Э. Невский // Общество и право. – 2024. – № 3 (89). – С. 24–29.
8. Нелаева, Г. А. Повестка «Женщины, мир и безопасность» в политике Европейского союза / Г. А. Нелаева // Мировая политика. – 2017. – № 2. – С. 81–91.
9. Самович, Ю. В. Правовая регламентация преступлений против женщин в международном гуманитарном праве / Ю. В. Самович // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 85. – С. 152–159.
10. Шеремет, Н. А. Международно-правовые аспекты защиты женщин от насилия в рамках Организации американских государств / Н. А. Шеремет // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 160–172.
11. Выдержка из номера: «Sexual violence in armed conflict» // Междунар. журнал Красного Креста. – 2014. – № 96 (894).
12. The Prosecutor v. Bagosora et. al. (No. ICTR-98-41-T) : Judgement and Sentence of 18 Dec. 2008, para 933 // International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR). – URL: https://www.haguejusticeportal.net/Docs/Court%20Documents/ICTR/Bagosora_Judgment_Summary_EN.pdf (date of access: 15.04.2026).

Shilov A. A., Belgorod, Belgorod State University, student.

Academic advisor: Pasenov A. N., Belgorod, Belgorod State University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of Law Institute, PhD.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Ваврентович З. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Ворошкевич С. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры международного права

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И МАТЕРЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В условиях вооруженных конфликтах повышенное значение имеет проблема защиты гражданского населения. А именно обеспечение его безопасности и гуманных условий переживания конфликта. Особое внимание следует уделить правовой защите беременных женщин и матерей в условиях конфликтов, поскольку эта категория населения является наиболее уязвимой и требует преференциального отношения.

Актуальность темы обусловлена увеличением количества военных конфликтов, появляющихся в современном геополитическом пространстве и всеобщей напряженности в мире.

Целью эссе выступает анализ особенностей международно-правовых норм защиты беременных женщин и матерей во время вооруженных конфликтов для понимания объема уже проделанной работы по защите таких лиц.

Для лучшего ориентирования и понимания анализируемой темы стоит рассмотреть систему международно-правовых источников защиты женщин в вооруженных конфликтах. Основу составляют Женевские конвенции, принятые 12 августа 1949 г. Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г. Данные конвенции состоят из четырех международных договоров: I Конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»; II Конвенция «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава морских вооруженных сил»; III Конвенция «Об обращении с военнопленными»; IV Конвенция «О защите гражданского населения

во время войны». В рамках эссе представляется целесообразным рассмотреть четвертую конвенцию, ведь непосредственно в ней описываются методы защиты беременных женщин и матерей. Как сказано в ст. 13 IV Конвенции, ее положения призваны «способствовать смягчению страданий, порождаемых войной» [1].

Кроме вышеперечисленных четырех конвенций, уже после 1949 года были приняты дополнительные протоколы к Женевским конвенциям. А именно Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям и Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям (приняты на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г.). Данные протоколы развивают и адаптируют основные идеи конвенций 1949 г. под новые формы ведения вооруженных конфликтов и вооружений, а также усиливают правовую защиту лиц, не являющихся комбатантами и, следовательно, не принимающих участия в боевых действиях.

Как упоминалось ранее, беременные женщины и матери занимают особое положение среди гражданского населения из-за своей уязвимости. Их защита в международном гуманитарном праве носит не общий, а специализированный характер, что выражается в закреплении дополнительных гарантий и привилегий. Говоря об этом, необходимо подчеркнуть необходимость особого уважения и охраны данной категории лиц. Считаем важным согласиться с мнением Ф. Крилля, указывающего: «...запрещение дискриминации не является запрещением дифференцированного подхода. Именно по этой причине различия запрещаются лишь в той мере, в какой они являются неблагоприятными. Принцип равенства легко оборачивается несправедливостью, если применяется к ситуациям, не одинаковым по своей сути, и без учета обстоятельств, связанные с состоянием здоровья, возрастом и полом лиц, пользующихся защитой» [2, с. 6]. Говоря простым языком, да, равноправие и недискриминация необходимы, но они не должны обозначать то, что с женщинами необходимо обращаться просто «не хуже, чем с мужчинами» (п. 2 ст. 14 Женевской конвенции III 12 августа 1949 г.) [3], а учитывать особенности их пола, следовательно, и организма, и процессов, протекающих в нем. Тем самым выражаем полное согласие с положением описанным в п. 4 ст. 12 Женевской конвенции I 12 августа 1949 г.: «К женщинам будут относиться со всем полагающимся их полу особым уважением» [4].

Механизм защиты беременных женщин и матерей представляет собой совокупность льгот и гарантий для таких лиц. Выражаются они в особой гуманитарной защите и процессуальных, пенитенциарных гарантиях. Рассмотрим некоторые из норм в обоих пунктах.

Одной из форм гуманитарной защиты является возможность для сторон еще в мирное время и после начала войны создавать на территории своих границ, а при необходимости на территориях, оккупированных противоборствующей стороной, санитарные и безопасные зоны с целью оградить от действий вооруженного конфликта уязвимые группы населения,

в том числе беременных женщин и матерей с детьми до 7-летнего возраста (п. 1 ст. 14 IV Конвенции) [1]. Данная норма существенно облегчает защиту гражданского населения, так как позволяет как бы отделить некомбатантов от комбатантов, и, тем самым, исключить возможность попадания «шальных» пуль и снарядов в гражданское население при столкновениях армий конфликтующих сторон.

В п. 1 ст. 16 этой же Конвенции говорится, что беременные женщины, так же, как и раненые, больные и инвалиды во время вооруженного конфликта будут пользоваться особым покровительством и защитой [1]. К особому покровительству и защите относится эвакуация из осажденных и оккупированных зон (ст. 17), а также уважение и покровительство при транспортировке по суше, воздуху и воде (ст. 21).

Статья 23 IV Конвенции гласит о том, что каждая сторона, участвующая в конфликте обязана предоставлять свободный пропуск всех посылок с необходимыми продуктами питания, носильными вещами и укрепляющими средствами, предназначенными для детей до 15 лет, беременных женщин и рожениц [1]. Такая норма позволяет своим действием обеспечить, насколько это возможно, безопасное и здоровое проживание рожениц и беременных женщин, а также помочь правильному развитию еще не родившихся и уже родившихся детей.

Процессуальные и пенитенциарные гарантии призваны облегчить участь беременных женщин и матерей при совершении преступлений в условиях законов военного времени. Как было справедливо замечено Ф. Криллем в самих Женевских конвенциях ничего не упоминается. Данные нормы нашли свое отражение позже в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям.

Так в п. 2 ст. 76 Протокола указывается, что те дела, в которых к беременным женщинам и матерям малолетних детей, от которых такие дети зависят применяются задержание, арест или интернирование по причинам, непосредственно связанным с вооруженным конфликтом, рассматриваются в первоочередном порядке [5]. Это позволяет не затягивать заключение таких лиц в итак непростой для них жизненный период, дает возможность избежать лишних душевных переживаний, способных навредить состоянию женщины.

Главным образом беременных женщин и матерей необходимо оберегать от смерти, в том числе от смертной казни. Норма, регулирующая такие казусы, закреплена в ст. 76 Протокола I Дословно она гласит: «В максимально возможной степени стороны, находящиеся в конфликте, стремятся избегать вынесения смертного приговора за правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом, в отношении беременных женщин или матерей малолетних детей, от которых такие дети зависят. Смертный приговор за такие правонарушения не приводится в исполнение в отношении таких женщин.» Действие данной нормы позволяет защитить сразу два субъекта.

В случае с беременной женщиной все понятно, ведь со смертью самой роженицы погибает и сам плод. Касательно матерей малолетних детей, смерть матери может причинить серьезный психологический вред ребенку, не говоря уже о угрозе нормального развития без родителя.

Очевидно, что Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г. имеют в себе развитую систему международно-правовых норм, направленных на защиту беременных женщин и матерей. Однако, несмотря на наличие такой, на первый взгляд, безупречной системы данные нормы не всегда соблюдаются. В первую очередь это обусловлено тем, что правила попросту игнорируются участниками конфликта. Ведь во время реальных боевых действий защита гражданского населения не всегда является приоритетом. Во многом проблема заключается в том, что международное гуманитарное право держится на добросовестности противоборствующих сторон, а при ее отсутствии нормы не будут работать столь эффективно. Также отсутствует универсальный механизм, способный жестко и тщательно контролировать соблюдение обоими сторонами конфликта вышеуказанных норм. Почти не представляется возможным фиксировать нарушения, так как международные организации не всегда имеют доступ к зонам конфликтов, особенно во время активной фазы боевых действий. Тем самым, сбор доказательств невероятно затруднен, и из этого вытекает другая проблема: привлечение виновных к международной уголовной ответственности. Таким образом, многие преступления остаются безнаказанными.

Обобщая изложенное, можно заключить, что беременные женщины и матери малолетних детей являются особо уязвимой категорией гражданского населения и занимают значительное место в международном гуманитарном праве. Для их защиты был принят ряд международно-правовых актов, прежде всего Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г., которые призваны закрепить специальные гарантии для такой категории лиц.

Однако ключевой проблемой остается не недостаточность правового регулирования, а именно сложности реализации установленных норм на практике. В связи с этим считаем необходимым и дальше развивать средства международного гуманитарного права, в том числе укреплять способы их реализации, контроля и соблюдения, что позволит обеспечить более надежную защиту беременных женщин и матерей в условиях вооруженных конфликтов.

Список использованных источников

1. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята в г.Женеве 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 27.03.2026).

2. Криль, Ф. Международное гуманитарное право о защите женщин / Ф. Криль // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/637.pdf> (дата обращения: 27.03.2026).

3. Женевская конвенция об обращении с военнопленными: принята в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 28.03.2026).

4. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях: принята Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны от 12 авг. 1949 г. // Междунар. Комитет Красного Креста. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/assets/2023-10/GC-I-RU.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 28.03.2026).

Vavrentovich Z. A., Minsk, International University «MITSO», Law Faculty student.

Academic advisor: Voroshkevich S. A., Minsk, International University «MITSO», Senior Lecturer of the Department of International Law.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Югай М. Е.

Республика Казахстан,
г. Косшы,
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистрант

Научный руководитель

Сейтаева Ж. С.

Республика Казахстан,
г. Косшы,
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
заведующий кафедрой подготовки по противодействию
современным вызовам Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ: РОЛЬ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В последние годы Главы отдельных государств все чаще стали актуализировать проблему эффективности в деятельности ООН как центрального элемента глобальной архитектуры безопасности и связанную с этим необходимость трансформации механизмов, обеспечивающих реальную возможность участия женщин в процессах урегулирования конфликтов.

Так, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, выступая на панельной сессии Анталийского дипломатического форума, вполне справедливо акцентировал внимание на негативной тенденции снижения посреднической роли ООН в реализации международно-правовых гарантий, включая защиту женщин, поскольку ключевые переговоры по урегулированию конфликтов все чаще проходят вне площадок этой международной организации [1].

Данная проблема усугубляется еще и тем, что современный мир все чаще сталкивается с признаками нарастающей нестабильности: вооруженные конфликты не только не исчезают, но и приобретают все более сложные формы, затрагивая новые регионы и вовлекая все большее число гражданского населения. Масштаб воздействия вооруженных конфликтов на женщин, как одной из наиболее уязвимых групп, достигает беспрецедентного уровня.

Так, в 2024 году около 676 млн женщин и девочек проживали в непосредственной близости от мест смертоносного насилия это почти каждая 6-я женщина в мире, что является самым высоким показателем с 1990-х годов. При этом около 113 млн из них находились в зонах, где число погибших превышало 10 человек [2].

Сами по себе данные цифры отражают масштаб проблемы, но не отражают ее суть: вооруженные конфликты трансформируют не только пространство безопасности, но и структуру социального неравенства, в рамках которой женщины одновременно оказываются наиболее подверженными рисками и наименее представленными в процессах принятия решений.

Анализ последствий вооруженных конфликтов свидетельствует о том, что их воздействие носит выраженный гендерный характер: рост сексуализированного насилия, ухудшение доступа к образованию и здравоохранению, сокращение экономических возможностей и ограничение доступа к правосудию непропорционально затрагивают женщин.

Однако подобное понимание остается неполным, если рассматривать женщин исключительно как уязвимую группу. Полагаем, что такой подход свидетельствует о сохранении архаичного отношения к женскому гендеру, принижая его роль в социальных процессах, оставляя роль жертвы путем исключения из процессов управления.

В то же время историческая память о роли женщины в условиях гендерного равенства в процессах социального управления и обеспечении безопасности демонстрирует положительные примеры. Для примера можно привести фигуру царицы саков-массагетов Томирис, ставшей символом политической воли и военного лидерства. Имена Алия Молдагулова и Маншук Маметова являются не только символами проявления героизма, но и трансформации общественного сознания, искореняющего роль женщины в пределах вспомогательных функций в условия военных, боевых действий.

Универсальность подобной исторической практики получало свое формально юридическое выражение на уровне Резолюции Совета Безопасности ООН №1325 (2000), институализировавшей аксиоматический характер устойчивого мира требующего полноценного вовлечения в эту деятельность женщин. Соответственно, Резолюция закрепила необходимость их участия в урегулировании конфликтов, миростроительстве, поддержании мира, гуманитарном реагировании и постконфликтном восстановлении.

Однако в настоящее время, фактически спустя четверть века, универсальная и аксиоматическая значимость данной Резолюции, а точнее реализация ее положений, все чаще стала сталкиваться с реакцией попиранья и пренебрежения в форме игнорирования и системных ограничений. В частности, по данным Доклада Генерального секретаря ООН о положении женщин, мире и безопасности за 2025 год, в условиях растущего авторитаризма, распространения конфликтов и милитаризации в период

с 2020 по 2025 год наблюдается не только стагнация, но и в ряде случаев регресс в достижении целей повестки «Женщины, мир и безопасность» [3]. Данная тенденция проявляется на фоне усиления кризисов миграции населения, ослабления многостороннего сотрудничества, а также нарастающего давления на гражданское общество и правозащитные инициативы, включая сокращения финансирования, направленного на реализацию повестки «Женщины, мир и безопасность». В этих условиях даже принятые государствами национальные планы действий по повестке «Женщины, мир и безопасность» нередко остаются нереализованными или носят формальный характер. Одновременно сохраняется зависимость международных институтов от политической воли государств, что ограничивает возможность обеспечения реального участия женщин в процессах урегулирования конфликтов.

Таким образом, ослабление посреднической роли Организации Объединенных Наций приводит к тому, что даже закрепленные на международном уровне гарантии защиты и участия женщин реализуются фрагментарно и зависят от конкретных политических условий. В результате формируется ситуация, при которой наличие правовых норм не сопровождается их эффективным применением на практике.

На этом фоне возникает вопрос об эффективности существующих механизмов международного гуманитарного права: их формальное наличие не обеспечивает реального участия и защиты женщин в условиях трансформирующихся конфликтов. Проблема, таким образом, заключается не в отсутствии норм, а в их ограниченной реализации, что требует не только их совершенствования, но и пересмотра самой логики международной безопасности.

Одной из ключевых причин этого выступает несоответствие существующих правовых механизмов изменяющемуся характеру современных конфликтов. Современные вооруженные конфликты все чаще выходят за рамки классических моделей, на которых изначально строилась система международного гуманитарного права, что делает существующие механизмы менее эффективными.

Параллельно с этим развивается еще один фактор, радикально меняющий характер конфликтов – стремительное развитие технологий. Прежде всего речь идет об искусственном интеллекте, который все активнее используется как в военной сфере, так и в информационном пространстве. С одной стороны, он повышает точность и эффективность операций, с другой создает новые формы угроз. Женщины все чаще становятся объектами цифрового насилия: от целенаправленных кампаний дезинформации и онлайн-преследования до создания дипфейков и иных форм технологически обусловленного воздействия.

На этом фоне особое значение приобретает мониторинг нарушений прав человека, связанных с использованием технологий, включая угрозы в адрес женщин-правозащитниц, женщин-миростроителей и участниц

политических процессов. Цифровая среда все чаще становится пространством давления, где цензура, слежка и преследование непропорционально затрагивают именно женщин. При этом, несмотря на риски, онлайн-платформы нередко остаются последним доступным пространством для выражения мнений и гражданской активности.

Эти формы насилия пока не получили должного отражения в международно-правовых нормах. Алгоритмы, лежащие в основе многих технологических решений, способны воспроизводить и усиливать существующие гендерные предубеждения, формируя новую, менее очевидную, но не менее значимую форму дискриминации. В результате возникает новая зона уязвимости, выходящая за пределы традиционного понимания вооруженного конфликта и требующая переосмысления подходов к правовому регулированию.

В то же время при условии устранения гендерной асимметрии указанные современные технологии могут трансформироваться из исключительного источника угроз в инструмент защиты женщин. Цифровые платформы позволяют фиксировать нарушения, координировать действия и формировать транснациональные сети солидарности. Более того, целенаправленное использование технологий, включая искусственный интеллект, может способствовать противодействию дезинформации и онлайн-насилию, однако это требует дополнительных усилий по обеспечению доступа женщин к таким областям, как искусственный интеллект и машинное обучение, а также их включения в процессы разработки технологических решений.

В этой связи особое значение приобретает развитие международных стандартов регулирования технологий. В Рекомендациях ЮНЕСКО об Этических аспектах искусственного интеллекта подчеркивается необходимость обеспечения гендерного равенства как одного из ключевых принципов [4]. Реализация подобных подходов предполагает усиление международного сотрудничества, повышение прозрачности алгоритмов и разработку механизмов, направленных на предотвращение дискриминации и защиту гражданского пространства. При этом с учетом ранее обозначенной проблемы декларативности, ключевым вызовом продолжает оставаться не формирование стандартов как таковых, а их интеграция в практику регулирования и технологического развития, что требует включения гендерного измерения от этапа разработки алгоритмов до их применения.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что совокупность современных процессов выводит проблему международно-правовой защиты женщин за пределы традиционного понимания безопасности и требует пересмотра самой логики ее построения. Подход, основанный на восприятии женщин преимущественно как объектов защиты, утрачивает актуальность и должен быть заменен моделью, предполагающей их признание равноправными участниками процессов обеспечения мира и безопасности. Это предполагает не только расширение их реального участия в мирных переговорах и политических процессах, но и адаптацию международного права к новым вызовам, включая регулирование цифровых форм

насилия и использования технологий в конфликтах, а также повышение эффективности ключевых международных институтов.

Международно-правовая защита женщин находится на этапе качественной трансформации: от формального закрепления прав к их реальному обеспечению, от декларативного равенства к фактическому участию. От того, насколько последовательно будет реализован этот переход, зависит не только положение женщин в условиях вооруженных конфликтов, но и способность всей системы международной безопасности адекватно реагировать на вызовы современности.

Список использованных источников

1. Глава государства принял участие в панельной сессии Анталийского дипломатического форума. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-panelnoy-sessii-antaliyskogo-diplomaticheskogo-foruma-1734212> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Haleema, H. Wellbeing of women goes hand in hand with wellbeing of nations / H. Haleema, S. A. Rustad. – URL: <https://www.prio.org/comments/1867> (date of access: 19.04.2026).
3. Женщины и мир и безопасность : доклад Генер. секретаря ООН от 5 сент. 2025 г. – URL: <https://docs.un.org/ru/S/2025/556> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 19.04.2026).

Yugay M. Ye., Kosshy, Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Master student.

Academic advisor: Seytayeva Zh. S., Kosshy, Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department for Training on Countering Modern Challenges, Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Phd.